

12+

**Литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

Учредители:

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ КБР
ПО ПЕЧАТИ
И МАССОВЫМ
КОММУНИКАЦИЯМ
ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ КБР»

Главный редактор – Х. М. ТХАЗЕПЛОВ

Редакционная коллегия:

Светлана Алхасова
Руслан Ацканов
Муталип Беппаев
Адам Гутов
Виктор Котляров
Владимир Мамишев (отв. сек.)
Светлана Моттаева
Анжела Мусукаева
Анатолий Парпара (Москва)
Александр Пряжников (Ростов)
Тахир Толгуров
Юрий Тхагазитов
Андрей Хакуашев
Мухамед Хафицэ

Общественный совет:

Борис Зумакулов
(председатель совета)
Нина Емузова
Мурат Карданов
Касбулат Дзамихов
Замир Мисроков
Пшикан Семенов
Хаути Сохроков
Пшикан Таов
Аминат Уянаева
Руслан Фиров
Феликс Хараев
Башир Хубиев
Сафарби Шхагапсоев

1. 2017 ЯНВАРЬ – ФЕВРАЛЬ

О ПРОБЛЕМАХ ПЕРЕВОДА

Подвижки культурной сферы в конце прошлого века не были абсолютно деструктивными. Исчезновение идеологических ограничений диверсифицировало литературный контекст – читатель получил доступ к авторам, чье творчество находилось до этого либо под прямым запретом, либо игнорировалось, либо допускалось к публикациям жестко дозированно. Возврат имён, имевший место в 90-х годах прошлого века, был явлением системным, в значительной мере поменявшим подходы к самому понятию «художественный текст», трансформировавшим критерии оценки произведений и их ожидаемого эффекта. Человек, вкусивший образную изощренность и информативную емкость И. Бродского, лаконичность и насыщенность С. Довлатова, идеологическую свободу А. Солженицына или этическую мобильность В. Набокова, закономерно менял требования к литературному произведению вообще.

В изменившейся информационной среде, при изменившихся запросах читателя, литературы Северного Кавказа столкнулись с ранее совершенно незнакомой проблемой, остающейся актуальной и сегодня. Речь идёт о потенциале этнического эстетического мышления в качестве социального института – собственно говоря, о статусе писательского труда, его престижа и, соответственно, возможностях воздействия на общество. И, понятно, важнейшей составляющей этого круга вопросов являются задачи «вывода» автора в широкую читательскую среду, в нашем случае – русскоязычную.

В СССР эти вопросы решались на уровне государственного менеджмента – государство регулировало и тиражность книг, и сам список поэтов и прозаиков, допущенных к публикации в крупных издательствах. При этом суммарный объем переводимых текстов был таков, что даже при наличии целой армии высококвалифицированных переводчиков в конечном итоге читатель получал текст, как правило, не совсем соответствующий, либо вообще далёкий от оригинала.

Сложился целый пласт произведений, художественные характеристики которых зависели не столько от достоинств и недостатков их национальных прототипов, сколько от навыков, образных стереотипов и мастерства переводчиков. В подавляющем большинстве случаев это была «кондовая» соцреалистическая проза, отмеченная тягостным многословием, выпяченной лексикой и нарочито искаженным синтаксисом, или поэтические вирши, расцвеченные небывалым для русского языка количеством восклицательных знаков и «экзотизмов», знакомых еще со времён Пушкина и Лермонтова – «папах», «кинжал», «скакун», «бурка», «Эльбрус».

Между тем, художественное слово всего Северного Кавказа и, в частности, Кабардино-Балкарии, при имманентном рассмотрении никак не

вписывалось в качественные границы периферийной литературы. Уже в конце 60-х годов горская поэзия достигла того уровня эстетического осмысления окружающего, который и сегодня может считаться авангардным. В стихах даже не самых одаренных наших авторов – помимо традиционных этнических составляющих – с начала 70-х годов прошлого века в полном виде присутствуют все эволюционные новации современной мировой и российской поэзии. В этот же период проза народов региона также вступила в фазу развития, ознаменовавшуюся появлением текстов, не уступавших лучшим мировым образцам ни в нарративном, ни в архитектурном аспектах. Но всё это совершенство и высокое эстетическое качество национальных литератур оставались неведомыми союзному, а затем и российскому читателю.

Мало того, что российские переводчики работали (*noblesse oblige!*) в условиях жесточайшего цейтнота, они, стесненные рамками официальной идеологии и границами допустимых философских обобщений, попросту не вникали в глубинный смысл текстов. Даже лучшие примеры переложений на русский язык не передают всего содержания прототипа. Переводчик со стороны попросту не знает и не может знать полной семантики национального слова, информации, гнездящейся на уровне подсознания, создававшейся веками в недрах фольклора и витальных практик народа. Этот ресурс поэтического выражения доступен лишь в условиях постоянного контакта с автором оригинала, что в условиях Союза было невозможным, и таким же невозможным остается и ныне.

В координатах современных вкусовых предпочтений читателя, резонансным и эффективным может быть лишь тот перевод, который вскрывает, хотя бы в первом приближении, архетипическое наполнение произведения и традиционные ассоциативные шлейфы создаваемых образов – те смыслы, которые не заданы в самом тексте, а существуют в этническом информационном пространстве – чаще всего на внерациональных уровнях. А это доступно лишь аутентичному переводчику. Иначе – в XXI веке каждое национальное литературное сообщество должно быть оснащено собственной составляющей, обеспечивающей трансляцию текстов – так, и только так возможно вхождение в цивилизационные и культурные системы, складывающиеся прямо сейчас, на наших глазах, только так возможно сохранение высокого положения литератур наших народов, достигнутое усилиями целых поколений авторов.

Создание в 2016 году при журнале «Литературная Кабардино-Балкария» коллегии переводчиков представляет собой попытку первичного формирования подобного механизма, попытку организации своеобразной артели, целью которой будет представление кабардинских и балкарских писателей общероссийскому читателю. Редакция «ЛКБ» надеется, что подборка публикуемых в новом номере переводов позволит оценить как перспективы новообразованного коллектива, так и реальный творческий потенциал авторов нашей республики.

Лариса МАРЕМКУЛОВА

От редакции

С этого номера редакция «Литературной Кабардино-Балкарии» открывает новую рубрику. Она для тех, кто занимается литературным переводом или хочет освоить азы этого вида творчества. С читателями будут встречаться профессиональные переводчики, литературные критики и эксперты в области теории литературы. Также планируется знакомство с опытом молодых авторов, занимающихся художественными и подстрочными переложениями.

Что дозволено переводчику

Красота или точность? Стиль автора или переводческие вольности?
Перевоплощение или техническая работа?

Переводчик ставит (если ставит) перед собой так много вопросов, что впору «сломать и выбросить карандаш», как советовал известный поэт Владимир Леонович:

*...Не умеешь – и врать не берись!
Переводчик, сломай карандаш:
Перескажешь – размажешь – предашь.
Это подлинник неуследим.
Подвиг подвигом переводим.*

Хотим мы того или нет, но формула «перевод – это искусство потерь» абсолютно точна. А наша задача – минимизировать эти потери. Вы скажете – это теория и даже демагогия, и будете тысячу раз правы. Поучать легко, а ты сделай-ка сам. Попробуй переложить автора так, чтобы и манеру его сохранить, и стилистические особенности языка оригинала, и в то же время выдать идеальную версию перевода, да так, чтобы читатель воспринял ее, как оригинал.

Есть два подхода к первоначальному тексту: буквалистский и вольный. Какова мера дозволенности для переводчика? Насколько свободно может он обращаться с плодом чужого труда? И что в принципе представляет собой творческое воздействие переводчика на произведение?

Признавая, что во мне преобладает субъективистский подход к любому источнику, скажу так: смотря, какой автор. Переводчик не может слепо следовать тексту откровенно затянутому, бессмысленному, написанному исключительно по принципу «краткость – сестра таланта»,

но враг гонорара». Но одно дело, когда работаешь с автором живым, с которым можно поспорить и убедить. Мне даже повезло работать с автором, который отдал мне все на откуп, буквально сказав: «Делай с книгой все, что хочешь, только делай». Конечно, он при этом знал, что я не стану кромсать его текст.

А если автора нет в живых? Такая этическая дилемма стояла передо мной, когда я работала над последним романом Алима Кешокова, который передали мне уже через десять лет после его кончины. И в процессе работы передо мной постоянно стоял вопрос: понравится ли это Алиму Пшемаховичу? Согласится ли он с тем, что я использую эквиваленты вместо его фразеологизмов, которыми буквально пересыпан текст? Чтобы сохранить стиль автора, нередко приходилось переводить непере译имое, то есть перекладывать национальный контекст на русский язык. Сейчас много спорят о том, нужно ли переводить классику.

В данном случае речь идет о русской классике в переводе на языки народов России. Вопрос настолько риторический, насколько и спорный. И лично у меня нет на него однозначного ответа. Еще в середине прошлого века это было чрезвычайно актуально. Во-первых, русским языком владели не все, и переводные тексты были важнейшим компонентом межкультурного и межлитературного взаимодействия. Во-вторых, это было необходимо и для образовательного процесса: в школьную программу включались произведения русских классиков на языках народов СССР. Сегодня ситуация иная, русская литература доступна в оригинале практически всем. Выходит, переводы не нужны? Но вот, буквально в течение прошлого года, одна за другой опубликованы все кавказские поэмы Михаила Лермонтова в переводе на кабардинский язык Руслана Ацканова. Переводы такого уровня, про которые читатели говорят: казалось, читаю на языке оригинала. Это наивысшая оценка, которой только может удостоиться труд переводчика. Значит, нужно переводить? Если в репертуаре кабардинского и балкарского театров идут спектакли по пьесам Лопе де Вега, Мольера, Гарсиа Лорки, Алексея Толстого, Михаила Булгакова на языках народов нашей республики – значит, переводы необходимы? Спорить можно до бесконечности.

Но есть одна важнейшая составляющая – качество перевода. Было время – собственно, время всегда одно и то же – когда каждый, кто владел языком, считал, что в переводе литературы нет ничего особенного. И потому часто со сцены звучал текст, просто механически переложенный с языка на язык. Первые переводы, которые делали все подряд, сегодня вызывают, по меньшей мере, снисходительную улыбку, а иногда и нервный смех. Например, роман Горького «Мать» в 50–60 годы входил в школьную программу и на русском языке, и в переводе на кабардинский. Вспомните сцену, где мать Павла впервые робко вступает в разговор с товарищами сына и говорит о своем понимании революци-

онной ситуации. В ответ Егор радостно говорит ей: «Так, матушка, так, **вы схватили быка истории за рога**». Переводчик, не моргнув глазом, перекладывает фразу с языка на язык в первоизданном виде: «Уэ тхыдэм и гуур бжъакъуэкIэ къэбубыдаш». Многие даже представить себе не могут, насколько смешно и нелепо звучит этот фразеологизм на другом языке. Еще пример – перевод рассказа Ивана Тургенева «Лебедянь». «В кофейне я опять застал князя Н. за бильярдом, но в судьбе Хлопакова произошла обычная перемена – его сменил **белокурый офицерик**». Слово сочетание «белокурый офицерик» в переводе звучит так: «Джэд хужь офицер цЫкIу» – то есть «белая курица маленький офицер». И так далее. Конечно же, это казусы, они случаются в любом языке. И, к счастью, это примеры из прошлого, сегодня все-таки пришло новое понимание языка и его функций. И речь здесь о том, что классические, программные вещи нужно переводить заново.

Отдельная и очень большая тема – перевод древнейшего адыгского эпоса «Нарты». Эту гигантскую работу осуществила многие десятилетия назад большая группа переводчиков – Семен Липкин, Вера Звягинцева, Сергей Обрадович, Мария Петровых, Вера Потапова. Это было в те же 50–60-е, когда с благодарностью принимался любой перевод. Конечно же, низкий поклон переводчикам за титанический труд. Но уже то, что над ним работала целая бригада, изначально внесло разноречивую и в лексическую, и в стилистическую составляющие итоговых текстов. А насколько искажены их фонетические характеристики – об этом можно не говорить, можно только плакать. Поэтика нартского эпоса, да и всего адыгского поэтического фольклора, имеет свои особенности, в том числе – ритмику и метод рифмования по созвучию окончания одной строки с началом следующей (фонетическая аллитерация). Вот для иллюстрации один фрагмент:

*И бжъынэ уэгъуэр уэгъуищэ пэлытэу,
Зригъэлъэтэхым къашыргъэ пцэхуу,
И афэху джанэр зэщIыщIэу,
Езыр гу ищI бгы ищIу
Шу закъуэу къольыс.*

В переводе (я тут взяла один и тот же кусок, но при этом он даже смыслово не очень совпадает):

*Чинты в испуге, чинты – в тоске!
Всадник злодеев уничтожает,
Он сокращает войско врага,
Все вопрошают: «Кто этот всадник?
Где он доселе жил-поживал?»*

Ну что тут скажешь? Спасибо хоть на том, что не написали языком русских былин: «Раззудись, плечо, размахнись, рука!». Все это говорит о кощунственном пренебрежении стилем и, в определенной доле, сюжетом оригинала. При уважительном отношении можно было бы соблюсти все необходимые параметры, даже работая с подстрочником. В итоге – на сегодняшний день вопрос о новом переводе нартского эпоса видится остро актуальным – при том, что мы допускаем, что полностью адекватное его переложение вполне возможно. Сумел же Гнедич донести до нас музыку александрийского стиха:

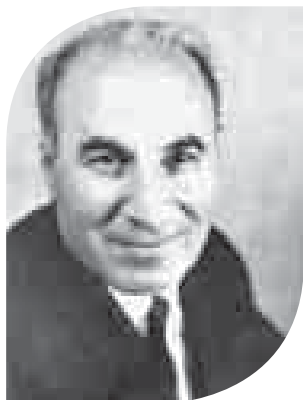
Гнев, о богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына...

В переводческой среде витает некая неопределенная теория «непереводимости», не имеющая, впрочем, ни состоятельной аргументации, ни даже ясной формулировки. И хотя я и сама, признаюсь, иной раз привожу ее в качестве аргумента для отказа от сложной работы, вопрос этот вполне прозрачен – к реальной литературе эта «теория» отношения не имеет.

Есть лишь два понятия: смогу или не смогу. Это чистая проблема уровня трансляции, мастерства исполнителя, тесно смыкающаяся с моментами этического плана. Всеядность – это грех. Переводчик должен быть честен перед собой и перед автором, даже если его нет в живых уже сто или тысячу лет. Я никогда, например, не рискну взяться за перевод фольклора. Того же эпоса «Нарты», хотя мое преимущество – знание языка оригинала. Другие, может, будут работать, опять же с подстрочником – с каким, тоже вопрос.

Кстати, о знаменитых московских переводчиках – С. Липкине, Я. Козловском, Н. Гребневe, которые много лет оставались практически монополистами и перевели абсолютно всех видных кавказских поэтов – Алима Кешокова, Кайсына Кулиева, Расула Гамзатова и многих других. И сумели унифицировать весь материал. Эти большие поэты зачастую звучат на русском языке одинаково, но вовсе не потому, что мыслили и говорили похоже, а лишь потому, что они попали на конвейер уважаемых всей страной и чрезвычайно плодовитых переводчиков. Значит, есть необходимость в новых переводах, не только новых произведений, но и тех, что уже однажды переводились? А кто будет переводить? Где переводчики? Наверное, нужно готовить их своими силами. Не так давно при Союзе писателей КБР и журнале «Литературная Кабардино-Балкария» образовалась коллегия профессиональных переводчиков. Среди прочих задач – школа художественного перевода, куда будут привлечены молодые литераторы. Что из этого выйдет – покажет время.

Переводы Анатолия Парпары

Адам ШОГЕНЦУКОВ

Пушкину

Мудрости русской простор беспредельный,
Совесть народа, народа дела
Муза впитала твоя безраздельно.
И воплотить в сочиненьях смогла.

В каждой твоей удивительной книге
Столько достоинства, столько любви,
Что, ощущая равнение с великим,
С ним же сверяешь поступки свои.

Каждое слово твоё незабвенно,
Время его неспособно унести,
Ибо оно меж столетий нетленно,
Ибо бессмертно, как мудрость и честь.

И, прорезая забвенья потёмки,
Опережаешь ты время, поэт.
Словно звезда, светишь дальним потомкам –
Неиссякаем твой солнечный свет.

Танзиля ЗУМАКУЛОВА

Цветы на скале

День лицо открывает, взлетает в зенит.
И цветы на скале всё становятся краше.
С материнской улыбкою небо глядит
На детей, что играют на улице нашей.

Мир сияет. Лучится вершина горы.
Даже камни в воде красотой засверкали.
И парят над землёю красавцы-орлы,
И на скалах цветы от восторга привстали.

Кайсын КУЛИЕВ

Тучка Лермонтова

*Ночевала тучка золотая
На груди утёса великана.*

М. Ю. Лермонтов

Ты над утёсом, тучка, накренилась,
Задев его нечаянно крылом.
И ты, как я, немного припозднилась
И не смогла вернуться в отчий дом.

Ты заблудилась. И тебе обидно –
Маячит ночи темень впереди.
Ты заночуешь, милая, как видно,
Опять на великановой груди.

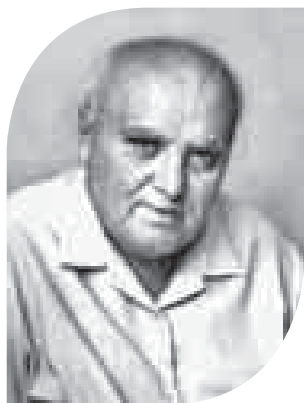
И снова в путь, когда лучи рассвета
Омоют мир. Пока же слёз не лей!
Припомни просьбу ссыльного поэта –
Не плачь же, облачко земли моей.

И без твоей печали горя много,
Слезами сердце мне не разрывай.
Достаточно того, что я не видел долго
Тебя, родная, и любимый край.

Куда спешишь уйти нетерпеливо!
Я не хочу остаться без тебя.
Для горца ты – неписанное диво
И пасть дождём на снег – твоя судьба.

Ты – волшебство, воспетое поэтом,
Ты – радость гор, ты – счастья забытьё.
Встречайся чаще мне зимой и летом,
И радуй сердце грустное моё.

По гребням гор взлетаешь к солнцу смело,
В небесный путь усталого маня...
И в чёрный день ты оставайся белой,
О, тучка Лермонтова – песнь моя!

Аскерби ШОРТАНОВ

От переводчика

Всему свое время и свой час. Четвертая книга легендарной тетралогии Аскерби Шортанова «Горцы» в переводе на русский язык шла к читателю слишком долго. Так долго, что читатели, пожалуй, успели забыть события и имена героев первых трех книг. А для тех, кто не читал их, четвертая часть станет первой, и многое в ней будет непонятным. К чести издательства «Эльбрус», к 100-летию писателя в 2016 году вышли все четыре книги «Горцев» на кабардинском языке. До переводного варианта дело пока не дошло.

Путь четвертой части к русскоязычному читателю был не только долгим, но и мистическим, если не сказать драматичным. Дело в том, что рукопись перевода была однажды утеряна. И минуло двадцать лет, прежде чем я собралась с духом и сделала работу заново. Тем не менее, заключительный том переведен и ждет своего часа (все еще). Надеюсь, что книга увидит свет в 101-ю годовщину со дня рождения Аскерби Тахировича Шортанова. Сегодня мы предлагаем вниманию читателей первые главы произведения.

Лариса Маремкулова

Горцы

Книга четвертая

Глава первая

1

Пыль клубами вздымается из-под его ног, он все время спотыкается, и тогда пыль попадает в глаза, забивает горло. Изможденный человек то шарахается из стороны в сторону, то идет поскоком, покорный чужой воле. Руки его были связаны и вытянуты вперед, словно в мольбе о подаянии, а конец веревки приторочен к седлу едущего впереди всадника.

А всадник, по всему, в прекрасном расположении духа. Едет, развалившись в седле, одну ногу выпростал из стремени и почесывает ею бок лошади, наигрывая себе на камышовой дудке веселенькую мелодию. Рослый детина сутулится в седле, а лошадь под ним кажется не больше мула.

Этот верзила и вправду сегодня ликовал. Порой звука дудки ему казалось мало, и он во всю глотку запевал свою мелодию. Длинный султан на шапке то падал на лицо, то отскакивал назад, оттягивая шапку на затылок и обнажая большой лоснящийся лоб. Так и ехал бы он, напевая, не окажись на пути развилки, а за ней – могилы Ибрагима. Здесь, в тени раскидистого дерева, возле ручья делали намаз несколько

мужчин, рядом паслись их кони. Это была группа Шамиля. Он никогда не проезжал мимо надгробья Ибрагима, всякий раз останавливался возле черного камня у ручья и молился о спасении души усопшего. Стоило приблизиться к этому месту, перед его глазами являлся образ Ибрагима. Вспоминался характерный наклон его головы, когда он, подыгрывая себе на сазандаре, затягивал свою песню о героической битве горцев с Надиром. Не единожды приходилось Шамилю встречаться с этим удивительным сказителем, и всякий раз песни его ранили душу имама.

Шамиль завершил свой намаз и мирно отдыхал на бурке, когда подъехал путник. Он проворно спрыгнул с седла и низко поклонился имаму.

– Как погляжу, Аткай, весело тебе сегодня, – пошутил Шамиль.

– Весело, имам, – ответил тот, смутившись оттого, что только что горланил песенку, как мальчишка. – Хвала Всевышнему, все у меня хорошо.

– Вижу, вижу.

– Хвала Аллаху, а после Аллаха – тебе, нашему имаму...

Шамиль уже не слушал Аткай, его внимание привлек человек, привязанный к седлу. Пленный был небольшого роста, смуглый и худой.

– А это кто будет?

Аткай замялся:

– Это... это жид, почтенный имам.

– Вижу, что жид.

– Я его под Кизляром поймал...

И тут пленник прервал своего мучителя и, запинаясь, обратился к Шамилю:

– Да, почтенный хан, я жид, но ведь все мы люди, и много у нас с вами общего. У вас Исуф, у нас – Иисус, у вас Мусса, у нас – Моисей. Мы делаем обрезание – и вы тоже. Мы не едим свинину – и вы тоже. Пророк Мухаммед, когда писал Коран, оглядывался на Тору и Библию. Видишь, господин, мы с вами схожи во многом. Ради бога, ради Аллаха, отпустите меня, я никому плохого не сделал.

– Смотри, как заливается! – оборвал его Аткай. – Что ж ты так не пел, когда мусульманскую кровь проливал!

– Он что, убил мусульманина? – нахмурился Шамиль.

– Именно так, имам. Его поймали в Кизляре. Тот, кто поймал, посадил его на лошадь сзади себя, а этот ублюдок выхватил кинжал у хозяина, пырнул его, выкинул из седла и был таков! Я его насилу догнал, и не догнал бы, да лошадь под ним свалилась от усталости. Вот так, имам, на нем кровь мусульманина, суди его по закону крови!..

Его гневный призыв потонул в хохоте. Шамиль смеялся, запрокинув голову:

– Как говоришь, Аткай, выхватил кинжал у похитителя и пырнул его?

– Именно так, имам, пырнул!

– В жизни не встречал такого отважного жида, – сказал Шамиль, насмеявшись вдоволь. – Грех такого смельчака карать.

Шамиль достал из ножен кинжал и обрубил веревку, которой пленник был привязан к седлу, и знаком подозвал к себе Саадула:

– Отпусти его. И дай ему мою печать.

Саадул не выказал никакого удивления и подчинился приказу. Печати Шамиля удостоивались немногие, она давало право беспрепятственного передвижения по всей территории имамата – в Дагестане и Чечне.

– Этот жиденок проживет девять сотен лет и еще шестьдесят девять, подобно Мафусаилу, раз он ускользнул из моих рук, – прошипел ему вслед Аткай...

На подступах к Тарки Шамиля не встречало шумное шествие верховых, как бывало прежде. Да имам и сам уже не очень рассчитывал на такие почести. Однако неподалеку от окраины аула из-за пригорка показалась группа всадников, во главе их ехал Безир.

– Досточтимый наш имам! – выкрикнул он, приблизившись. – Ты – наша гордость и надежда, ты с нами во снах и наяву! Добро пожаловать!

Имам нахмурился, ему не по нраву были такие невоздержанные речи. А когда Безир развернул лошадь и пристроился рядом с имамом, тот приказал коротко:

– Отойди!

Безир понял, что дела его неважны, он понуро отодвинулся от Шамиля и не поднимал головы, пока не въехали в Тарки. К приезду имама на аульской площади – на годекане – должны были созвать сход, и по приказу Шамиля народ собрался. И все же это была не прежняя картина, когда людей не вмещал просторный годекан, и многие сидели на крышах, на ветвях деревьев. Не было больше в лицах горцев ликования при виде имама, никто больше не рвал волос из хвоста его лошади, чтобы сделать священные дуа, люди не оглаживали подол его бурки, чтобы этими ладонями коснуться косяка своих ворот – на счастье. Они не падали ниц, как бывало, и не целовали следы его ног. Шамилю казалось, что в лицах людей не осталось веры и радости, они жили как могли, каждый сам по себе, и ни на что хорошее уже не надеялись. Казалось, даже собаки приуныли, им, как и аульчанам, было не до тех великих целей, которыми Шамиль все еще пытался их завлечь.

Заметно было, что переменялся не только простой люд, но и мюриды. Они давно уже не ездили гордыми колоннами, громко распевая закиры. Теперь они все чаще хранили молчание и глядели исподлобья, нахлобучив папахи. И даже Саадул, который раньше гордо именовался знаменосцем имама, получил другое прозвище – «палач». Все дело было в том, что вместо маленького Корана в серебряном портсигаре он носил на длинном древке секиру.

Случились эти перемены незаметно, постепенно, даже сам Шамиль не заметил, как изменилось отношение горцев к нему. Да и сам он переменялся. С некоторых пор он перешел от проповедей и нравоучений к давлению и силе. За двадцать с лишним лет горцев измотала нескончаемая

война, и им стал немил белый свет, казалось даже, что и сама жизнь, и сами себе они надоели.

Шамиль молча прошел сквозь толпу и сел на место старейшины. Вглядевшись с минуту в бесстрастные лица людей, начал:

– Вы просили меня приехать, и вот я здесь. Говорите, чего хотели, о чем ваша тревога?

Народ безмолвствовал. Имам вгляделся в толпу и увидел нескольких наибов из соседних аулов. Зачем они здесь? Он их не звал. Значит, их позвал Безир, а раз так, то этот хитрый лис что-то затевает.

– Так я вас слушаю, – повторил Шамиль.

Поднялся с места старый Кураш, огладил седую бороду и ответил за всех:

– Хотели повидать тебя, досточтимый имам, давно ведь не виделись. – По глазам старика и его нерешительному тону видно было, что говорит он неправду и не умеет этого скрыть. – Что плохого, если ты на нас поглядишь, мы – на тебя, намазлыки рядом расстелем...

– Кураш, – повысил голос Шамиль и простер руку к небу. – Он все видит и слышит, к чему твои лживые речи?! Вы не потому меня позвали, что соскучились. Говори правду, старик!

Кураш совсем растерялся и остался стоять, не в силах проронить слова. Перед ним стояли в ряд нукеры Безира, держа руки на ножнах. Напротив них стояли стеной мюриды Шамиля. Будто два враждебных войска стояли лицом к лицу, вглядываясь и оценивая друг друга.

Годекан затих. Казалось, тяжелое дыхание напуганных людей висело в воздухе, ложась на их же плечи неподъемным грузом и придавливая к земле. И кто бы знал, чем обернулось бы это зловещее безмолвие, не прерви его высокий голос Муссы. Его песня взлетела в воздух и словно ввинтилась в небесный свод.

Многолюдный годекан облегченно развернулся в сторону певца, как по взмаху руки. Эта песня не была героической, как прочие, что сочинял Мусса. Была в ней и шутка, и намек. Героем песни сказитель сделал волка, которому доверили стеречь отару. И этот чабан, сил своих не жалея, отбивал курдюки то у одного, то у другого барана. Не жалел он своих сил, чтобы стяжать себе богатство, крови своей не жалел, чтобы добыть себе блага, а чего не добудет, то украдет... Соберет ли аул пожертвования для неимущих или на помин души усопших – и тут волк возьмет свою мзду...

Люди смущенно заулыбались. Все знали, о ком поет свою песню Мусса – этим «героем», без сомнения, был Безир. Понял это и Шамиль. А певец все рассказывал своим зычным голосом о хитром волчаре, который разжирел на чужих харчах настолько, что в нору свою не помещается, и пришлось ему построить хоромы. А в тех хоромых кроются несметные богатства, и нередко попадают туда несмышленные зайцы и белки, а волк только и знает, что жиреет день ото дня...

Народ уже не сдерживал дружного хохота. Песня явно доставляла удовольствие и Шамилю. Развеселившиеся люди, похоже, позабыли о

своих бедах и недомолвках, не помнили, зачем их согнали сюда, на эту площадь, и походили сейчас на беззаботных детей. Были в толпе и те, кто хотел бы поскорее заткнуть певца, да он все не унимался. Смех земляков лишь раззадорил его. А сам герой песни, по всему, начал понимать, что поддержки от покорных аульчан ему не видать, он лишь стрелял глазами и был совершенно уничтожен. Недаром же в горах говорят, что слово сказителя страшнее кинжала...

Наконец песня стихла, народ подуспокоился. Но лица не были уже такими мрачными. Все ждали, кто же начнет. Шамиль глянул на старика Кураша:

– Ты начинал, Кураш, ты и говори.

– И скажу, досточтимый имам, хотя тайны никакой не открою. А скажу я, что нет нам житья. И виной всему те, кого поставили править нами. Ты помнишь, имам, что Безира мы выбрали кадием по воле покойного Казий-Мухаммеда, да благоволит ему Аллах. По правде, поначалу Безир нес свою службу исправно. А потом твоим, имам, решением он стал еще и наибом, оставаясь при этом кадием. Дал ты ему власть полную, и так повелось с тех пор, что он один и сеял, и жал, и ел, сам был и вершком, и корнем... Не зря говорят: хочешь испытать человека – дай ему власть. Может, и неплохой он человек был сам по себе, да только много воли ему дали, вот он с цепи и сорвался. Еще и как сорвался! Вот при нем скажу: до того дошло, что он дорогу на пастбище перекрыл, – видите ли, по утрам мычание коров ему спать мешает!

– Обнаглел вконец, житья от него нет! – раздались выкрики.

– И мне дозволь сказать, имам, – подал голос седобородый Каспулат. – Раньше джума-мечеть в центре аула стояла, мы ее построили, чтобы всем удобно было. Теперь Безир велел перенести ее в верхнюю часть аула, поближе к своему дому! А нам, старикам, как туда добираться?

Теперь взоры аульчан обратились к почтенному старцу, дважды совершившему хадж в Мекку и Медину. Мудрый старик понял, что люди ждут веского слова и от него.

– Тут не в пастбище дело и даже не в мечети, – сказал он с расстановкой. – Тут дело в совести. С какой совестью ты, Безир, запускаешь руку в садака – богоугодную милостыню, что мы собираем для сирот и больных? Ведь садака, бытыр, саджит – это ведь сборы для нуждающихся, благословленные самим Аллахом. И присваивать себе их – тяжкий грех. Ты, Безир, совесть потерял. Крадя кусок хлеба у сирот и больных, ты хоть думаешь о том, как предстанешь перед ликом Всевышнего? Люди могут простить такое, а Он – нет. – Хаджи с неприязнью глянул на Безира и добавил: – Аллах не даст тебе дороги.

Шамиль был в задумчивости. Он дважды обошел вокруг жернова в центре годекана, смерил долгим взглядом сжавшегося от страха и унижения Безира. Потом остановился так, что за его спиной стоял Саадул. Площадь замерла. Они знали, что после подобного хождения по кругу Шамиль принимает решение. Все были уверены, что Саадул оказался

за спиной имама неслучайно: не иначе как сейчас секира верного оруженосца снесет чью-то голову.

Однако Шамиль приподнял полу длинной черкески и поставил ногу на жернов. На нем были ноговицы со вставками из тонкой кожи, в которых должен был ходить каждый уважающий себя горец.

– Ставь ногу, – приказал он Безиру. Тот ничего не понял, но подчинился и поставил ногу рядом с ногой имама, открыв взглядам знатный сапог из блестящей кожи с серебряной шпорой.

– Стал Безир наибом – и не хочет он уже носить наших ноговиц, ему подавай начищенные, как зеркало, генеральские сапоги. Слышал я, что нередко ты поглядываешь на ту сторону, – Шамиль кивнул головой туда, где стояли лагерем русские, – слышал, да не верил. А теперь верю! Помню я, в какой землянке ты жил, когда Казий-Мухамед тебя кадием сделал. А теперь – дворец себе отстроил – не хуже ханского!.. Видел бы тебя покойный Казий, лопнул бы от такого позора, а тебя бы повесил вниз головой. Вознесся ты над людьми, Безир, меру потерял, а наибу это не дозволено. Кабан, если страх теряет, на холм взбирается, так и ты. Был бы ты настоящим наибом – разве обкрадывал бы людей? Что в священном писании сказано? Сам грызи кору дерева, а плоды отдай страждущему. Если же все грызут кору дерева, тогда ты грызи камни, не ешь досыта, если народ голодает! Умирает народ – и ты умри!.. Кто соли наелся – водой запивает. Вот и ты должен запить. С этого дня ты больше не наиб.

Годекан шумно выдохнул. Люди в ожидании самого страшного смотрели в сторону Саадула. Но тот стоял невозмутимый, на его круглом, лоснящемся лице не отражалось ничего.

И тут случилось неожиданное. Перед Шамилем упал на колени Кураш и взмолился:

– Наш светлый имам, надежда наша и совесть, именем Аллаха, всеми просимого и никого не просящего, молим тебя оставить Безира наибом. – Старик то вздымал худые руки к небу, то молитвенно проводил ими по седой бороде. – Не забирай у нас Безира!

– Что ты говоришь?! – не на шутку удивился имам.

– Ты сейчас назначишь другого найба – и нам его снова кормить. А этот хоть наелся, может, не будет больше обирать народ.

– В темную его! – крикнул Шамиль, и мюриды уволокли Безира.

2

По ущелью быстро разнеслась весть о том, что Шамиль бросил найба из Тарки в зиндан, и скоро над ним свершится суровый суд. Многие не могли скрыть радости, что алчный наиб получил по заслугам. Но это был простой люд. Главы других аулов, однако, были встревожены. И теперь человек пять наибов со своими нукерами собрались на годекане. Они попросили о встрече с Шамилем – с надеждой вымолить прощение для Безира.

– У людей язык впереди них идет, имам, – жаловался известный спорщик Эльмурза. – Сколько раз мы ногу в стремя поставили, куда лошадь повернули – все тебе доносят. Разве мы спрашиваем, куда ты свой путь держишь?

– Что ж теперь, имам должен у вас справляться, когда ему с кумганом выходить? – крикнул в сторону горцев Каспулат. – Имам – это имам, и он волен сам решать, куда идти и что делать!

– Подожди, пусть говорит, – остановил крикуна Шамиль.

– Я и говорю, – продолжил Эльмурза, – мы, наибы, тоже, поди, чего-то стоим. Пусть мы живем твоим умом, но воюем своим кинжалом, имам.

– Много ты навоевал.

– Много – не много, а русским спуску не даю, – не сдавался Эльмурза. – Стоит наибу разок оступиться – ты пощады не знаешь, имам. А нас, думаешь, Аллах создал для того лишь, чтобы в твоём зиндане сгнить? Одна видимость, что мы твои наибы, а что нам с того? Ни платы за верную службу, ни слова доброго! Да, ты отдаешь нам десятину от своей мзды, но это так, самая малость, ни на что не хватает. Вон русским за службу платят, а мы что – ни пастуха нанять, ни конюха!

Безиров заступник все распалялся, а Шамиль слушал молча, хотя каждое слово тяжелым молотом било его по сердцу.

– Мы у тебя на коротком поводке. А сам ты, имам, живешь не хуже самого богатого хана. Тебе все почести, тебя всюду всадники встречают и с почетом провожают, кумганы за тобой носят. А муртазаки твои совсем с цепи сорвались, народ вконец запугали. Что ж ты думаешь, имам, наши ножи короче или тупее?

Старый Хаджи, тот, что дважды побывал в Мекке, понял, что дело принимает худой оборот, и оборвал говоруна:

– Незачем до ножей дело доводить! Язык на то человеку дан, чтобы договариваться!

– А когда слов недостаточно, может и до ножей дойти! – не унимался Эльмурза.

– Имам, – теперь старый Хаджи повернулся к Шамилю, – не допусти крови!

– Может и до клинка дойти, если понадобится, – ответил Шамиль ровным голосом.

В разговор вступил Мусса, выступив из толпы:

– Имам, а ты знаешь, как твои наибы лихоимствуют?

– Как так?

– А вот так, тянут руки ко всему, что приглянется, а если чего не отдают, то силой отбирают!

– Не может быть! – опешил Шамиль.

– А ты спроси у народа. Всё тащат без разбору, и попробуй не уступи! В одном лишь месте они боятся бесчинствовать.

– И в каком же?

– Да в отхожем месте. Потому как одной рукой кумган держат, а другой подмываются!..

Хохот горцев отозвался далеко в ущелье. Приободрившись, Мусса выступил вперед:

– Досточтимый имам, все горцы и Всевышний были тобой довольны, пока Саадул нес за тобой зеленое знамя с Кораном. А теперь все иначе, тебя не узнать.

– Что не так теперь, говори до конца.

– А теперь твой оруженосец держит на плече секиру. Коран сменил на топор, вот что.

– Думал я священным Кораном просветить головы горцев, да не вышло. А раз так – настало время головы рубить.

– Зло ведет за собой зло, Шамиль, помни об этом, – дерзко добавил Мусса.

– Хватит, посторонись, – рассердился наконец Шамиль. – Молод ты еще меня судить.

– Я не сужу, имам. Только людям хочется, чтобы ты немного терпимее был.

– Кто умом не дошел, пускай головой заплатит! – жестко ответил Шамиль. – Найдем управу на строптивых!

Годекан бурлил, страсти накалялись, того и гляди за оружие схватятся. Сторонники Шамиля и заступники Безира разделились на две группы, выкрики раздавались с обеих сторон:

– Выпусти Безира!

– Пусть сперва кровью отхаркает, что сожрал!

– Нет вины на нем, он истый мусульманин!

– Чтоб он подавился! На виселицу его!

– На удар другой удар найдется!

– Сытое брюхо с пустым не знается!

Выкрики раздавались со всех сторон, но Шамиль их уже не слушал. Он был удручен происходящим. Раньше такого не бывало. Выходит, он сам что-то упустил, сам недоглядел. И теперь вот пытается собрать те крохи, что остались... И понимает ведь, что ушедшего не вернуть, а все карабкается, цепляясь за высохшую былинку...

Шамиль ушел в себя и казался безучастным ко всему, можно было подумать, что он оглох и ослеп. Он и вправду не видел и не слышал, как накалялись страсти. И те, кто за его спиной, и те, кто напротив, все больше выходили из себя и выкрикивали воинственные призывы. Были и такие, кто уже хватался за кинжал. А мысли Шамиля металась в поисках ответа: как могло так случиться, что вот эти горцы, недавно еще ловившие каждое его слово, потеряли всякое почтение. Раньше Шамиль знал все их разговоры и даже мысли, в каждом ауле у него были свои доносчики: не успел человек подумать, а имаму уже докладывают. Бывало, он хвалился пошутя: «Я в чем-то похож на царя Николая, я все вижу и все слышу». А теперь что? Могла ли раньше при нем начаться такая перепалка?

– Муртазаки, вперед!

- Вы что, вконец озверели?
- Кто струсит, тот против веры!
- Братья, покажем им, у кого руки крепче!

Сдвинулись и смешались обе толпы. И те и другие рождены для войны и насилия. С собой они вовлекли в круговорот и тех, кто лишь наблюдал со стороны. Воздух над годеканом наполнился звуками глухих ударов, щелканья хлыстов стражей Шамиля – муртазаков – и заступников Безира, звоном клинков, стонами раненых. Над всем этим раздавался, подобно громовому гулу, мощный ликующий бас Саадула, он призывал своих соратников к бесстрашию, он поощрял и звал в бой:

– Бей, руби, – вопил он, – раскрой ему череп, чтобы дождь в него лил и снег падал! – Саадул продолжая стоять за спиной Шамиля, воинственно размахивая обнаженной секирой. – Разруби его до самой селезенки! Проткни горло, чтобы внутренности было видать! Коли в живот и крутани клинок!

Голос Саадула царил над годеканом, и слышно его было отовсюду.

А Шамиль оставался все так же безучастен. Беспokoиться ему было не о чем. Он и так знал, что верх одержат его муртазаки и мюриды. Так и вышло.

Заваруха закончилась так же неожиданно, как и началась. Муртазаки подтащили к имаму зачинщиков – Эльмурзу и Аюба. Шамиль некоторое время молча взирал на них, и длинные белые пальцы его лежали на рукояти кинжала – это был плохой знак.

– Имам, – возбужденно выкрикивал Кебит, подталкивая пленников к Шамилю, – вели, чтобы свинцом и кровью залили глотки этим двоим!

– У вас на двоих одна голова и один язык, – подал, наконец, голос имам. Он подошел к ним и взял каждого за бороду. – Одна голова на двоих, – повторил он. Его зеленые глаза налились кровью. Тонкие губы перекошились от гнева, придавая лицу бешеный вид. – Одна голова и один язык.

Дернув со всей силы за бороды, Шамиль нагнул головы двух мужчин и связал их крепким узлом:

– В зиндан их!

Провинившихся утащили волоком, связанные бороды не давали им возможности поднять головы, на бритых обнаженных макушках играли, словно смеясь, лучи солнца. Пот катился по щекам и исчезал в густой растительности на лицах.

– Остынь, Шамиль, не отвращай людей от себя, они ведь и спиной повернуться могут, – попытался урезонить имама тот самый старик, который дважды побывал в Мекке. Ответ был жестким:

– Пускай повернутся, лишь бы боялись!

Тем временем прибежал запыхавшийся Кебит:

– Имам, Безира нет в зиндане!

– Как нет?! А куда он делся?

– Не знаю, сбежал, видать!

– А охрана, Хачим где?

– И его нет!

Безир действительно сбежал. Накануне вечером, когда его бросили в зиндан, к нему пришла дочь Сакинат с едой для отца. Опустив на бечевке сверток, она кинула на охранника Хачима взгляд и спросила напрямик:

– Посмотри на меня. Я красивая?

– Ну, красивая, и что с того? На свете красивых много.

– Вызволишь моего отца – выйду за тебя замуж.

Хачим поразился такой смелости.

– Долго будешь думать? Решайся!

– Я... не знаю, красавица.

– Чего не знаешь? Гляди, как бы не пожалеть, таких, как я, ты потом не найдешь.

– И как я могу верить тебе? – с сомнением сказал Хачим. Сакинат и вправду девушка красивая, многие хотели бы ввести ее в свой дом, но разбогатевший отец никого к ней не подпускает, гнушаясь простыми людьми. А Хачим – он как раз из простых, парень одинокий, бедный. Потому и подался в мюриды, надеясь огнем и мечом заработать себе на пропитание – кто знает, либо он с удачей встретится, либо удача с ним. Но пока что ни он не столкнулся с удачей, ни она с ним.

Сакинат опустила перед ним на колени.

– Видишь молодой месяц на небе? Вот этим месяцем клянусь: освободишь отца – стану твоей. Если же обману – да сгореть мне в аду, с лицом обугленным предстать перед ликом покойной матери.

– Ты просишь спасти твоего отца, а мне за это сложить голову...

– Зачем же сложить? Пойдем с нами к русским...

... Шамиль сразу разгадал, в какую сторону ушли беглецы:

– Видать, голова Безира плачет по топору Саадула. Снарядите погоню в сторону русской крепости, более им податься некуда.

Глава вторая

1

– А на что они все сдались человечеству – И Христос, и Магомет, и Будда? Ясно для чего – чтобы человеку жизнь усложнить. Чего бы проще – жили бы себе люди свободно, здоровались бы при встрече без задних мыслей, не заморачиваясь такой ерундой, как разная вера, цари да мытари. Ну, создал их Всевышний на разных языках говорящими – и ладно. Так нет же, нужно было непременно навязать им непосильную ношу – веру, в которую они не так уж и верят, да пророков, имена которых есть во всех писаниях, разве что парой букв отличаются... Довольно бы с нас Единого Всевышнего. А не будь его – и в том не вижу трагедии...

Крамольные мысли завелись в голове Хромовицкого после одной памятной встречи. Ему дали отпуск и отправили в Пятигорск. На этих целебных водах он залечивал рану, нанесенную теми самыми горцами, которых он считал ни в чем не повинными жертвами. На водах был

сезон, и народу было – не протолкнуться. С тех пор как была открыта чудодейственная сила кавказского нарзана, русские стали меньше ездить в Баден-Баден, Карловы Вары, Ахен, Виши или Эмк, предпочитая заморским курортам благословенный Пятигорск и солнечную Нартсану. Да что говорить – сами заморские богачи начали прокладывать сюда путь.

Сезон был в разгаре. Казалось, весь цвет Санкт-Петербурга и Москвы собрался здесь. Подтянуть расшатанное северной сыростью здоровье, отдохнуть от сутолоки больших городов, да и просто на людей поглядеть и себя показать приезжали состоятельные люди целыми семьями. У некоторых были вполне определенные цели – вывести в свет дочь-невесту или присмотреть для сына невесту побогаче.

Хромовицкий спускался с Машука после ежедневного променада. По тропе спускались и поднимались вверх юные парочки, молодые мужчины и женщины, держащиеся за руки, люди постарше с опаской шли по осыпающейся щебенистой дорожке, искоса поглядывая на молодых людей, которые здесь, в тени деревьев, не скрывали своих нежных отношений. Женщины кокетливо поигрывали ажурными зонтиками, хотя прозрачная тень деревьев неплохо защищала их от солнца.

Хромовицкий взял немного в сторону и спускался по узкой канавке, промытой дождевыми потоками. Легкой плетеной камчой он пощелкивал себя по голенищу хромовых офицерских сапог, с удовольствием скользил по мягкой осыпающейся горной породе. Молодой офицер был в приподнятом расположении духа. Отдых явно шел на пользу, рана заживала быстро.

Вот и подножье горы, тут начинается аллея, ведущая в город. Он с удовольствием перевел дух и произнес вполголоса: «Блаженна жизнь без дум и без забот». Теперь он направлялся в сторону харчевни с незатейливым названием «Машук». Находилась она на ярмарочной площади, и повсюду сновал народ – был канун ярмарки. Из пригорода подтягивались упряжки, запряженные длиннорогими волами и груженые нехитрым товаром. Некоторые уже успели загодя занять места и теперь терпеливо дожидались наступления торгового дня. Волы безмятежно жевали свою жвачку, тут же успели пристроиться несколько верблюдов. Площадь была выложена брусчаткой, деревья по ее окружности располагались в строгом порядке и у оснований стволов были обложены красивым светлым камнем.

Хромовицкому нравилась эта оживленная площадь, нарядная арка с флюгером на входе. Его взор неизменно умиляла скульптурная пара, изображавшая двух орлов с распростертыми крыльями. Из их клювов лилась целебная вода, горячая и холодная. И над всей этой композицией высился черный крест с распятым Христом. Перед святым образом христиане крестились, и лишь потом набирали и пили нарзан.

Здесь же, в тени распятого Христа, делал намаз Тазий, расстелив свою суконную черкеску – цей. Он благочестиво омыл руки и ноги в горячем нарзанае, обувь поставил рядом и теперь возносил молитвы,

отводя подбородок то к одному плечу, то к другому. Во время намаза не пристало отвлекаться, но он не мог не замечать молодого офицера, присевшего на скамью неподалеку и наблюдавшего за ним. Поворачивая голову к другому плечу, он невольно упирался взором в фигуру Христа и недовольно хмурился. Да и сам Христос, казалось, был не в восторге от такого соседства, и потому воздел очи к небу.

Завершив молитву, Тазий неспешно обулся, отряхнул цей и оделся. Мельком глянул на офицера на скамье, и взгляды их встретились.

– Здесь вроде мечети нет, уважаемый, разве тут подходящее место для намаза? – подал голос офицер.

– Намаз можно где угодно делать, если время подошло.

– Даже у изножья Христа?

– Даже у изножья Христа, – с видимым удовольствием подхватил Тазий. Ему явно стало приятно внимание русского офицера, который к тому же изъяснялся на ломаном адыгском языке. Поговорить он любил, другое дело, что не всегда находил охотника выслушать его пространные рассуждения. – Я, может, молюсь рядом с вашим Исуфом, чтобы задобрить его. Было бы согласие между богами – мир царил бы и меж пророками. А если бы пророки пришли к согласию – куда бы люди делись, тоже бы друг с другом примирились. Споры-то всегда ведут к войне... Когда бы Исуф и Магомет, и все двенадцать пророков поклонялись Единому Богу, клялись бы одним Кораном, молились бы одним намазом – был бы лад на земле... Так-то, молодой человек, нет на свете ничего лучше согласия.

Хромовицкий был поражен глубиной суждений этого немолодого горца. Он слушал его с нескрываемым интересом и, желая продолжить нить разговора, сказал полушутя:

– По-твоему, Шамиль воюет с нами двадцать лет кряду только потому, что Христос и Магомет не могут найти общий язык? Так выходит, отец? Договорись наши пророки – и Шамиль станет не нужен?

– Именно так, молодец! Все берет начало от Бога. – Старику было приятно, что офицер нашел в нем достойного собеседника. – От него же идут и войны, и споры.

– Однако ты далеко хватил, – улыбнулся Хромовицкий.

– Далек – не далеко, а так оно и есть. Боги начинают – люди довершают. – Тазий изрек последние слова торжественно, было видно, что эту истину он затвердил давно. – Вот так-то, молодой человек.

– Да ты настоящий философ, отец! – воскликнул офицер. – Учился грамоте?

– Нет, неученый я.

– А откуда такие премудрости?

– Да с аульского пастбища, откуда еще. Сижу целыми днями на пригорке, пасу старого козла да козу с козленком и раздумываю обо всем на свете. Вот и вся премудрость. А что мне еще делать – ни семьи, ни детей, как говорят, ни рукава, ни ворота... Была у меня одна радость в жизни, и ту Бог забрал...

Тазий говорил о своей покойной супруге Мадинат. Она осталась вдовой, и по решению князя Асланджерия ее отдали замуж за Тазия. Расчет князя был прост: пускай живут, если дети родятся – больше станет слуг при дворе. Но они не прожили и года, Мадинат умерла, и детей ему не оставила. Осталась, правда, ее младшенькая девочка от первого мужа, – старшую унесла болезнь, – но ее забрал к себе в дом князь, в услужение княгине Дахе. А потом отправили ее прислуживать в доме старого отца княгини. Была при княгине у девочки одна обязанность – быть «при подоле» хозяйки. Так и осталось за ней прозвище – «Приподольная», даже имени никто не помнил.

Так и мыкался Тазий, день-деньской прислуживая на княжеском подворье, а выпадет свободный денек – сразу же на пригорок, пасти своего козла да козу с козленком, а следом за ним плелся его старый пес Кяго – «бесхвостый».

– Вот так оно и бывает, юноша, – продолжал Тазий, пристроившись на скамье с мраморными стойками. Ему хотелось, чтобы кто-нибудь из знакомых увидел, как он восседает тут и по-свойски беседует с царским офицером. – Все от Бога идет и к Богу возвращается. Бог дал мне Мадинат в дар за мою многотрудную жизнь – и Бог же ее отнял. Только и оставил, что козлиную семью да старого пса. Не поймешь, за что удостоишься Его милости. Вот знакомец мой, такой же пастух, Килар, на самый верх Ошхамахо поднялся, в самую обитель Бога. А ведь это грех какой! Все думали, что настигнет его кара страшная – так нет, не настигла. Напротив, славу себе добыл. И даже сам царь его к себе призывал, в уорки возвел, говорят, даже за один стол с собой сажает. Вот что значит милость Божья. Килар вот преступил Коран – а Бог его за это не покарал, а вознес. Я ему пенял – нельзя, мол, святые заповеди нарушать, а меня, видишь, Всевышний покарал. Вот, поди, разберись. Нет справедливости нигде, ни на земле, ни выше. И не знаешь никогда, где правда, а где кривда. Ты думаешь, что благо делаешь, а окажется вовсе напротив. Трудно жить на свете, юноша, и все мы не без греха, хоть и не ведаем этого...

Потрясения, выпавшие на долю Тазия, сильно изменили его в последние годы. Слушая его суждения, земляки удивлялись его мудрости. Даже князь Асланджерий, бывало, прислушивался к его словам. Да и спесивый Хаджи-Исмел нет-нет да наведывался к старику, чтобы поговорить по душам.

Вот и сейчас Хромовицкий слушал его с удовольствием и удивлялся рассудительности простого горца.

Вдали во всей красе сиял двуглавый Ошхамахо, по основанию опоясывала его темно-зеленая полоса леса, подчеркивая ослепительную белизну вершин. Далее виднелись дымчатые зубцы Главного Кавказского хребта.

– Ты погляди, какая красота! – воскликнул Тазий. – Скажи после этого, что это не божьих рук творение! Все создал Он, одно к одному

подогнал да подстроил. – Собеседник его молчал, и старик решил сменить тему: – Тут, в Пятигорске, каждый третий в военной форме. И зачем России столько военных?

– Россия большая, отец, и все время где-то война идет, то в одном конце, то в другом. То мы с кем-то воюем, то с нами.

– С кем воюете?

– Да по-разному, отец. Кого-то мы хотим к себе присоединить, да они не хотят. Кого-то уже присоединили, да они всё смириться не хотят.

– И Шамиль среди них?

– Не иначе как.

Тазий помолчал, вздохнул, глядя вдаль.

– Грех это, при такой-то красоте войны вести, – горестно сказал он, снова протягивая короткую руку в сторону Ошхамахо. – Если есть Бог на свете, он не простит такого.

– Как же так, отец, – усмехнулся Хромовицкий, – сам же говорил, что все нелады от богов идут.

Тазий растерялся.

– Да мало ли что человек скажет, чтобы вину с себя снять да на другого свалить. Вот и я также. Не слушай меня, юноша, это я так сказал. Все в Его воле, ни в чьей более, – старик воздел руки к небу. Он вздохнул и встал, собираясь уходить. Хромовицкому решительно нравился этот пожилой горец, и он не хотел его отпускать:

– Позволь угостить тебя обедом, отец, – предложил он.

– Нет, юноша, я в кашевнях не ем.

– Почему же, там хорошо готовят.

– Боюсь, что свинину подсунут.

– Да нет же, здесь свинины не готовят.

– Э-э, для такого бедняка найдут, чтобы потом на смех поднять.

– Я со всей душой, отец, хотел еще с тобой посидеть да поговорить.

– Спасибо, сынок, не сомневаюсь. Доброго тебе дня. – Шаркающей походкой, горбясь, как под непосильной ношей, Тазий пошел вниз по тропе, ведущей к берегу Кумы. Через полсотни шагов обернулся и зычным голосом чабана крикнул: – Дай Бог нам добром свидеться! Как вернешься на войну – храни тебя Аллах от пули Шамиля!

Хромовицкий постоял с минуту, глядя вслед уходящему. «Какой достойный человек, – думал он. – Так вот и прожил жизнь с верой в справедливость. Так и умрет, веря в чудо...»

Он помыл руки под горячей струей нарзана и, отряхивая мокрые руки, направился к «Машуку» – в «кашевню», как сказал старик. Не трогая дверную ручку, толкнул дверь плечом и вошел внутрь. Завсегда-таями этого заведения были средние чины, с погонами не выше батальонного командира, с карманами не самыми богатыми, зато уважавшие кавказскую кухню. Тут, конечно, было не так богато, как в «ресторации», зато готовили вкуснее. В помещении стоял дух вареного мяса, айрана, жирного гедлижбе и пыхтящего на печи койжапха.

Зал был просторный, двухъярусный. Нижний ярус – большой зал, плотно заставленный столами. Второй ярус тянулся над половиной нижнего зала. Часть балкона занимал оркестр, далее стояли столы, а по самой середине яруса была устроена белая арка с гипсовым бюстом императора. Входящие офицеры крестились, пели «Боже, царя храни», и лишь потом садились за стол. Из-за этого в ход пошла такая шутка: многие стали говорить «пойдем креститься», вместо «пойдем в «Машук». Захаживали сюда и мусульмане – вера ни при чем, когда есть хочется.

Бюст Николая слегка выступал из ниши, чтобы его было видно отовсюду. И на первом этаже тоже. Чрезмерно выпяченная грудь со звездами и крестами, большие эполеты и строгие глаза навывкате придавали облику царя грозный вид.

Кроме царского бюста, были и прочие достопримечательности в этом зале. Стены его были расписаны интересными сюжетами, из них особо выделялась картина, на которой изображено было похищение княжны горцами. Поглядеть на нее приезжали горцы из окрестных аулов. Картина была выстроена в виде панорамы на три стены. Одна часть изображала сцену у источника, здесь толпились люди – чиновники, офицеры, мужчины, женщины. Среди них – прекрасная женщина в наряде княжны. На второй стене картина менялась, здесь на толпу напали черкесы, схватили княжну и бросили поперек седла. И третья часть изображала, как черкесы увозили похищенную, некоторые офицеры стреляли вслед, несколько казаков верхом бросились в погоню. Картину довершали виды горных вершин и окрестностей Пятигорска.

В зале играли музыканты, приглашенные из Баку. Музыка была в основном кавказская, и танцы тоже. Народу было много. Здесь любили бывать и приезжие, и местные. Тем более, завтра ожидалась ярмарка, и в зале было особенно оживленно.

Хромовицкий поднялся на второй ярус и сел за столик рядом с оркестром. Отсюда был хороший обзор всего зала. Играл оркестр, молодой горец исполнял песню на плохом русском, публика шумела. Но до Хромовицкого весь этот гомон доходил далеким гулом. Его мысли были заняты разговором с незнакомым стариком-адыгом. Разве не истинно все, что он говорил? Разве не велись испокон веков кровавые боины за веру? Вспомнить хотя бы войны Филиппа II во Франции, походы Ричарда Львиное Сердце, подвиги египетского предводителя Салахаддина. А сколько невинной крови пролили крестоносцы и мусульмане.

А противостояние с Шамилем – это что? Ему на ум опять пришли слова Тазия – до чего интересный подход у этого старика к вопросам веры. Тут любой грамотей будет голову ломать – и не разберется никогда, что к чему. Старик и оправдывает религию, и винит ее во всех бедах. Это перекликалось с сомнениями, которые не давали покоя самому Хромовицкому. За что воюет Шамиль вот уже два десятка лет кряду? Ради чего? Что дает ему силу? Вера или что-то еще? Каким словом это назвать? Он уже начал понимать, что считать эту войну войной за веру

было всеобщим заблуждением. Если и так, то для горцев религия в этой войне была не главной причиной, а так, попутной, что ли. Важнее всех религий была для них свобода.

Он сравнивал происходящее сейчас на Кавказе с польским восстанием и находил сходство. А ведь раньше он думал, что в Польше имело место противостояние православных и католиков.

Взгляд Хромовицкого упал на бюст императора. Белый гипс показался ему чернее угля. Этот горбоносый профиль, эти нависающие бакенбарды, злой взгляд – все казалось ему сейчас отвратительным. Он почувствовал, что в нем закипает кровь. Вспомнил письмо, которое прислала его сестрица. Она писала, что император заставил ее просить на коленях, потом сменил гнев на милость, помог ей и даже денег дал. Хромовицкий догадывался, что сестра не всю правду ему открыла, наверняка она пошла и на другие уступки во имя спасения брата...

Он дернулся, намереваясь встать. Но тут распахнулась дверь отдельной комнаты на втором ярусе, и оттуда пьяной гурьбой вывалились пятеро мужчин, среди них – князь Асланджерий, толстый майор с багровым лицом и длинными бакенбардами на мясистых щеках. Майор, едва державшийся на ногах, вплотную приблизился к бюсту Николая.

– Да здравствует наш император! – Он высоко поднял стакан, затем осушил его. – Князь, обними нашего императора!

Князь послушно обвил рукой шею гипсового царя:

– Да здравствует!

– Да здравствует, да здравствует! – Другие, одеяние которых выдавало мелких чиновников, закричали наперебой, поднимая стаканы.

Компанию угощал сегодня князь Асланджерий. Для этого был повод: по императорскому указу завершилось выделение земель на Зольских пастбищах коннозаводчикам – Бековичу-Черкасскому, Асланджерию, Карпу Кузьмичу. Если по-хорошему, то участие царя было не столь значительным, князьям всего лишь вернули клочки земель, отобранных у них же. Но что делать, царю надо кланяться.

– Князь, немедленно облобызай светлый лоб нашего императора! – потребовал майор, все еще обвивая гипсовую шею царя. – Он же вам... по первому слову... вошел в положение, тысячи, тысячи десятин дал! Целуй, говорю!

Асланджерий потянулся было, чтобы поцеловать гипсовый лоб, но тут чьи-то руки просунулись между ними, оторвали бюст от основания, и не успели все опомниться, как венценосная глава рухнула на нижний этаж в центр зала и разлетелась на сотни мелких осколков, словно обрушили разом гору тарелок. Изумленный князь поднял глаза и увидел Хромовицкого.

«Плохи дела у русского царя, если его же офицеры крошат его изображение», – подумал князь, глядя, как уходит из зала Хромовицкий, звонко ступая по осколкам императорского бюста.

«Бег по синей траве» – новый вариант перевода на русский язык романа З. Х. Толгурова «Кёк гелеу», опубликованного издательством «Эльбрус» в 2003 году и известного под названием «Голубой типчак».

Бег по синей траве

Главы из романа

Уныло завывающий ветер вот уже третьи сутки тянется откуда-то снизу с промозглых равнин. Со свистом протискиваясь сквозь горловину ущелья, он припадает к земле, растекается меж ломкими желтеющими стеблями жухлой травы и плавно кружит по плоскому дну долины. Здесь, у села, он мутным потоком огибает полуразрушенную мечеть, втягивается в проломы стен и разъявленные оконные проёмы, свивает на полу рваные кольца мгновенно умирающих смерчей. Метнувшись по обшарпанным стенам здания, затихает в полутьме мечети, скуля тихо и бессильно – до очередного падения на пол стенового камня. На его звук ветер подбрасывает своё полупрозрачное тело вверх, к остаткам перекрытий, но потом вновь устало опадает вниз, обтираясь о шероховатую глину и облупившиеся притолоки.

Один из стариков, недвижно сидевших перед мечетью, вглядываясь в сумрак её дверного проёма, нарушил долгое молчание: «Странно, что в одном здании столько щебня, пыли... Мусор... Откуда набралось?»

– Старая мечеть, очень старая, чему тут удивляться? – невыразительно проронил другой, не ожидая, впрочем, ответа. Разговор, как обычно, не завязывался. Каждый день старшие аула приходили к мечети, к месту своего постоянного сбора, и здесь, на ныгыше, поверяли друг другу свои неторопливые мысли. Так было всегда – обычный ход жизни, неизменный на протяжении десятков и сотен лет, и вот он нарушился. Нарушился, и обиженным старикам было ясно, что возврата к нему не будет, ибо на их глазах исчезала главная составляющая ныгыша – мечеть. Они неподвижно и молча сидели в ряд, наблюдая за тем, как в вое ветра растворяется их извечный уют, более всего похожие на нахохлившихся старых грифов – разве что сидели они не на скалах, а на узенькой старой лавчонке, которая, казалось, уже пустила корни в каменистую и скудную землю – так же, как их суковатые трости, подпиравшие выдубленные лица с прозрачными от возраста глазами. О чём было говорить – слово каждого

из них не стоило и опавшего осеннего листа, и они отстраненно взирали на медленно, с каждым днем тающее строение.

Рушить же старую мечеть нелегко. После того как Чиппо выворачивает обтёсанный блок из кладки, его еще надо погрузить на арбу, потом волы с натужным скрипом доволокут шаткую повозку к строящейся школе, и лишь когда серая глыба тяжело, подняв пыль, ляжет на землю у новых стен – только тогда ощущается, что камень уже не принадлежит мечети. Это трудная работа, а людей, рук не хватает. Четверо парней, угрозами и посулами Хакима согнанных к мечети, не могут ворочать эти огромные каменные блоки, тем более – не могут их поднять. Поддевая и двигая их ломами, с глухим стуком перекатывая по граням, они кое-как теснят их к площадке с арбой, но на этом всё заканчивается, и молчаливые глыбы лежат в вязкой тишине, неприятно неподвижные, словно туши забитых животных.

Чиппо расшатывает камни и сбрасывает их сверху. Низкий и плотный, он крепко уселся на стену и, обхватив её кривоватыми ногами, вяло ковыряет кладку. Никогда особо не любивший работу, бригадир и сегодня не старается, обходится без воодушевления и пота. Если бы не страх перед Хакимом, мужчина вообще не прикоснулся бы к угрюмым неровным блокам. Но перед этим белобрысым у Чиппо уже нет слова, нет силы свободно посмотреть в его недобрую физиономию и сказать всё, что думает, – приходится прогибаться, угождать, быть на побегушках. Что делать – время переменчиво, вот и рысишь, куда приказано.

А было, было и другое... Когда-то – не очень-то и давно – один взгляд Чиппо пригибал Хакима до самой земли. Это же его собственное предложение и было – разрушить мечеть, а её камень и строевой лес пустить на возводящуюся школу. Ну, если и не совсем Чиппо это придумал, то, по крайней мере, он был одним из первых, кто эту мысль поддержал. Идея хорошая, сулящая благожелательное отношение сверху – то, что никому не помешает, особенно начальнику средней руки, каковым Чиппо и был.

Его лучшее времечко. Свобода и значимость, даруемые властью, пусть и небольшой – что еще нужно мужчине? Даже самых плюгавых власть делает выше ростом и шире в плечах. Погарцевал и Чиппо на горячем скакуне по дворам односельчан, твёрдо встречая взгляды мужчин и спокойно улыбаясь женщинам. Теперь же... Отсидел, пусть и вернулся невредимым, но кем? Власть отвернулась от него, и теперь он никто, без чина – пустое место. Стоит ли высовываться, лишний раз твякать и получать палкой по хребту? Нет, Чиппо не настолько глуп, чтобы не понимать своего нынешнего положения. Сиди тихо и незаметно ковыряйся в полуразрушенной мечети.

Странно, но прошло уже два года, как начали разбирать эти стены. Конца-края не видно. А начиналось всё с таким азартом, рвением и задором – не было дела более срочного. Более важного. Когда всё это

затянулось и превратилось в нудную, бесконечную и бесплодную рутину – Чиппо даже сказать не может, но сегодня в селе нет ни одного человека, самостоятельно возжелавшего бы хоть что-то сделать с руинами старой мечети и новой школы. Обрыдло всё, не хочется ломать, надоело строить.

Чиппо, свесив кривые ноги со стены – сидя и сгорбившись, он удивительным образом походил на оплывший кусок глины, прилепившийся к камням, – долго смотрел вслед медленно уходившей арбе. Ленивые волы, неторопливо переваливаясь с боку на бок, вяло перебирали ногами, идущие рядом их не торопили. Чиппо каждый день наблюдает эту картину: упряжка волов, монотоннодвигающаяся от мечети к школе и обратно, сонные люди, сонный скрип арбы, вращающиеся колеса щелястой повозки, через силу и нехотя наплывающие на колею, ступица и спицы, с хрипами и отдышкой толкающие обод по кругу... Арба останавливается на каждом бугре, на каждой выбоине, волы поминутно дремлют, ожидая окончания очередного разговора парней со встречными аульчанами, времени никому не жаль, тянется оно бесконечно, а торопить его нет смысла – никто, даже последний глупец, не считает правильным то, что вековую мечеть пустили на слом. Школа нужна – этому селу, как и десяткам других, разбросанных в горах, но вряд ли она может быть построена из камней разрушенной мечети. Да и чем они, эти камни, лучше тех, что, вырастая из земли огромными монолитами, окружают аул со всех сторон. Балкария – прежде всего – скала, народ живет на ней, питается с неё, в неё уходит. Чего-чего, а камня здесь хватает... Вот только школа застыла и, кажется, совсем перестала расти.

Чиппо еще больше сгорбился и поёжился, пытаясь поглубже засунуть сложенные на груди руки в рукава старого тулупа. Странно, ветер в ущелье почти всегда дует по течению реки, а в последнее время – нет, он тянется снизу, бьёт со стороны равнин, протискивается сюда, в кровь обдирая бока и пыль с гранитных отвесов узкой горловины ущелья, недовольно воя и шипя от боли, вырывается в долину аула Кургак и плавно оседает в котловине. Засыпает и безмолвствует, только в своих непонятных человеку снах он вздрагивает в полуразрушенном чреве мечети и с гулом выдыхает в её щербатые порушенные окна. И так уже третий-четвёртый день он гудит и воет, заставляя жителей мрачно замолкать и прислушиваться, как ушедшие – потерявшие приют и бездомные теперь, наверное, навсегда – оплакивают свою мечеть.

* * *

...Крым крепко зажмурил глаза и протянул руки вперёд. Пёстрые звуки мира вдруг затихли, удалились куда-то в неслышную даль, голоса играющих вокруг него детей погасли, и даже резвый ветерок, гулявший

вокруг с весёлым щебетом, замолк и затаился. Лишь солнце розово пробивалось сквозь веки, и мальчик стоял, отчётливо чувствуя осознанную ласку его мягких лучей на коже кистей, на ладонях и пальцах. Солнце протягивало ему свои лучи наискось сверху, и он тоже поднял руки выше – навстречу нежному и могучему свету. Крым не был ни невежей, ни растяпой, не знающим благодарности и не ощущающим добра, – во всяком случае, не хотел быть таковым. Золотая чаша не даётся в руки невоспитанным, нерешительным, глупым и лентяям – Крыму известно это. Таким не придётся утолить жажду из волшебного кубка. Гелля часто рассказывала ему о тайных намерениях и привычках Чаши, о том, что она обязательно придёт к нему, и Крыму остаётся только следить за тем, чтобы не делать проступков, не нравящихся Золотой чаше, и ждать – ведь она точно суждена ему. Правда, мальчик до сих пор гадает, из чьих рук он примет заветный сосуд, кто напоит его чудесной водой... Гелля говорит, что судьба.

Какие они – Судьба и Аллах? Большие или не очень? На что они похожи – на горы? А может, на маму Крыма? Он этого не знает; пока что никого из них не видел. Единственное, в чём можно быть полностью уверенным, так это в том, что Гелля никогда не обманывает. Если Крым не будет бездельником и неумехой, сможет всей душой и сердцем потянуться за Чашей – тогда, как и говорит Гелля, он обязательно выпьет из неё и воды, и тёплого молока с вкусной морщинистой плёнкой. Ну, так хочет Крым, а там – кто его знает... Уж жажду Золотая чаша точно утолит – здесь-то сомнений нет. Было бы, правда, хорошо, чтоб она появилась, полная прозрачной прохладной воды, прямо сейчас – в этот жаркий день, на глазах у девочек. Увидев, как сын пьёт из Золотой чаши, и мама обрадовалась бы и поблагодарила бы тех двоих...

И вот сейчас – как всегда неожиданно – Крым вновь понял и почувствовал, что его мечта, этот сверкающий кубок с округлыми боками вновь появилась из таинственной дали и вот-вот окажется у него в руках. Так уже было много раз, и, боясь спугнуть Золотую чашу, которую он ощущал где-то совсем рядом, мальчик осторожно, тихо-тихо шагнул вперед. Она уже почти касалась его рук, мелко дрожащих пальцев, слегка холодила кожу ладоней. Золотая чаша не могла исчезнуть и оставить его одного, пока он тянулся к ней всей душой, пока она оставалась его вожаделенной мечтой... Не мог волшебный сосуд, приносящий счастье и исполняющий желания, обмануть, предать, поманить и растаять. Вот-вот, сейчас, в этот миг та самая Судьба явит свою щедрость, одарит Крыма. Предстанет перед ним гулким и глубоким звоном колокола, шелестом травы, придёт мятущимся ярким огнем, красным заревом. А может, плавно и бесшумно, словно облако, спустится с неба, прольется длинными, как у его матери, косами согревающего света, медленными и сладкими струями медового дождя... Крым не знает и этого. Замерев с закрытыми глазами, протянув вперёд руки с пальцами, готовыми неуверенно

прикоснуться к заветной Чаше, он, затаив дыхание, вслушался в звуки мира, обволокшего его тонким и засыпающим солнечным коконом. Она была здесь! Здесь, за неплотной оболочкой ветра и голосов детей, шелеста травы и прозрачного неба с впечатанными в него силуэтами гор... Сможет ли Чаша на этот раз войти в этот мир?

Крым застыл, чувствуя, как озноб тонкими иглами впивается в затылок и шею, неровными полосками сбегает по телу. Это длилось мгновение, затем что-то пришло... Пришло, прорвав пелену воздуха и пространства, и чистый звон этого неведомого словно оживил окружающее. На Крыма разом обрушились и смех детей, и торопливый говор реки, и шелест, и свист травы под набегающими порывами, и даже еле слышное, но очень отчётливое шуршание солнечных лучей, льющихся на аул. Он стоял, не решаясь открыть глаза, и торопливо шептал слова наивной молитвы, когда-то пришедшие к нему и так и оставшиеся в сознании. «Судьба моя, не пугайся, не бойся, не бойся, не пугайся, никому не отдавай мою Золотую Чашу. Золотая Чаша – мне, красный альчик-бита – тебе, Чаша – мне, красный альчик – тебе...» Гулкий колокол, отдалившийся было за смутный горизонт, вновь качнулся в сторону Крыма, оглушающее ударил в лицо, рассыпался вокруг, и мальчик услышал, как тонкой струной поёт каждый стебель травы на склоне, косо уходящем куда-то вниз из-под ног...

Крым неуверенно открыл один глаз, следом – так же неуверенно и осторожно – другой и тут же присел на корточки, ошеломлённый и обрадованный. Прямо перед ним, сверкая, словно осколок солнца, в воздухе неслышно парила Золотая Чаша – то слегка удаляясь, то вновь подплывая поближе, медленно и ритмично раскачиваясь в прозрачных потоках, как лодка на длинной волне. Она блистала здесь, прямо перед ним, вися над землёй – без опоры от почвы, без цепей от облаков – чуть заметно колеблясь на невидимой оси, спокойным и мощным светом согревая лицо Крыма, затопив своим сиянием весь отдалившийся мир, и даже руки мальчика, протянутые к Чаше, словно растворились в перьях золотых лучей, расходившихся от волшебного сосуда во Вселенную. «Судьба моя, не пугайся, не бойся, не пугайся, не бойся, не уноси от меня мою Чашу, Золотая Чаша – моя, красный альчик-бита – тебе».

Чаша была полна воды – иссиня-чистая влага наполняла кубок вровень с краями и даже выступала над ними, но не переливалась, не плескалась, не было видно ни малейшей ряби. Однако под выпуклым хрустальным сводом неподвижной поверхности всё было в движении, кружили вдоль стен Чаши и в тугие клубы свивались жгуты безупречно прозрачной воды, сливаясь воедино и процеживая свои невидимые тела сквозь свечение дна, более всего похожего на свет от раскаленных углей и почему-то отражавшего лицо Крыма, – чёткий отпечаток, миновавший поверхность и лёгший там, в гудящей и звенящей глубине Чаши.

Мальчик осторожно протянул руки и тихо приложил их к покатым бокам кубка. Наполненные прохладной водой, они были странно теплы и мягки в ладонях Крыма, полновесны и легки одновременно. Он не спешил выпить из Чаши – она не терпит торопливости и суеты. Поэтому еще несколько долгих, растянутых мгновений всматривался сквозь прозрачную до боли воду в розовато-оранжевый свет и в свои глаза под бледным лбом – над раскаленным дном, за кристальными холодными пластинами; и лишь потом, на полувдохе-полувывдохе, он коснулся губами края Чаши, собираясь сделать долгожданный глоток...

– Ты что тут – околел, что ли?

Крым, вздрогнув, обернулся на резкий голос. В нескольких шагах от него, подбоченившись и отклячив костлявую задницу, стояла Даум – жена дяди, старшего брата его мамы. Крым её недолюбливал – так, слегка, никак не выказывая внешне, впрочем, и Даум не из тех, кто расшибётся ради ребёнка золотки. Обычно в присутствии Даум мальчик испытывал лишь легкое сосущее чувство тяжести, своим детским умом он чётко осознавал суть её отношения к нему. Там, где не было свидетелей, Даум иной раз могла и ударить Крыма, и больно ущипнуть. Понятно, что рядом с людьми – будь то взрослые, будь это дети – она разговаривала с единственным сыном Халимат очень ласково, обращаясь к нему то «ягодка моя», то «душа моя». Крым толком не знал, что означают эти слова в устах Даум, но такое просто так не говорится – только очень любимому человеку, или тому, от которого каким-то образом зависят. Любить она его не любила, это ясно, значит чего-то побаивалась, значит чем-то он мог повлиять на её положение. Крым знал всё это, знал свою тётушку намного лучше, чем она могла бы представить, и намного лучше, чем она понимала его.

Поэтому часто бывало так, что, не желая выдать её тайное отношение к нему, он спокойно сидел у неё на руках, не подавая никакого вида, в то время как ласково воркующая и осыпающая его поцелуями Даум, незаметно для других злобно выкручивала кожу на его руке. Крым привык к ней и вполне спокойно относился к этой женщине, осознавая, что матери четырёх сыновей вполне возможно не любить чужого ребёнка и уж точно совершенно необязательно вникать в его мечты и душу.

Но сейчас, после того как его оторвали от видения Золотой Чаши, из пространства волшебного света и звуков, облик Даум, увиденной словно впервые, привел мальчика в оторопь. От скрипа её голоса и неживого, цвета палой листвы, лица вновь сосуще и почти забыто сжалось сердце. Крым торопливо и крепко зажмурил глаза: «Судьба, не бойся, не пугайся, не отдавай никому мою золотую чашу. Даум – мой чёрный джинн, прогони её! Дай силы моему белому джину! Судьба, красный альчик-бита – твой, золотая чаша – моя!» Мальчик быстро прошептал все слова своих молитв Аллаху и Судьбе и вновь потянулся к Золотой

Чаше, но её уже не было. Исчезла – мгновенно, словно кто-то хлопнул в ладоши. Крым, не веря, что Чаша могла с такой скоростью унести обратно в небеса, поднял глаза вверх и, оглядывая облака, постоял так несколько длинных и отчётливых ударов сердца. Потом осмотрел землю под ногами, в страхе ожидая наткнуться на её осколки, и даже нагнулся, внимательно осматривая землю. Она была в руках, и вот – снова ушла! Крыму захотелось заплакать – сердце саднило, ему было тесно, а слёзы, может быть, принесли бы облегчение, омыли бы следы от когтистых лап Даум.

Та не унималась:

– Что, думаешь титьку своей матери найдешь, тупица? Ищи, ищи, вот там, где пыли побольше! – Даум, подойдя вплотную, ухмыльнулась в запрокинутое лицо Крыма.

Мальчик не выдержал и всхлипнул, отвернувшись от родственницы:

– Опять ты спугнула Золотую Чашу. – Он старался, чтоб Даум не заметила слёз на его лице и не расслышала дрожи в голосе, но она видела его насквозь, и его огорчение сладко и тепло разлилось в её груди. Когда-то она стыдилась своего отношения к Крыму, но теперь даже не пыталась скрыть удовлетворения. Тем более – она и ранее замечала странности в поведении этого ребёнка, а сейчас своими глазами видела, как он тянул к кому-то руки, разговаривал с кем-то невидимым. «Халиматовский-то недоносок, чтоб ему не вырасти, Аллахом, оказывается, обижен. Точно – с ума сошёл, чтоб ему памяти лишиться! – у Даум даже сердце забилось медленней и осторожней. – Сумасшедший! Как же этого никто не заметил-то, прости, господи! Выплясывают вокруг него, самым умным, необычным ребёнком считают... А вся его необычность – полудурок он!»

У Даум аж ступни зачесались, сейчас бы побежать к людям, закричать во всю силу: «Люди, аланы, смотрите, неужели не видите – Халиматовский последыш, единственный плод её чрева-то – придурковатый!» Но она сдержала себя. Торопиться в таком деле нельзя... Пусть Крым дурачок, ну что ей с этого перепадёт? В селе её на руках всё равно никто носить не будет, никто её детей умными не назовёт. Да и в самом деле – что с того, что сын её золовки сошёл с ума, что, кроме минутной и никчёмной радости? Нет, осторожность лишней не бывает. Даум повела глазами по сторонам:

– Что за золотая чаша, о чём ты говоришь, кроха моя?

Крым поднял мокрое лицо и уже спокойно посмотрел на физиономию Даум. Взгляд его темных, не по-детски грустных глаз – глубоких, лишенных обычного блеска – мгновенно потушил нечаянную радость родственницы, ей икнулось так, что она почувствовала желчь на языке. Нет уж, это не были глаза сумасшедшего или ребенка – привычное тягучее ощущение то ли тоски, то ли злобы, одолевавшее её при виде Крыма, вновь заполнило грудь Даум, тупо обожгло сердце, процарапа-

ло его сверху донизу, до самого желудка. «Так и околею, задохнусь от него», – мелькнуло у неё в голове.

– Золотая Чаша – золотой кубок, из которого я должен выпить воды. Чистой воды, – Крым видел, что ответ его разозлит тётушку, но все же после короткой паузы пояснил – Моя Чаша.

– Прости нас, Аллах, прости, Аллах, – Даум воровато оглянулась и резко схватила Крыма за руку. Она торопливо зашагала с ним по проулку, часто поддёргивая его худую ладонь и заставляя мальчика бежать рядом. – Пойдём, недоносок, пойдём, чтоб ты не вырос, чтоб ты потух, как искра на ветру, чтоб Аллах тебя придавил, пойдём, да не сбудутся твои мечты...

* * *

...Лишь очень внимательный взгляд определит, что Халимат еще в этом мире – во всяком случае, нет в её глазах ни памяти, ни мысли. Кажется – она уже на том перевале, куда ведут пути всех пришедших на эту землю. Здесь остались только тело и боль. В этом состоянии люди ни о чём не думают, их воля и остатки сознания судорожно хватаются за крохи жизни, еле теплящиеся где-то внутри, слабые так, что их не хватает на полный вдох, и стремительные настолько, что сейчас – вот они, а через мгновение – где-то там, на краю небес...

Её сестры и братья особо к ней не приглядываются – что делать, человек умирает, так же, как все до него. В смерти можно усмотреть всё, что угодно, только ничего необычного в ней нет. Близкие уже приняли уход Халимат и теперь просто сгрудились вокруг женщины, тоскливо и терпеливо ожидая её конца. «Что же поделаешь, если такова воля Аллаха?» – время от времени монотонно вздыхает Айшат – старшая из сестер – и каждый раз все сидящие в комнате согласно и молчаливо кивают головами, чувствуя, что неизбежность происходящего каким-то образом оправдывает их бесцельное и муторное бездействие.

Тишина, тяжело и густо повисшая в тесной комнате, была устала и назойлива. Изредка перекидываясь короткими фразами, родственники – и в словах, и в мыслях – были уже давно заняты мирским. Уже никто не пытался скрывать равнодушия, и смерть, стоявшая у самой постели, иной раз даже как будто проявлявшаяся неясным силуэтом на фоне затененных стен, никого не пугала. Телята, вздорожавшая мука, подгнившие балки крыши на кошаре – чего здесь стесняться? Их бедная сестра уже ничего не слышит – усохшее растение, не более того. Что ей их сочувствие – колеблющийся от дыхания огонёк в порыве ущельного ветра затухнет сам, хоть задуй его, хоть оставь тлеть. Остающиеся на этом свете, что б там ни говорилось, заняты собственной жизнью, своими заботами и тревогами, и ни слова их, ни лесть, ни грусть, ни любовь нисколько не нужны тем, кто собрался шагнуть за грань. И живые, если

быть честными, не особо стараются для тех, от кого уже не дождешься благодарности и помощи; ушло и ушло, время и силы, вложенные в них, не вернуться. Вот и нет людей, готовых стараться ради переваливших через туманный хребет...

Даже ждать её – вот уже несколько суток – сегодня умрет или завтра, и то тягостно. Мало ли – умирает кто-то, все там будем, не в очередь же выстраиваться за сестрой, у каждого на уме свои дети, свой очаг и хозяйство. И никто не сможет усостыжить сестёр Халимат – не за что. Не они ли, не смыкая глаз, не жалея времени и сил, ухаживали за своей несчастной больной? Плакали и рыдали – вот он срок, выплакали они все отпущенные им слёзы; тосковали, горели их души – вот и время пришло, выгорело всё, лишь серые угли остались в их сердцах. А теперь что – Халимат в плотных объятиях смерти, не разжимаются они, не вырваться ей, и с этим сёстры могут только смириться.

Однако все эти мысли скрыты – лица собравшихся родственников коротко оживляют фразы о житейских делах, затем они вновь съёживаются в унылые пятна, не выражающие ничего, кроме скорби по уходящей сестре. От необходимости постоянно изображать глубокую грусть, сдерживаться, говорить полущёпотом – от всего этого, тянущегося уже несколько суток – женщины дуреют, глаза слипаются, а длинные зевки уже не всегда бесшумны и не всегда вовремя прикрываются ладонями. Но никто не уходит, даже на минуту не отлучается. Раз уж досидели до этого момента, пряча от окружающих и даже от себя собственные мысли, то теперь уж надо дожидаться... Чего? А вот это самое потаённое, греховное, страшно думать об этом.

Айшат незаметно прикусила губу, вслушиваясь в дыхание лежавшей без сознания сестры. После того, как Халимат объявила им свою последнюю волю – шептала еле-еле, из последних сил выговаривая непослушные, громоздкие слова, – всех остальных придавило какое-то странное чувство, и описать его невозможно, но и просто так из сердца не выкинешь. Айшат видит, что тяжелит их дыхание, обида, тем более – скрываемая даже от себя – трудное чувство, не каждый такое выдержит. Ну, ничего, боль Халимат, горе и болезнь, подобно пожару, сожравшая её тело, – вот единственное, чем должны жить сегодня сёстры, и они смогут это. Должны понимать – они не простые женщины, сознание каждой привыкло дисциплинированно подчиняться нуждам и требованиям семьи, взгляды становятся мягче, когда они смотрят на близких родственников... Совестьливые, воспитанные – даже вышколенные – и мягкосердечные сёстры. Ни соседям, ни тем более дальним сельчанам не дано заметить ни единого пятнышка на их белых лбах, ни малейшей точки гнильцы в поведении. Нет, невозможно и представить, что скотские инстинкты могут как-то проявиться в этих людях, не уподобятся они большинству, Аллах сохранит от этого! Вот и сейчас – Айшат привыкла читать их души – каждая сидит, словно молитву повторяя истины их

отцов и дедов, заговаривая копошащиеся в головах серые мысли. Что имущество, что золото, что такое богатство? Пыль, эхо, грязь, пустой лай глупого пса осенней ночью... Сегодня пришло, завтра нет его, как не было при рождении. Вечно лишь родство, связь между братьями и сёстрами. Монета блестит один день, а на следующий она исчезает.

Айшат, задумавшись, поджала губы и застыла так; лишь её огрубевшие от постоянной работы пальцы мелко теребили бахрому темного головного платка. Всё это так, но... Рядом сидящим сёстрам не дано обмануть старшую. Не рады они завещанию Халимат, недовольны и ею, когда-то вытиравшей им сопливые носы. Но тут уж ничего не поделаешь, и делать Айшат не собирается. Зря они дуются, зря вздыхают, пытаюсь застоявшимся воздухом загнать обиду поглубже в душу, в лёгкие... Туда, за печень!

Если Халимат поручает ей своё дитя, поручает навсегда – не на пару же дней уходит! – и ей теперь до конца жизни присматривать за этим ребёнком, кормить, обувать, одевать, что же непонятного и неправильного в том, что и золото умершей достанется ей? Ни греха здесь нет, ни позора, пристыдить её нечем – Айшат, не поднимая головы, самым краешком глаза взглянула на сидевших рядком сестёр. Всё, вроде, правильно... Но она вдруг ощутила своё сердце, неприятно заторопившееся в груди. Да ладно, неужели сидевшие рядом собрались вокруг умирающей только для того, чтобы урвать напоследок? Золотые пояса и нагрудники, серьги, кольца, дорогие китайские ткани, платья – чего уж там, немалое богатство. Айшат вдруг вспомнила, как делили полные сундуки лежавшей в беспомощности сестры, и вновь ощутила острый укол беспокойства. Её доля хоть и кажется большой, сестры тоже наелись досыта, до отрыжки; если по справедливости, так и не самый сытный кусок ей достаётся. Вряд ли они помогут ей растить ребёнка. Чего же они ещё хотят? Почему ни одна из сестер не встала и не сказала, что ей придётся тянуть племянника, поднимать его на ноги, не подтвердила, что она вправе забрать всё имущество Халимат, до последней иголки? Нет, они мёртво молчат, никто и не шевельнёт своим параличным языком.

Всё глубже погружаясь в мельтешение извивающихся липких мыслей, Айшат очнулась, лишь поняв, что уже не теребит бахрому своего платка негнушимися пальцами, а обрывает её. Она незаметно перевела дух и обвела взглядом сестёр. Неприятная волна раздражения схлынула, и осталось лишь холодное желание раз и навсегда рассеять, разрубить повисшее в доме облако недоговоренности и тщательно скрываемого недовольства. Поднять лицо и открыто объяснить, что дуются они зря, добра сестры на их руки налипло никак не меньше, чем досталось ей, старшей; труд и забота на её шее, а они – в чистой прибыли. Ей ли прикидываться ничего не понимающей, не читающей их мысли дурочкой. Если на то пошло, пусть знают своё место. То, что они замолчат сегодня, завтра вернётся. Айшат переоценивает их, всё

невысказанное между ними не останется. Вернётся сплетнями, пересудами, никчёмными разговорами, ветер разнесёт ненужные слова по аульным переулкам и всему ущелью, не будет покоя от его шёпота. Золото Халимат обогатило её, добром ушедшей сестры живёт – вот что будут говорить глаза родственников и односельчан. До конца жизни, как будто и не было ничего, кроме этого, словно и детёныш этот – её единственный шанс и удача!

Однако Айшат не поддавалась мгновенному порыву. Не стоит лгать себе. Не стоит забывать, каким цветом налились лица её сестёр, какой блескучей сумасшедшей паволокой подёрнулись их глаза, когда в центре комнаты был поставлен кувшин с золотом Халимат. Больная еще не сказала, кому она собиралась поручить сына, и каждая наследница мечтала быть опекуницей Крыма, об этом они молились Аллаху, как о самом большом счастье. Деньги, оставленные на его воспитание и образование – вот это было богатство, рядом с которым и пояса с нагрудниками, и дорогие ткани казались не более, чем пылью, незаметной глазу. Да, удача улыбнулась Айшат, кувшин оказался в её руках. Что же ей так до тошноты неуютно, ведь вот оно, свершилось: никогда больше её семья, её дети и внуки не задумаются о хлебе насущном, и последнее желание Халимат будет выполнено – не одного, семь Крымов можно вырастить, поставить на ноги в домах, сочащихся благополучием и достатком. Не то, что головой – каждым суставом Айшат понимает это. Только как сделать, чтобы удушье не сводило глотки её братьев и сестёр, ведь всё, что они сейчас видят – объевшуюся деньгами старшую и жалкие горсточки украшений, доставшиеся им.

Досадно, как досадно – сестра не смогла тайком распорядиться имуществом! Решили бы всё междусобойно, вдвоём, и не было бы этой суеты. Так долго хранившая в тайне огромное богатство женщина могла бы передать ей своё золото незаметно, без шума и огласки. Или она боялась, что завещанное без свидетелей может быть не выполнено? Нет... Немыслимо. Оставленное сироте – кто рискнёт прибрать это к рукам, кто не боится Аллаха? И всё же – зачем вся эта шумиха и гул на весь род?

Айшат, не сумев скрыть лёгкой гримасы недовольства, с упрёком посмотрела на больную. Та тоже неожиданно повернула к ней голову и странно просветлевшим и твёрдым взором встретила глаза сестры. Несколько растянутых ударов сердца они вглядывались сквозь полумрак комнаты в сознание друг друга, не обманываясь и не обманывая в эти долгие мгновения. «Какая глубокая душа у неё, несчастной, оказалась, – подумала Айшат, съёжившись от непонятого озноба – и не вычерпать». С удивлением поняв, что Халимат что-то хочет сказать, она наклонилась к больной. Надо же быть такому – казалось, всё, ушла, исчезла. Нет, глаза смотрят чётко, осознавая всё, ясно выражая желания и мысли. Не было человека, и вот он вернулся, вроде радоваться надо, но Айшат ничего, кроме растерянности, не ощущала.

– Чего тебе, бедная, что беспокоит? – не выдержав жёсткого взгляда сестры, Айшат опустила глаза и, как ни старалась, не могла поднять их выше, вперившись в ямку на исхудавшей шее больной. Не смогла она и смягчить свой голос – нежданная оскомина корёжила её непослушную гортань, и слова упали в тишину комнаты, сочась невызревшим, но явным недовольством. «Не умирает и не живёт, никак к своим присоединиться не хочет, к нам вернуться не может... Что за мощное у неё дыхание оказалось, вязкое, – снова мелькнуло у Айшат, – но уж теперь-то, прости меня Всевышний, пора бы ей определиться. Аллах неспроста послал ей такую тяжкую болезнь, промысел небес, хоть и неведом человеку – здесь-то решение бога понятно. Что же – вознамерилась спорить со Всемогущим, цепляешься за этот продажный мир, душу свою размениваешь? Много таких, как ты, и лучших, чем ты, ушли отсюда – безмолвно и безропотно».

Айшат ещё раз в упор посмотрела на сестру, чувствуя, как к гортани саднящей волной поднимается раздражение, затем словно поперхнулась и, внезапно ощущая, как на лице проступает холодный пот, попыталась сглотнуть, но мгновенно пересохшие рот и гортань словно одеревенели. Да, никто не знает воли Творца, а сила его безгранична. Мало ли тех, кто встал со смертного одра, уже почти обмытых, но вернувшихся с той стороны перевала? Велик Аллах! Всё – и смерть – в его воле... Да, и разве мы, собравшиеся здесь, не желаем ей жизни?

Глаза Айшат быстро пробежали по серым фигурам родственников. Нет, уж если человека записали в умершие, то ему будет лучше таким и остаться. Смертью меченный – всегда чужой. Да и суета эта вся... Родственники уже оповещены. Может быть, напрасно добро Халимат было поделено загодя? Наверное, не стоило так торопиться. А теперь – вдруг она на ноги станет – кто выпустит из рук свой кусок, кто вернёт полученную долю! Тяжело им будет, тяжело до одури. Что до самой Айшат... Что ж, она-то отдаст сестре кровное, ей положенное. От этой мысли у женщины невидимым пламенем опалило лицо, нестерпимо зачесались ладони, и она судорожно наклонилась к постели:

– Чего ты хочешь, что ты мечешься, бедная? – повторила вопрос Айшат, со страхом осознав, что напрасно пытается обмануть себя. Не получается, не получится, уже никогда не быть ей опорой для младших.

– Где это дитё, почему не вижу его? Привели бы ко мне. – голос Халимат пробивался через тяжелый хрип, она почти задыхалась.

Одна из сестер умирающей – Айшат, не в силах оторвать взгляд от глаз больной, по голосу узнала Жюзюм – схватилась за голову и, прикрыв краем платка лицо, тихо заплакала. Это уж точно – самых любимых вспоминают, когда душа уже подпирает кадык, стремясь вылететь из опостылевшего тела.

– Оставь, он никуда не денется, молись Аллаху, вспомни Всевышнего, – вкрадчиво, но жёстко произнесла Айшат, уже совершенно чётко

понимая, что ей не нравится яростное стремление сестры удержаться за что-то, принадлежащее этому миру.

Раздражение и острый, режущий стыд теснили ей грудь. Айшат прерывисто вздохнула и застыла, крепко сцепив пальцы рук на коленях. Остальные тоже почему-то затаили дыханье, в гулком молчании по особенному звонко и отчетливо хлопнула дверь в дом, и все услышали высокий голос Даум:

– Пойдём, искорка, чтоб тебя ветром загасило, да удушит тебя скарлатина, пойдём, чтоб тебя Аллах забрал.

В полной тишине, на которую Даум, конечно же, не рассчитывала, был хорошо слышен широкий шаг невестки, пересыпаемый семенящим топотом детской торопливой походки – ускоряющейся каждый раз, когда её обладателя дёргали за руку. Перед дверью Даум замолчала и, шурша одеждой, взяла Крыма на руки. Постучавшись, она вошла в комнату, держа мальчика на руках, воркуя и сладко улыбаясь ему.

– Хан ты мой маленький, сладенький ребёнок, окоём души моей, золотиночка. И так все тебя любили, а теперь, сиротинка ты наша, дороже тебя и нет никого. – Женщина шмыгнула глазами туда-сюда, словно унюхав недовольство родственников, искоса, самым краем глаза постаралась определить настроение Айшат и мимолетно порадовалась тому, что вошла, предупредив о себе стуком – видать, о чем-то тайном спор шёл, явно недовольны сёстры своей старшей. «Ох, моя бы воля – ничего тебе не обломилось бы», – пряча глаза от Айшат, подумала невестка и опустила мальчика на пол. – Иди к тёте, иди, душенька.

Судя по гримасе боли, исказившей лицо Крыма, и по тому, как он стоял посреди комнаты – бледный, с прыгающими губами, схватившись за предплечье – невестка от души щипнула его, прежде чем поставить на пол, щипнула, как собака укусила, хорошенько закрутив кожу. Вряд ли кто-то из окружавших его сейчас не видел и не понимал этого, тем более, только глухой не услышал бы визгливые проклятья Даум там, за дверью. Но она – жена родного брата, кое на что приходится закрывать глаза, пока всё происходит в рамках принятых приличий и без ущерба семьям родственников. И что особенно важно – жена здорового брата, с которым придётся идти по жизни много лет.

А Крым... Что ж, Крым – племянник, сын сестры, одной ногой уже шагнувшей из этого мира. То, что по молчаливому согласию позволялось Даум при жизни Халимат, теперь обретёт новые границы, ибо горе слабому. Мужчина силён, только лишь войдя в свой возраст и становясь нужным кому-то. И правду говорят – Айшат перевела взгляд с больной сестры на братьев – нужна его сила, в слабости никто не нуждается. Сила же их подобна теплу, идущему от камня в летний день. Скрылось солнце, дунул ветер – и изморозь покрывает лишайник на зернистом боку валуна. Так что – умирает мать, и мужчина может спокойно сказать себе: «Я никому не нужен!».

Тем более – маленький мальчик, словно бы вросший в центр комнаты, и даже Даум больше не подталкивает его к тётке. Еле слышный звон в ушах, и сердце, то ли Айшат, то ли племянника: «Боп!». И ещё раз: «Боп!» – и еще, ещё...

Айшат метнула взгляд на родных. Точно – она не одна думает сейчас о Крыме. Все, словно впервые видя его, затихли, рассматривая пацана так внимательно, словно и не Крым это был, не сын их сестры, а какой-то неведомый зверёк, не ко времени выщелкнувшийся из тайной норки. Глаза родственников – и припорошенные золотом Халимат, и подернутые слезой – прикованы к Крыму. А он, действительно, не совсем обычный ребёнок. Красивый и ухоженный, чистый и аккуратный, как будто не по слякотным и пыльным сельским улицам ходит – это одно, так уж мать его приучила. Но вот лицо его – не тронутое ущельным ветром и горным солнцем, бледное, почти белое, с глазами глубокого чёрного цвета, одинаково матовыми и грустными и в радости, и в печали, – оно, это лицо, тревожило взрослых, некоторых злило. Да и вообще – новая черкеска, кожаные ноговицы с иголки, сверху них – туфли-ишимы из крашенной чёрным сыромятной кожи, обшитая блестящей тесьмой шапка... Всё к лицу Крыму, сидит как вторая кожа, но не слишком ли он наряжен для обычного дня в горном селе?

К тому же нелюдим, волчонок, никого кроме своей матери и близко не подпускает. Ни одна из сестёр не помнит, чтобы Крым ластился к ним, особо радовался при их появлении. Не любил он тереться рядом со своими тётками, привыкшими, что у их подолов постоянно вьются и цепляются за них и свои, и племянники. Так и рождается привязанность в семье – для детей нет разницы между домами.

А этот – нет. На каждое ласковое слово своих тёток Крым отвечал странным недоверчивым взглядом. Ребёнок, не перешагнувший четырехлетия, казалось, видел их насквозь, со всеми их – такими понятными и человеческими – попытками выбрать в этой вечно вертящейся у ног ораве тарелку своего детёныша и подложить ему лучший кусочек. Простое и простибельное желание, в присутствии Крыма превращавшееся в муторное чувство стыда и колющего холода под сердцем – кто же будет близок с таким ребёнком? Да и сам он – вот, как сейчас – не горит желанием обняться, даже если они захлебнутся словами любви к нему.

В семье приняли, что опыт и понимание, которые даются человеку через испытания и время, пришли к Крыму слишком рано, рано и, вроде бы, беспричинно. Что это было – дар Божий, или просто мальчик внимательно вслушивался в речи неосторожных при нём взрослых – никто не задумывался. Однако так повелось, что разговаривать с ним по-доброму приходилось на равных, полностью соблюдая негласные правила общения между людьми и понимая, что условность этих правил для ребёнка тайны не представляет. И теперь, глядя на Крыма, стоявшего между

ними, все с некоторой опаской гадали о том, как он себя поведёт, чётко осознавая его право и возможность на любой неожиданный поступок.

– Подойди, окаменеть бы мне за тебя, дай обниму, – сказала Хафисат, распахнув объятия, однако в полумраке комнаты руки её, со свисающими бахромчатыми краями платка показались Крыму огромными вороньими крыльями. Она тоже сестра Халимат, одна из её старших – желтоволосая, длинноносая женщина. Почему-то считалось, что Халимат и Хафисат очень похожи, такое Крым много раз слышал, но каждый раз это вызывало у него недоумение.

Крым не понимал и не любил, когда его мать сравнивали со старшей сестрой: как может быть, что Халимат – красивая, с лицом, белым, как молоко, с водопадом золотых волос до пояса – чем-то схожа с этой недоброй тёткой с белёсой паклей на голове и с физиономией, под носом и на подбородке украшенной двумя жирными бородавками. Поэтому Крым не сдвинулся с места и, с неприязнью глядя на протянувшую к нему руки Хафисат, чувствовал, что ему почему-то хочется заплакать.

«Ишь ты, как ящерица в вольной траве, желание своё выше уважения ставит. Смотри на него, желтобрюхого, – скользнуло в голове у Айшат. – Приучила, глупая, чёрт знает к чему... А то, если его попроще, не как ханского отпрыска, одевать, родственники отвернутся, в свои дома-дворы не пустят». Она снова, пристально и дотошно, сквозь внимательный прищур, обшарила мальчика глазами с головы до ног. Ей упорно не нравились ни отделанные серебром кончики шнурков на ишимах, ни щегольской наборный пояс – со всеми накладками и подвесками, положенными выходному одеянию мужчины-горца. Да и начищенные до блеска газыри на новой черкеске с выступающей из-под неё воротником белоснежной рубашки – тоже лишнее. Непреднамеренное, но от этого ещё более заметное оскорбление... Халимат шила всё это, уже будучи тяжело больной, на глазах у сестёр она десятки раз перемеряла ткань и заново перешивала одежду, пока та не села на плечи её сыну как влитая, и, вспомнив это, Айшат разозлилась. Она сама не одевала так своих детей – детей, рожденных от мужчины, известного на всё ущелье, мужчины-хана и по происхождению, и по внешности, и по ухваткам. Это не просто лишнее, это глупость, рано или поздно приводящая к ненужным последствиям. Человек должен расти, зная своё место, свой потолок и статус. Да хоть тресни – что бы ни говорили люди, а Крым при ней не будет наряжаться, как при живой матери. Этой молвы Айшат не боится, а если и карябает душу предчувствие пересудов – плевать, дел у неё и так хватит, не станет она тратить время на то, чтобы обшивать приёмыша.

Женщина метнула взгляд на больную и, снова переведя глаза на мальчика, прошла по нему, оценивая и просчитывая Крыма вплоть до последней завязки на ноговицах. Он ей ясно виден – со всем своим своеволием, неприкрытым упрямством и избалованностью, но понимают ли сёстры, какая тяжёлая часть завещания пришлась на её долю? Имущество

Халимат никак не возмещает проблем с этим ребёнком – не знающим, что такое послушание, озорником, детёнышем, который будет изо дня в день тянуть из неё душу и жизнь. И будет правильно, если сидящие в этой комнате – а они не одобряли то, как Халимат относилась к сыну, – окончательно осмыслят ситуацию. Чего там – всё они прекрасно знают, но никто и пискнуть по этому поводу не хочет.

– Смотри, какой шалопай растёт...хлопот не оберешься с этим парнем, того и гляди – весь род в стыд вгонит, опозорит на ровном месте, – тихо, чтоб не услышала больная, прошептала она Жюзюм, незаметно оказавшейся рядом с ней.

– С чего это?.. Не то что лучше – ты такого, как он, в своей жизни не видела, – поджала губы младшая.

– Что же ты его к себе не возьмёшь? – вспомнила своих детей Айшат, ощутив сжавшееся от обиды сердце.

– Ох-хо, была бы твоя воля, а это еще не поздно сделать.

– Ну, давай, поменяемся. Я тебе – Крымское, а ты мне верни тот свёрток, что отсюда утащила. Помнится, он тебе в подмышку не умещался.

Жюзюм, проурчав что-то невнятное, – «Гыр-рр» – отвернулась. В комнате снова повисла мрачная тишина, прерываемая растянутыми вздохами монотонно размышляющих людей. Они, как и Айшат, прикидывали и пытались угадать будущего Крыма, сравнивали его нынешнего со своими детьми, пытаясь выдохнуть вместе с воздухом неприятное, шероховатое и колючее ощущение – полумрак комнаты словно бы сгустился, и дышать приходилось, преодолевая осязаемое сопротивление тягучей серо-фиолетовой завеси, колебавшейся под потолком. Суетливые ошметки мыслей, невысказанные желания, изжеванные и разодранные в клочья остатками их любви и понимания долга крови, извивающиеся останки старательно подавляемых эмоций – всё это медленно всплывало вверх и клубилось у поперечных балок, как шипящее облако из тысяч оборванных комариных крыльев, назойливых слюдяных лепестков, пропитанных ядом первородной человеческой грязи. Они сидели, слыша и видя кожей, тонкими струями пота, стекавшего по их спинам, как умирает их сестра, и как сухие чешуйки нечистых помыслов забивают им ноздри, глотки, сердца и души.

«Прости меня, Всевышний, не посчитай мои слова слишком тяжкими, – неожиданно размеренно и ясно выстроилось в голове у Хафисат, не сводившей глаз с Крыма, – но, если не хотел оставлять в нашем мире мать, то к чему здесь этот, зачем позволил ему родиться? Что за жизнь у него недорощенного, недолюбленного будет? Стыд, грех, а чего там – одним зернышком пашню не засеешь. Вот и этому детёнышу – разве не лучше, долго не мешкая, гостем великого Аллаха стать, безгрешной райской птичкой уйти? От семьи, от рода не убудет, очаги их не потухнут. У неё самой – четыре сына, у Айшат три сына и дочь, Жюзюм

двух мальчиков родила, дома братьев тоже полны детьми... Ай, да что там говорить? Семья богата умными, здоровыми детьми, нормальными, без причуд, подрастут и всю фамилию поднимут. А этот-то что?! Даже сейчас, вон, синева под глазами. Хоть и суетятся вокруг него, восхищаются – а он-то, по большому счёту, малохольный, не из этого мира. Так оно и есть – при живой матери его особенности признаком необычности считались, а сегодня, смотри, ему прямая дорога в сельские дурачки, если выживет. Напрасно мы хором песни пели про его ум и остроту, себя и других обманывали... Стоит, тугодум, уже бог знает сколько понять не может, чего от него хотят, пояс свой теребит, недоносок...»

– Подойди, любимый, дай я тебя обниму, бедненький, – вновь протянула она руки к мальчику.

Крым не хотел к ней. Не хотел настолько сильно, что, даже понимая, что это надо сделать, себя пересилить не смог. Но, чтобы не задеть столь явно за живое взрослого человека, родную сестру его матери, сделал вид, что ему сильно мешает какой-то непорядок в обуви и присел на корточки, копаясь в завязках ноговиц.

Наивная попытка Крыма окончательно вывела из себя Хафисат. Сквозь кислую оскомину во рту она широко осклабилась племяннику, помянула недобрым его отца и разозлилась уже на себя. Перед кем она бисер мечет, извивается, как невесть кто? Неужели боится этого... Хочет быть доброй, ласковой, а зачем? Перед сёстрами выкаблучивается? Да что ей прибудет с этого, все собравшиеся и чиха не дадут за Крыма, а до его родителей уже не докричишься. О родных детях думать надо, о кровных, а не об этом богом обиженном.

– Ты не бойся, миленький, – подалась она к мальчику, словно со- рока, узревшая что-то блестящее, – любая из нас тебе матерью будет.

Крым поднял голову. Усмехнувшись совершенно по-взрослому, он взглянул прямо в глаза тётушке – та аж поежилась. В который раз мальчика поразило сходство женщины с огромной птицей, но вот только с какой? Крылья есть у многих; среди них есть красивые и добрые, есть и злобные, приносящие беду... На кого похожа Хафисат – на чёрного ворона или на иволгу?

– Что же ты не идёшь, не укусит же она тебя! – Айшат не выдержала неловкости ситуации, осознанно, как она и опасалась, созданной Крымом, и решила выручить сестру – он еще никто, своей волей обладать не должен.

Крым медлил. Уже много дней, как его мать лежит на этой кровати, а его тетки собрались здесь, днём и ночью сидят рядом с ней, сопят и перешёптываются. Уже несколько раз он слышал слово «смерть». Что это такое, мальчик толком не понимает, но знает, что с этой самой смертью люди просто исчезают и больше не возвращаются. Как и почему она появляется, ему никто не рассказывал, но теперь начинает казаться, что вот так её и призывают – уложив человека в постель, рассевшись

вокруг него на лавках и бормоча что-то друг другу. Его никто ни о чём не спрашивал, и что же они думают – вот так просто он отдаст Халимат какой-то неведомой смерти – даже если тётки уже всё решили?

Рассердившись, Крым поднял голову и, нахмутив брови, посмотрел на Айшат. И она тоже – не совсем человек, смахивает на какого-то зверя, много раз виденного, только точно сказать не получается – мельтешит он в памяти, метается туда-сюда, не хочет быть узанным. Может, лиса? Или их маленькая дворовая собачонка, любящая незаметно тяпнуть за ногу – он не решил, не успел, потому что Даум неожиданно подхватила его и посадила на кровать Халимат.

Раньше, когда Крым сам пытался взобраться на постель, поближе к матери, ему запрещали делать это, прогоняли из комнаты, и из-за закрытых за ним дверей он еще долго слышал недовольное ворчание тётушек по поводу его своеволия и самолюбия. А сейчас – вот, сами подняли на высокую кровать и, ничего не говоря, уставились на него. Как это понимать, Крым не знал и несколько минут тихо выжидал, что будет дальше. Даже на спящую мать смотрел искоса, с опаской.

Почувствовав сына, Халимат попыталась дотронуться до него, погладить по голове, но неподъёмная рука не слушалась, только шевельнулась на одеяле. Крым, отвечая на это незаметное движение и поняв желание матери, сам обнял её, и какое-то время они лежали так – молча, лицо в лицо.

Душа уходила из неё с каждым вдохом и выдохом, с каждым ударом истончающегося сердца, и даже улыбка немеющих губ, которой она хотела обмануть и успокоить ребёнка, была для неё чрезмерным усилием, высасывавшим последние капли жизни. Это было единственное, что она могла сделать для своего мальчика. Её пора было уходить – в каждом дуновении застоявшегося воздуха женщина осызала, как заждавшийся даритель покоя в нетерпении приоткрывал чёрные крылья. Не было смысла мучать себя, и невозможно было далее калечить душу единственного, как оказалось, родного существа, терзая его своими страданиями. Счастье и радость, долгие годы жизни рядом с ним, его тревоги и удачи – всё, о чём она мечтала для себя, всё, что она мечтала дать сыну – сошло на нет, оказавшись маленьким бликом исчезающего «сейчас», пропитанного болью и немощью. Уйти, дать унести себя темному силуэту, застывшему у изголовья, чтобы немислимое расстояние разделило, наконец, светлую душу Крыма и свинцовые одежды ангела гибели, миазмы его пряного дыхания, растающие в сердце ребёнка, недопустимо долго находящегося вплотную к смерти.

Кто знает, быть может, Крым будет помнить её – так пусть болезнь и изможденное лицо матери останутся коротким мигом его детства, тем мигом, который без следа растворится в его безмятежных снах и играх со сверстниками. Пусть в его воспоминаниях она будет такой, какой была еще пару месяцев назад – гибкой лозой тальника, сильной и подвижной,

как дикий зверь в скалах, стройной и улыбчивой двадцатипятилетней молодой матерью, не знающей себе ровни ни в уме, ни во внешности.

Но будет ли он помнить свою мать? Неимоверным усилием Халимат положила руку на голову сына и, сквозь бурую пелену, нахлынувшую в зрачки, всмотрелась в лицо Крыма. Нет, слишком мал, он слишком мал, беспомощный детёныш с едва открывшимися глазами, и образ матери не удержится в его сознании, растворится в синеве предстоящих ему лет. Крохотный теплый комочек жизни и радости, не вошедший в пору разума, и сегодня он уже не помнит вчерашнего утра.

Горло Халимат сжалось, ватный стук сердца в ушах мешал сосредоточиться. Она обездолена, вбита в прах, нищета её очевидней, чем нищета безъязыкого дерева или камня. За что Всевышний ниспослал ей такое наказание, такое горе – нет его, большего, чем кровь и плоть, не помнящая родителей. И для ребёнка нет беды страшнее, чем забвение; тот, кто потеряет облик матери, забудет всё, а многое он в своей несчастной сирой жизни попросту не увидит, не заметит, пройдёт мимо того, что могло бы согреть его, вдохнуть надежду и смысл существования. Может, надо сказать прямо, чтобы помнил, чтобы не забывал?

Кошунственно. Отвратно и немислимо, чтобы мать сказала ребёнку такое, призналась в скорой смерти, впадая в самый страшный грех – да, это он и есть, прямая дорога в ад. Порочно уже то, что Крым видит её умирающей, но нет силы просто смежить веки и шагнуть за черту, не попрощаться с сыном, не посмотреть на него в последний раз на этой земле.

Халимат собралась и вновь улыбнулась ребёнку, однако сердце, изъеденное болью, окончательно обессилело, и непослушные слёзы заливали впалые глазницы, переполняли их и бесстыдно текли по лицу, капали на подушку, открывая ее мальчику всё, о чем она хотела смолчать.

– Не плачь, Абий, не плачь. Абий, Абий! – Крым вытирал её мокрые щёки и, всхлипывая, повторял имя – то, которым он впервые назвал мать, ещё будучи младенцем.

Комната, мутное пятно окна, фигуры сестёр, звуки их речи, стены и густой воздух между ними, сама боль, беспокойно ворочавшаяся в её теле, – всё это уже отдалялось от Халимат, постепенно превращаясь в неясное марево, колеблющееся где-то там, за границей восприятия, но голос сына вернул женщину. Она вздрогнула и проснулась, словно кто-то потряс её за плечо. Сквозь слёзы улыбаясь Крыму, женщина еще раз ощутила его тепло и вдохнула родной запах.

– Я не плачу. Зачем мне плакать, дитяtko. И ты не плачь. Не бойся, я не умру, мальчик мой, – внятно проговорила Халимат.

Перевод Тахира Толгурова

Перевод Ладомира Местича

Бэлла АБРОКОВА

***

Вровень с вершиной – небес сердцевина,
Корнем найдя сердцевину земли,
Дерево-дева, чиста и невинна,
Славе земной и небесной внемли.

Тлепша могучего ты покорила
Мудростью, собранной в сонме веков.
Нартам же тайну свою подарила,
Светом разбив пелену облаков.

Сын твой пришел, как приходит на смену
Мраку и холоду – солнечный луч.
Мудрому слову познает он цену
И, как народ его, будет могуч.

***

Я запуталась в мыслях, как в расставленной сети.
Если выход – смирение, значит – камнем на дно.
Пробираюсь на ощупь, разбираюсь при свете,
Тороплюсь и не знаю, что найти суждено.

Если мысли невинны – представляется облик,
Тот, единственный в мире, кем томится душа.
Но в душе и обида, как болезненный отклик,
В чем же он виноватый? Что идет, не спеша...

Если мысли греховны – в мире буйствуют краски,
В безрассудстве полета – ни сетей, ни преград.
Я надменно взираю, как принцесса из сказки,
И прощаю виновных, и не жажду наград.

***

Кем жизнь, словно книга, была прочтена?
Кто тяжесть измерил, что давит на душу?
Бывает, встречается с солнцем луна
И твари морские выходят на сушу...

Не то, чтобы мир удивлял новизной,
Основой всему – неизменный порядок:
За прибылью – убыль, за холодом – зной.
Но есть в нем и тайна, пока – без отгадок.

Царит в нем веселый игрок-балагур.
То вдаль убежит, то окажется рядом, –
Игры и фантазии в нем – чересчур,
И все же напрасно искать его взглядом.

Напрасно надеяться на разговор:
Ни сущности он не откроет, ни сути,
Так мысль охлаждает бескрайний простор...
Нет, он не покажется, не обессудьте.

Лишь сердце способно его различать:
Придет, и – прорыв к абсолютному счастью.
Уйдет, и на сердце – унынья печать:
Он был вашей лучшей, божественной частью.

Перевод Александра Пряжникова

Зарема КУГОТОВА

***

Молча шла к тебе босиком,
Испугать твою песню боялась.
Что поешь ты во сне, тайком,
Мне услышать мешала усталость.

Шла к тебе босиком без слов,
Иногда возвращалась обратно,
И души моей трепетный зов
Поднимал меня в небо закатное.

Стала музыкой жизнь моя,
Мир построить в душе готовясь,
Там любовь отыскала я,
Где звучал для меня твой голос.

***

Новый день рождает думу:
В ней теперь живу.
Не спасет души угрюмой
Счастье наяву.

Не прошла через преграды,
Путь потерян мой,
Только ветер бродит рядом,
Ссорится с судьбой.

Растворяюсь в прошлом дне я,
Он бранит без зла...
У судьбы нет сновидений –
Есть одни дела.

***

Дождь меня возвращает обратно,
Сладкий голос стихает вдали,
Только сердце с надеждой невнятной
От тоски и тревоги болит.

Ты идешь не своею тропею,
Вспоминая разлуку со мной,

Хочешь все возвратить, но бывшее
Встречный дождь закрывает стеной.

Пусть судьба сосчитает ошибки,
Наши души не станут одной,
Ну, а я вспоминаю с улыбкой
Голос твой, как и прежде, родной.

***

Отчего ты печальна, осень?
Сон принес ли дурную весть?
Снова зов твой меня уносит,
Это дар или это месть?

Слезы листьев твоих лимонных...
Ты роняешь их день за днем,
Но меня в твоих грезах сонных
Мы по-прежнему не найдем.

Вздрагнет сердце от близкой стужи,
Растворяюсь в тебе, как дым,
Пусть печаль бередит мне душу,
Стану зеркалом я твоим.

***

Что скажу я теперь весне?
Стих не кончен, слова чисты,
Но душе для кого звенеть,
Если в осень уходишь ты?

Свежий ветер примчался в сад,
С веток падает первоцвет,
С этим ветром споем мы в лад,
Если ты не покинул свет.

Слышу песню, но не понять
Мне чужих голосов расклад.
Ищет осень меня опять,
И с тоскою зовет назад.

***

Время мчится на зов,
Ночь – раздумьям начало.
По следам твоих снов
За тобой я помчалась.

А душа для меня
Силуэт твой рисует,
Время жаждет огня,
Нашей жизнью рискует.

Отраженья секунд
Берегу, что зеницу,
От словес, как от пут
Сердце в небо стремится.

Переводы Хыйсы Джуртубаева

Исмаил СЕМЕНОВ

***

Как нам не горевать и не тужить,
Усатый не дает народу жить.
Всем повелел он славу петь себе,
И все поют, покорные судьбе.

Кто воздаст хвалу – тому почет,
Кто не сумел – того могила ждет.
Всяк хочет жить, хвалю порой и я,
Хотя и горько каюсь погода.

Вечер

Вот и снова зима на подходе. Небесный
свод ослабленным солнцем едва обогрет.
Все надеждой живем, никому неизвестно,
кто умрет, а кто новый увидит рассвет.

Ежедневное горе, избыток печали
погружают нас ночью в тревожные сны.
Грустным мыслям поддавшись, порою не чаю
продержаться до ласковой теплой весны.

Жизнь – обман, и щедра лишь на бури, метели,
но мы стали от этого только мудрей.
Песню лучшую слушаем мы в колыбели,
слово лучшее скажем на смертном одре.

Лес на склоне горы в одеянии рваном,
ветер, треплющий крыши, слегка поутих...
Мы по жизни идем, словно в поле туманном,
счастлив тот, кто сумеет не сбиться с пути!

Вьюжная ночь

Ночь бурею утомлена,
деревья корчатся от ветра,
и стынет блеклая луна
застряв в оледенелых ветках.

А ветер не жалеет сил,
как будто все разрушить тщится,
час от часу сильнее ярится,
весь белый свет ему не мил.

Во мраке комнаты своей
страдаю я от стужи лютой:
покоя нет в душе моей –
и в доме нет моем уюта.

Уроки жизни – лишь слова,
к чему теперь вражда и злоба?
И я был прав, и ты права,
а как итог – неправы оба.

Так жизнь и превратилась в ад –
стараниями нас обоих.
Деревья на ветру гудят,
скулит собака, вьюга воет...

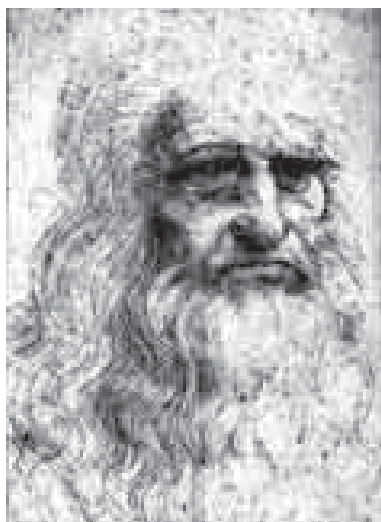
...Ну вот и стала ты чужой,
ушла... а мне и горя мало:
возьму и припишу другой
все то, чем ты меня пленяла.

И не твои теперь, а – той
глаза мне будут ночью сниться,
и брови черные дугой,
и бархатистые ресницы.

У ней – себе вообразу –
есть губы вкуса спелых вишен.
И не тебе, а ей скажу:
«Ты – дар, дарованный мне свыше».
И только ей принадлежат
(чем восторгаться не устану):
волос роскошных водопад
и всем на зависть стройность стана.

Кертис Билл ПЕППЕР

Наверное, нет на свете ни одного образованного человека, который не знал бы имени Леонардо да Винчи. Он был великим художником, человеком, внесшим большой вклад в разные области науки. О жизни и деятельности Леонардо много написано, пишется и будет написано. Отдельного внимания достоин тот факт, имеющий много документальных подтверждений, что матерью его была черкешенка. Ученый и писатель Кертис Билл Пеппер в своем романе о Леонардо, над которым он работал пятнадцать лет, рассказывает историю матери художника.

По-английски название этого романа звучит так: «Leonardo a biographical novel». Эту книгу мне привезли друзья из Америки. Отрывки о детстве Леонардо и о его матери были переведены на русский и кабардинский языки. С английского на русский его перевела кандидат филологических наук Залина Дадова, а с русского на кабардинский – поэт Петр Хатуев. Мы надеемся, что данная работа в будущем поможет нашим молодым исследователям раскрыть подробности исторических связей между адыгами и средневековой Италией.

Леонид Шогенов

Детство Леонардо

Главы из книги

Древние города северной Италии разбросаны вдоль склонов Апеннин, как осколки старых мечтаний. Располагаясь на отрогах, балансируя на краю пропасти или устремляясь к вершине, – они подобны мчащимся волнам исчезающего потока. Каменные стены этих городов словно вырастают из горных массивов, служащих им основанием. Веками их размывали грозы, а пожары пожирали храмы и башни. Тем не менее, они остаются привязанными к склонам, как будто обладают секретом вечной жизни.

Это кажущееся бессмертие включает в себя возможность замаскироваться замечательным образом. В зимнее время они поднимаются над серым туманом в долине, как побитые и разрушенные суда в морском тумане. Ночью их огни принимают форму стоящей лагерем армии накануне битвы. С приходом рассвета ночь отступает через узкие, извилистые переулки, церковный колокол звонит к ранней обедне, напутанные голуби взлетают вверх, и города начинают пробуждаться под первыми лучами солнца.

Стены, или то, что от них осталось, по-видимому, ждут, что кто-то поднимется на холм и обнаружит их потаённые секреты. И действительно, пройдя сквозь арочные ворота, вдруг попадаешь в прошлое, и обитатели этих мест останавливаются, чтобы поприветствовать кивком или взглядом, как будто они ждут вас со времен эпохи Возрождения.

В Борго, старом квартале Винчи, маленького городка, где царит мир детства Леонардо, воздух неподвижен. Потемневшие дома на старой площади; в просветы забранных ставнями окон женщины все так же всматриваются в залатанные улицы, по которым он когда-то ходил. Их громкая речь наполняет внутренний дворик, когда они заняты стиркой, – характерная тосканская речь, пересыпанная пословицами, которая звучала и в его доме. В церкви Санта-Круче, где он был крещён, лица прихожан похожи на те, что запечатлены им в «Поклонении волхвов». В трактире, играя в карты или нарды, мужчины выкрикивают те же ругательства, пьют то же вино «Вернацци», а в вечерней прохладе под свисающими виноградными лозами катают шары-бочке в игре, изобретенной этрусками задолго до возникновения Римской империи.

Вознесенные горами, чередуются густые леса и водопады, затенённые склоны и скрытые пещеры. Ниже лес плавно переходит в открытое поле, усыпанное кроваво-красными маками, под бесконечным синим тосканским небом. Здесь солнце погружается в почву с благодатным теплом, принося с собой сумерки – волшебный час, отмечаемый радостными окликающими ласточек, кормящих своих птенцов, и первыми вечерними песнями соловьёв.

Сам город протянулся по склону одной из длинных горных гряд. Во времена Леонардо в нём было около тридцати домов под красными крышами, небольшая крепость, церковь с колокольной, оливковая мельница, кузница, продуктовые лавки... И, наконец, кирпичный завод, – у дороги,

Вид на Винчи

ведущей вниз, к плоской долине, где бежит к морскому побережью река Арно и где когда-то был этрусский город большого значения. Он располагался рядом с озером, питающимся от реки, открывая путь морской торговле. Этруски были специалистами в области строительства городов, осушения болот и организации похорон.

Большие белые волы, вспахивая землю, то и дело обнажали ракушки и окаменелые останки морской жизни. В детстве Леонардо запечатлел их в своих первых набросках. Много позже он использовал эти рисунки, чтобы опровергнуть библейскую историю о потопе, как и другие унаследованные знания своего времени.

В последующие годы некоторые люди в Винчи были склонны считать, что Леонардо произошёл от одного из мифических эльфов – озорных маленьких существ, которые занимались любовью с молодыми девушками. Эльфы, с присущим им игривым духом, свободным от моральной сдержанности, обладали способностью увеличивать или уменьшать своё тело по желанию, проскальзывать в дверные щели и исчезать с невидимостью ветра.

Чтобы заполучить желанную девушку, они увлекали ее воспоминаниями о чувственных ранних удовольствиях. Так, погруженные в высокое состояние чувственных волнений, несчастные жертвы застигались врасплох ночью во время сна, в лесу во время сбора грибов или в весьма уязвимом положении – на коленях за стиркой одежды. Эти события происходили неизменно, когда мужья были далеко, рубили древесину или пасли стада овец.

Приходский священник Винчи дон Пьетро относил это распространенное мнение к тринадцатому веку. Филиппина, сообразительная крестьянка, оказалась беременной, когда её муж был в отъезде, в горах со стадом овец, – судьба, разделяемая тогда другими уважаемыми дамами, приносящими детей после семи или восьми месяцев беременности. Итак, с мудростью, благодаря которой все его любили, дон Пьетро принял веру своей паствы в *невидимых эльфов*, которые завлекали женщин в массовом порядке.

Большинство обывателей, однако, знало, что это полная ерунда. Отец Леонардо – не кто иной, как местный нотариус Пьеро де Антонио да Винчи, нашёл будущую мать Леонардо в доме своего клиента – богатого флорентийского банкира Ванни де Никколо ди сер Ванни.

Он впервые увидел её собирающей розы в саду во дворе Ванни на улице Гибеллина. С веранды он наблюдал, как она нагибалась у клумбы, смуглая, стройная девушка в коротком синем *gamurra*.

– Это Катерина, наша служанка, – заметив взгляд своего гостя, сказал Ванни. – Мы купили ее за семьдесят флоринов девять лет назад, в нашем флорентийском порту на Чёрном море, прямо с корабля из Каффы. Большинство продаваемых были безобразны или заражены от крыс и трупов в трюмах судна, но она была идеальна.

Пьеро снова посмотрел на девушку в саду. Он был высоким, худощавым, с копной тёмных волос, к этому – высокий лоб, густые брови, нависающие над серыми глазами. Его нос, начинаясь по прямой благородной линии, переходил в небольшую горбинку. Рот был широким, с полными губами, поддерживаемыми сильным подбородком. Он двигался быстро, даже при написании важных документов спешил, как человек, точно знающий, чего хочет, и что обязательно получит это. Тем не менее, когда он увидел девушку, взгляд его дрогнул, и он казался гораздо менее уверенным в том, кто он есть и что собирался делать.

– В ней действительно удивительная красота, – сказал Ванни. – Венецианский торговец Джироламо Балладор поклялся, что она – девственная дочь черкесского князя, мать которого зовут Хагар... Вы верите этому?

– Почему нет?

– Хагар – это имя египетской прислуги Авраама и матери его сына Исмела, продолжал банкир. – Вот тогда всё это и началось. От Авраама произошли евреи; от Исмела – арабы. Нельзя верить всему, что говорят эти торговцы, хотя Катерина настаивает на том, что её отец был великим князем, который хотел сына.

Пьеро посмотрел ещё раз. Катерина сейчас была поближе, и он наслаждался нежными движениями её плеч над кустами роз.

– Сколько ей лет?

– Восемнадцать, – ответил Ванни. – Она утверждает, что все ещё девственница, хотя монна Агноло подозревает, что моя *пташка* уже вылетела из клетки.

Толстый банкир рассмеялся. У него была плохая печень, ноги распухли, и он едва передвигался. Но разговор его забавлял. Подмигнув своему верному другу и нотариусу, банкир сказал:

– Она заслуживает того, чтобы побыть с таким молодым, как вы, друг мой.

Пьеро колебался. Он хотел эту девушку, но это было слишком опасно. Ванни был другом, но его жена, монна Агноло, недолюбливала Пьеро. Как распорядитель имущества Ванни, он имел полный контроль над домом в Гибеллине. Монна Агноло, однако, получит Катерину и, вероятно, продаст её. Таким образом, после отправки Ванни в Великое море он и сможет иметь с ней дело.

Образ Катерины стоял перед его глазами всю ночь. Вступать в связь с рабыней тогда не считалось постыдным и преступным. После того как чума 1348 года унесла половину Флоренции, работорговля была легализована, и рабов привозили отовсюду – главным образом татар, но также русских, черкесов, греков, марокканцев, эфиопов. Вы могли увидеть их непосредственно в мастерских – смуглых или с желтоватым оттенком кожи мальчиков и девочек лет одиннадцати или двенадцати. Более высокие, светловолосые, служили горничными или придворными флорентийских дам и зачастую были наложницами их мужей. Некоторых

из них освобождали. Сын Козимо де Медичи, рожденный черкесской рабыней, стал каноником церкви во Фьезоле.

Когда Пьеро уже погружался в сон, ему вспомнилась популярная в городке песня:

*Очаровательные маленькие девочки-рабыни,
Вытряхивающие одежду по утрам,
Свежи и радостны, как бутоны боярышника.*

На следующее утро, по пути к дому Ванни, Пьеро снова встретил Катерину, которая возвращалась с рынка. Он настоял на том, чтобы помочь ей донести продукты. При этом впервые коснулся ее руки, а она улыбнулась, как распускающийся бутон. Её кожа была тёмного оттенка, как у сицилийцев с присущей им арабской кровью, но глаза у неё были серо-зелёные. Потому, возможно, что она была черкешенкой. У одной из них в Лукке были такие же глаза.

В доме Катерина принесла ему стакан сладкого вина. Она была совсем близко, и он мог почувствовать запах её тела. Рука девушки замерла при передаче стакана. Катерина, которая хотела избавиться от ежедневных унижений Монны Анголо, знала, чего хочет от нее этот человек. Он коснулся её бедер, и на лице ее появилась тень улыбки, схожая с той, которую Леонардо изобразил у Богородицы в момент, когда ангел говорит, что ей суждено выносить Сына Божьего.

В конце ноября, через три месяца после смерти Ванни де Никколо, Пьеро привёл Катерину в дом к своим родителям. Как и следовало ожидать, его мать, Люсия, первая заметила, что Катерина беременна. Когда она сказала об этом мужу, Антонио, он отвёл сына в сторону.

– Ты совершил ужасную ошибку, – сказал он.

– Я знаю, – вздохнул Пьеро.

Она сама сказала ему об этом, однажды ночью, после того как они занимались любовью. «Ты счастлив?» – спросила она. «Да, – сказал он, – ты прекрасна, и в тебе есть всё, чего может хотеть мужчина». Потом она сказала о ребенке и ждала какого-то ответа, но он лежал неподвижно и ничего не говорил. Тогда она взяла его руку и положила на свой живот. «Там, – сказала она, – твой сын». Пьеро отдернул руку, и она поняла, что он никогда не женится на ней. «Что мы будем делать?» – спросила она. «Я не знаю», – ответил он.

Он знал только, что это была катастрофа. Он не мог жениться на рабыне и не хотел этого ребёнка ни при каких обстоятельствах. Тем не менее, он не мог ничего с этим поделать. По 1363-му флорентийскому уставу, любой, обрюхативший рабыню, должен был заплатить её владельцам три четверти её стоимости, обеспечивать до родов и воспитывать ребёнка в условиях, равных условиям проживания его отца.

Так обстояли дела, и теперь Антонио был в ярости.

– Ты здорово вляпался с этим, – сказал он. – Не думай, что ты можешь скрыть это здесь, в Винчи. Монна Агноло и её нотариус будут ждать, что ты нарушишь закон.

– Я знаю.

– Знает он! – отрезал отец сердито. – Если бы знал, не стал бы плевать в свой же колодец.

Сын кивнул в знак согласия. Его целью в жизни было стать нотариусом Синьории, руководящей ассамблеи Флоренции. Это было положение, которое приносило богатство и власть, и это было в его силах. Члены семьи Винчи становились нотариусами и работниками правоохранительных органов Флорентийской республики со времён предков по отцовской линии. Нотариус сер Микеле принял фамилию Винчи. Дед Пьеро, Пьеро де Гвидо сер, сделал это. Антонио не удалось, но он надеялся, что его сын может туда попасть, если постарается и использует своих сотрудников, чтобы привлечь к себе максимальный интерес.

– Я думаю о наших врагах, – продолжил Антонио. – Они могут сделать это предметом насмешек: «Пьеро да Винчи слишком занят умножением рабынь, чтобы когда-нибудь стать нотариусом Синьории».

– Они, конечно, сделают всё, – вздохнул Пьеро.

– Раз так, ребёнок должен появиться. Мы воспитаем его в семье, а затем найдём кого-нибудь, кто избавит нас от матери.

– Это будет нетрудно. Она выглядит так хорошо, что вряд ли какая другая женщина в этой округе сравнится с ней.

Антонио улыбнулся, думая о внуке. Ему было восемьдесят, жена Люсия – на двадцать один год моложе.

– Если это будет мальчик, мы должны оставить его.

– Почему бы и нет?

Тут Пьеро стал на время пророком:

– Черкесы – храбрые воины, а у арабов хорошая кровь. Они изобрели алгебру, астрономию и дали нам Птолемея и Аристотеля. Мы можем даже гордиться им. Незаконнорожденные дети зачастую оказываются лучшими в семье.

Когда Пьеро сказал Катерине, что он признает ребёнка при крещении и воспитает его в доме Винчи, она заплакала от радости. Пьеро был тронут её слезами, он стал осыпать её поцелуями, пробуждая её растущее желание. Пьеро думал о своей будущей жене: она придёт с приданым, переведенным во флорины, с семейными связями и властью, но она никогда не будет похожа на эту женщину. Как гласит старая поговорка: «Если вы хотите золота, женитесь на уродливой или на старой».

В этот вечер Катерина приняла его, любимого человека, пробуждающего в ней светлые чувства, но на следующий раз она сказала, чтобы он уходил. Она подслушала, как Антонио и Люсия говорили, что регистрируют ребёнка без упоминания её имени в документе во избежание любых свидетельств о том, что мать мальчика является рабыней.

– Никогда не прикасайся ко мне, – сказала она Пьеро. – Мой отец был князем, который любил меня, но его жена продала меня вашим работорговцам. Теперь вы так же поступаете с моим ребёнком. Вы хуже, чем те жестокие люди, которые бросили нас в трюм, рядом с кучей грязи и мертвецами.

Пьеро слышал это и раньше, чаще всего в ночное время – про детский кошмар среди разлагающихся трупов в чёрном корпусе корабля с рабами. Но теперь это высказывалось ему с гордостью и ожесточённой ненавистью разъяренной черкешенки-арабки. Он представил, что это всё сказывается на его ещё не родившемся ребёнке, и содрогнулся от страха. После этого Пьеро больше никогда не прикасался к Катерине.

Дом в Анчиано

Появление Леонардо на этот свет произошло в Анчиано, небольшом поселении в двух милях вверх от подножия первого склона горы Альбано. Это произошло в фермерском доме среди оливковой рощи и тутовых деревьев в шелкопрядильной колонии Франческо.

Земля с захватывающим видом на долину принадлежала другому нотариусу, серу Дораме де Марко, который делил урожай шелковицы с Франческо, братом Пьеро, и позволял семье Винчи жить в его доме в течение июля и августа, когда летняя жара невыносимо нагревала дома Винчи. Антонио намеревался купить для Пьеро что-то вроде летнего домика, который подошёл бы идеально и невестке.

Альбьера де Джованни Амадори, шестнадцати лет, дочь богатого флорентийского сапожника, пришла со значительным приданым. После свадьбы в июне 1452 года она оставалась в Винчи или в своём отчем доме на виа Нуова, недалеко от Санта-Круче, пока Пьеро не обеспечил их местом жительства во Флоренции.

Несмотря на свою беременность, Катерина регулярно ходила в Анчиано помогать кормить шелкопрядов. Ей очень нравилось бывать там, вдали от Пьеро, который, слава Богу, часто бывал во Флоренции по делам или занимался организацией женитьбы. Хотя она и вынашивала ребенка, она продолжала подниматься на гору на старом Дуро, медленно двигающемся муле.

Однажды, в середине апреля 1452 года, она поехала через ковёр полевых цветов, вдыхая аромат цветущих вокруг яблонь и вишен. Люсия сопровождала её, чтобы набрать дикой зелени, которая очищает кишечник и насыщает кровь железом – жизненно важным веществом для будущих мам. Катерина тоже спешила и стала помогать Люсии.

Собирая траву, она вдруг почувствовала усталость, и Люсия отвела её в дом Анчиано передохнуть. Открывая дверь в спальню, они столкнулись с белоснежной гигантской совой, которая оказалась запертой в комнате.

Увидев двух женщин в дверях, огромная птица попыталась выбраться оттуда. Не находя достаточного пространства для взлёта, крылатое существо когтями и крыльями вцепилось в Катерину в дверях – с совиным пронизывающим, похожим на детский, криком. Катерина, также вскрикнув, как и птица, упала на колени. Вода хлынула из неё, Люсия поняла, что ребёнок собирается появиться на свет на этой изолированной ферме на склоне Монт-Альбано.

Она помогла Катерине забраться на кровать, а затем побежала во двор – позвать молодого человека, который чинил крышу оливковой мельницы. Она дала ему свою серую кобылу, чтобы он мог поспешить за помощью.

Вернувшись в спальню, она обнаружила, что у Катерины уже начались схватки. Чуть позже Ольга, акушерка, поднялась на эту гору на своей ослице Насите, которую она использовала для таких экстренных вызовов. За ней следовала монна Пиппа – Strega, или «ведьма», по мнению многих жителей. Пиппа пришла пешком, хотя многие говорили, что она могла также летать по воздуху на метле или верхом на белой козе.

Солнце опустилось – глубокое красное свечение, утопающее в темных облаках, перемежалось с раскатами грома вдалеке. Внезапный порыв ветра захлопнул ставни, и Катерина вскрикнула от страха, перепугавшись, что птица снова вернулась.

После этого появилась какая-то тяжесть в воздухе, которая обычно предшествует грозе. Опять задул ветер, сначала медленно. Схватки у Катерины тоже начались снова. Они становились интенсивнее, так же, как и гроза обрушивалась на гору, а проливной дождь начинал стучать по болтающимся ставням и дверям дома. Неистовые крики матери участились, как и команды Ольги тужиться сильнее и дышать глубже.

Под крики Катерины руки Ольги помогли появиться маленькой головке. Затем выскользнуло тело – большой мальчик, который, казалось, спал, пока пожилая акушерка Винчи не перевернула его с ног на голову за лодыжки и довольно сильно похлопала его по попке. Глазки открылись, лёгкие сделали глубокий вдох, и Леонардо да Винчи пришёл в мир с криком протеста.

На следующий день – в воскресенье 16 апреля 1452 года, – бабушка с дедушкой отвели мать с её младенцем в приходскую церковь Санта-Круче, чтобы окрестить ребёнка. Десять друзей стали свидетелями – пять мужчин и пять женщин, так как Пьеро был в Пизе по делам, Антонио засвидетельствовал событие в документе, написанном точным, аккуратным почерком нотариуса, но опущена была фамилия матери:

Родился мой внук, от моего сына Пьеро, в апреле – 15 числа, в субботу, в третьем часу ночи. Он носит имя Леонардо. Это был священник

Пьеро де Бартоломео из Винчи, который крестил его в присутствии Папино де Нанни Банд, Мео де Тонино, Пьеро де Мальволто, немца Нанни де Венцо Арриго де Джованни, монны Лизы де Доменико де Бреттоне, монны Антонии де Джулиано, монны Николозы дель Бама, монны Марии, дочери Нанни де Венцо, монны Пиппы де Превиконе.

В течение нескольких месяцев нашлось и «решение вопроса» для Катерины. Один из работников кирпичного завода влюбился в неё. Это был тот самый человек, который помчался вниз со склона за помощью во время родов – Антонио де Пьеро Бути, красивый темноволосый молодой человек и эксперт по обжиганию извести. Его знали по прозвищу «Задира» – *Аккатабригга* – прозвище, даваемое наёмным солдатам, обладающим мужеством в бою.

Катерина и Антонио поженились в первое воскресенье октября. Они уехали жить в Кампо Зеппи, где всё время жила его семья. Небольшое фермерское поселение в двух милях к западу от Вины имело свой собственный приход – Сан Панталеоне. В результате Катерина не видела членов семьи Винчи ни по воскресеньям, ни в праздничные дни, хотя иногда она и сталкивалась с Люсией на субботней ярмарке в Винчи.

В один из базарных дней, когда Леонардо было два года, Люсия приостановилась полюбоваться им. Он стоял рядом с матерью, а Катерина держала девочку Пьеру, своего другого ребёнка от Антонио.

– Благослови нас, Господь, как же он подрос, – сказала она.

– Ещё нет, – ответила Катерина, взяв мальчика за руку. – Он ещё на грудном вскармливании.

В апреле следующего года, незадолго до третьего дня рождения Леонардо, Люсия появилась в дверях Катерины с подарком ко дню рождения мальчика – маленьким синим льняным костюмом с белой вышивкой в виде буквы *L* на нагрудном кармане. На кухне, как только Катерина приготовила ромашковый чай с медовыми пирожными, Люсия живо перешла к делу. Молодая невеста Пьеро, Альбьера, была ещё без ребёнка.

– Три года почти. – Она вздохнула. – И ничего не происходит. Поэтому мы считаем, что настал момент, чтобы забрать Леонардо в его новый дом.

В тот вечер Антонио сказал своей жене, что они должны отдать мальчика. Им будет тяжело, но они согласились на это. Ведь ребёнка записали на имя отца, хотя фамилию Винчи он не получил. Кроме того, именно Пьеро устроил Антонио работать на местный кирпичный завод.

За несколько дней до того, как Леонардо был доставлен в дом своего отца, Катерина взяла его с собой, чтобы нарвать дикой травы для кроликов. У неё на голове была большая плетёная корзина, а маленький мальчик следовал за ней в отдалённое поле. Когда корзина наполовину наполнилась, она поставила её в тени дерева, а Леонардо залез в неё и уснул.

Этот трёхлетний мальчик никогда потом не забывал, что затем произошло. Его разбудил шум крыльев. Большая чёрная птица летела вниз с

голубого неба, пока всё не потемнело, как ночью. Он почувствовал порыв ветра и услышал скрежет когтей. Когда тёмные крылья сложились, он увидел, что огромная птица сидит на краю корзины. Перья переливались синим и зелёным цветами, переходящими в чёрный, и когда они шевелились, он видел спрятанную в них «радугу».

Птица, чёрный коршун, начала «прихорашиваться». Её раздвоенный хвост поднимался и опускался, задевая лицо ребёнка, касаясь губ и проникая в рот. Годы спустя он вспоминал, как темно-крылатое существо пришло с неба как предзнаменование его судьбы: «Она открыла мой рот и била меня хвостом много раз между губ». Это было как если бы ему самому тоже суждено подняться в небо на крыльях.

В Винчи, куда Катерина отвезла ребенка, она обнаружила, что все ждут её в гостиной. Люсия, Антонио и Франческо стояли перед буфетом с его старыми синими тарелками. Пьеро и его молодая жена были рядом с неприглядной картиной, виноградные листья на которой напоминали мертвых летучих мышей. Жена улыбнулась и кивнула. У неё была прекрасная улыбка, и она была довольно симпатична – маленькая женщина с глазами, как миндаль, тонким носом, тонкими губами, тёмно-каштановыми волосами, спадающими на плечо.

Катерина усадила сына на стол и протянула его маленькую ручку к руке Пьеро. «Это Пьеро, твой отец», – сказала она, чувствуя отвращение от прикосновения к нему.

Он был чужим сейчас, и постарше, чем тот, который был в памяти, которого она любила. Появились морщины вокруг рта, его согнутый нос казался больше, а серые глаза – холодными и замкнутыми. Леонардо был её плоти больше, чем его. У него был прямой нос отца и сине-зелёные глаза, как и у представителей её адыгского народа. Также волосы у него были золотые, как и у неё в детстве, и он сидел перед ними, как молодой принц.

«Нардо, – сказала она, называя его по прозвищу, – это Альбьера, твоя новая мама».

«Ты прекрасен, – пробормотала Альбьера, наклоняясь, чтобы поцеловать его. – У меня тоже есть прозвище – Альби. Разве так не проще?»

Оставшись уже наедине с Леонардо, Альби провела его в детскую спальню с шкафчиком для одежды, украшенным конными рыцарями, небольшим столиком и стулом, низким умывальником с расчёской из слоновой кости и гребешком, а также крошечным местом с ночным горшком. Были также игрушки из Флоренции: бронзовый слон на колёсах, гироскоп, калейдоскоп с цветными стёклышками, парашют для запуска в воздух с катушкой и стропами и книга басен Эзопа. Некоторое время он играл с этими игрушками. Затем погрузился, стал беспокойным.

– Мама, – сказал он. – Когда мама вернется?

– Мы же обещали, что она вернется, помнишь? Надо немного подождать. Иди сюда, у меня есть ещё сюрпризы!

В конюшне она показала ему лошадей и мулов, а также посадила его на Дуро, старого мула, на котором Катерина ездила в Анчиано с ним в утробе. Они помогли Франческо покормить кроликов, затем поиграли с Фибо, новым щенком. Вернувшись в дом, однако, он стал искать мать. Когда он не нашёл её ни в одной из комнат, то пошёл в сад и сел за стол, где видел её в последний раз.

В ту ночь мальчик плакал, пока не заснул. На следующее утро он отказался кушать равиоли с сахаром. Когда Люсия попыталась насильно накормить его, он начал сопротивляться, и миска с едой упала на пол, а щенок Фибо моментально съел ее содержимое.

После этого Леонардо продолжал отказываться есть пять дней. Ребёнок стал слишком слаб, чтобы подняться с постели. Альби наблюдала это с растущей тревогой. Очевидно, что они либо должны были забрать мальчика у Люсии, либо потерять его. Однако она была воспитана по строгим флорентийским обычаям: подчиняться своему мужу, никогда не узурпировать его власть, не перечить свекрови. Она отвела мужа в спальню наверх.

– Мы потеряем твоего сына, Пьеро. Давай посмотрим правде в глаза: он боится твоей матери.

– Она любит его.

– Она насильно пихает ему в рот еду и ещё кричит на него.

– Я знаю... Да, ты права. Что мы можем сделать?

– Скажи ей, что я хочу спеть ему колыбельную, и убеди мальчика, что мы будем одни в комнате.

Пьеро согласился и обещал, что все сделает.

В тот вечер Альби уложила Леонардо в постель, поставила стакан тёплого молока на прикроватную тумбу и подставила стул, чтобы дверь не могли открыть. Как только она села на кровать, мальчик отвернулся, умоляя, чтобы его оставили в покое.

– Я люблю тебя, малыш, – прошептала она, притягивая его к себе.

Леонардо повернулся и жадно начал искать губами грудь, хотел молока. Она расстегнула рубашку и дала ему грудь со словами:

– Пей, малыш. – Потом прошептала: – Боже мой.

Когда мальчик не смог получить ничего от неё, то начал хныкать, а она незаметно влила ему в рот ложечку молока, потом другую, пока он не выпил всё и не заснул. Она и сама заснула, только дважды её разбудили Пьеро и Люсия у двери. Каждый раз она говорила им, что всё хорошо и чтобы они не беспокоили их.

На следующий день Альби опять кормила Леонардо в своей комнате. Два дня спустя она взяла его на кухню, где он поел досыта, сидя на коленях. Вскоре он начал есть сам, хотя и редко делал это без Альби.

К тому времени, когда Леонардо исполнилось шесть лет и он был готов пойти в школу, все в Винчи знали, что сын Пьеро, флорентийского нотариуса, был внебрачным. В свою налоговую декларацию 1457 года Антонио вписал пятилетнего мальчика так: «Леонардо, сын упомянутого Пьеро, родился вне брака у него и Катерины, которая сейчас является женой Аккатабригги».

Все также знали, что мать Леонардо была рабыней, которую сер Пьеро привёз в Винчи – рабыней «хороших кровей», отец которой был вождём племени где-то в России, с сотнями лошадей, и чья мать была из Святой Земли. У неё были странные глаза, и она была настолько красива, что Аккатабригга официально взял её в жены. Все знали это, кроме Леонардо.

Однажды вечером, после обеда, сидя в саду с Пьеро и выпивая стакан сладкого Вернацци, Альби предположила, что они могли бы рассказать мальчику, что его мать была рабыней и что он родился вне брака.

– Нам следует рассказать ему, – сказала она, – прежде чем он узнает об этом где-либо ещё.

Пьеро выпил вино и ничего не ответил.

– Пьеро, пожалуйста, поверь мне. Если этот мальчик обнаружит, что мы не были честны с ним, он потеряет доверие к нам... особенно к тебе, своему отцу.

– Ладно, я собираюсь завтра во Флоренцию. Ты можешь сказать ему, что Катерина уехала, чтобы выйти замуж за другого человека в Кампо Зеппи, но я не хочу, чтобы он ездил туда. Он делает то, что я хочу, потому что я нужен ему в будущем.

– В будущем? Так как он незаконнорожденный, твой нотариус гильдии не примет его. Не может он также стать аптекарем или врачом или же получить иные основные профессии. Он даже не будет принят в университет. Так какое будущее ты имеешь в виду?

– Он может заниматься чем-то другим, – ответил Пьеро, наполняя свой бокал. – У внебрачных детей много мужества и энергии. Они становятся великими воинами, князьями, кардиналами... Ты знаешь это?

– Законнорожденные дети будут искать себе в жёны девушку более низкого статуса. А что же будет с этим мальчиком нотариуса, который должен опуститься на более низкий статус, потому что вы не сделали его законным? У него даже нет другого имени, кроме Леонардо.

– Он – Леонардо да Винчи.

– Это фамильное имя, но оно не имеет законной силы, если не узаконить имя как Леонардо де Пьеро да Винчи. Таким образом, он просто Леонардо из Винчи.

– Не будь глупа! – воскликнул он, хлопнув рукой по столу. – Во имя бога скажи, что ты хочешь, женщина? Если я узаконю этого черкесского мальчика-раба, то у него будет право первого наследования, нежели у

наших детей. И что произойдёт тогда? Они будут ненавидеть его, и ты тоже. Ты этого хочешь?

– Нет, я не глупа, а твой сын не раб.

– Ты хочешь сказать, он будет нашим единственным сыном, так, что ли?

Она отвернулась, пытаясь взять себя в руки. Каждый месяц она ездила во Флоренцию для лечения от бесплодия в вонючей дальней комнате аптеки Луки Ландуччи. Она испробовала все древние средства, но ничего не происходило. Когда период лечения закончился, Лусия смотрела на неё каждое утро в надежде заметить внутреннюю улыбку или счастливый смех: «Да, это случилось. Господь благословил и меня как женщину».

Пьеро увидел её печаль и взял её за руку.

– Мне тоже очень жаль, Альби. Но мы же можем делать это просто для удовольствия? – сказал Пьеро, вспомнив, что они давно не были вместе.

В ту ночь они любили друг друга со страстью, сравнимой с моментом их первой встречи. После этого он лёг рядом с ней.

– Я люблю тебя, Альби. Ничто другое не имеет значения.

Она почувствовала его рядом и захотела его снова. Может быть, это, наконец, произойдёт, если любить так... ребенок её собственной плоти и крови. Это осчастливило бы каждого, и Пьеро ходил бы с важным видом и хвастался своим сыном... своим настоящим сыном.

«О Боже, – подумала она. – Вдруг Леонардо спросит: «Маммина, а что же со мной не так? Если я не его настоящий сын, чей же я?» Не потому ли я с такой страстью предалась мужу, чтобы появился ребёнок, который потом отдалит меня от Леонардо?»

Затем полились слёзы. Он не мог терпеть их, и она не издала ни звука.

Флоренция. 1458 год, август-сентябрь

Пьеро вырос в Датбрейке, уехал во Флоренцию, где у него были деловые отношения с Медичи. Однажды в конюшне встретил своего брата Франческо, или Чекко, который хотел выторговать некоторые из их лучших сельхозугодий, дабы увеличить площадь земель, отводимых под тутовые деревья.

– Баббо слишком стар, чтобы понять меня, – сказал он, имея в виду Антонио, их отца. – Шёлк стоит намного больше, чем пшеница или шерсть. Наша земля в долине требует слишком много времени и работы. С дополнительными полями в Анчиано мы можем удвоить количество наших тутовых деревьев и утроить нашу прибыль.

– Что говорит баббо? – спросил Пьеро.

– Его отец и дед не станут говорить с ним, когда он попадёт на небеса.

– Скажи ему, что всё прощается на небесах. Люди не враждуют там; они просто любят друг друга.

Чекко было не до смеха.

– Вы сказали, издеваясь надо мной, что если бы я управлял этим местом, у меня не было бы ни одного мокрого зуба.

– Ладно, – ответил Пьеро, усаживаясь на своего коня. – Мы поговорим об этом, когда я вернусь.

Он направил своего седого мерина вниз по наклонной мощёной улице через ворота городских стен. Грунтовая дорога спускалась мягко к равнине внизу, где он пустился рысью. Сначала он поехал через виноградники с тёмными гроздьями созревающего винограда. Затем он достиг полей, коричневых после собранного урожая зерна. Это была земля его отца, и старый Зено, который уже собрал урожай для них, пахал около дороги.

Пьеро замедлил коня, чтобы понаблюдать за двумя волами, тянущими соху с её железными ножами, превращающими в бегущую волну чёрную плодородную землю и желтую стернь. Он смотрел, как земля поднимается, превращаясь то в золотой гребень, то в тёмную, влажную подпочву.

Вот они, понял он, – круг смерти и возрождения, *вечные двигатели*. Чекко был дураком. Шёлк мог принести большую прибыль, но эта земля гарантировала безопасность. Хранимое зерно защищало тебя от голода и чумы, а одно следовало за другим. Винчи всегда были готовы к такой опасности, и это передавалось от отца к сыну, так же, как он будет делать это для своих сыновей – своего законного сына. Леонардо рос послушным и очень умным, но он был рождён вне брака, и отец никогда не мог доверять незаконнорожденному. У Альби всё перемешалось с этим единственным мальчиком. Но это пройдет, как только она родит своего собственного...

Он перешёл на лёгкий галоп и вскоре выехал на дорогу Флоренция – Пиза, вдоль Арно. Здесь было приятно, прохладный ветерок дул со стороны реки. А он ехал верхом в сторону восходящего солнца. Он должен был охватить как можно больше земель, прежде чем наступит жара.

По дороге он встречал множество повозок, направляющихся из Флоренции. Когда он остановился на Локанда Фальконе, чтобы дать отдохнуть коню, начала приближаться очередная карета из города. Она была глянцево-чёрной, отделанная золотом и запряженная великолепными белыми лошадьми с коричневой гривой – цвета Медичи.

Он ждал, желая узнать, кто бы мог это быть. Дверь кареты открылась, и появилась высокая стройная фигура в терракотовом плаще с красной окантовкой – сер Бернардо Гинори, нотариус Синьории республики Флоренция.

Пьеро с завистью заметил, как ловко старый Бернардо сходит с кареты, спускаясь торопливо вниз, как краб. Боже, когда этот старый пердун собирается умереть? Однажды он сказал себе, что будет ездить в таком экипаже, и все с завистью будут на него смотреть. Его дед был

нотариусом Синьории, и он тоже попал туда. Старый Бернардо не может жить вечно – ему почти семьдесят лет, худощав, как флагшток, нос, как у ястреба, а ещё спускается со ступенек легко, кланяясь.

– Добрый день, Пьеро! Как у вас дела?

– Довольно хорошо ... спасибо, доброго дня.

Пьеро был удивлен. Гинори и Винчи были нотариусами несколько поколений – где-то врагами, а где-то друзьями. Старый Бернардо никогда не был с нами близок, и это приветствие могло означать только то, что ему что-то было надо.

– В пути? – спросил Бернардо.

– В Пизу ... и через пару дней в Винчи.

– Вы слышали о вызове в парламент?

Это и объяснило все эти действия на дороге и почему старый ястреб решил поговорить. Членов крупных гильдий и тех, кто имел наследственное право голоса, призывали принять участие в народном восстании против низкого уровня жизни и высоких налогов, введенных Медичи. Собранные для вызова в парламент на площади Синьории около 3000 имеющих право голоса – от города 65 000, после последней чумы, – кричали бы в знак одобрения или неодобрения чрезвычайных полномочий по отношению к специальному комитету по выходу из кризиса.

Для олигархии купцов и банкиров, правящих якобы свободной республикой Флоренцией, вызов в парламент был своего рода развлечением – просто, быстро и эффективно. Тем не менее, это было и потенциально опасно, требуя одобрения толпы. Без союзников на площади Медичи рисковал потерять контроль над Синьорией – мощным триумvirатом восьми видных представителей народа, отработавшим двухмесячный срок от четырёх кварталов города, плюс двенадцать «достойных людей», чтобы выступить в качестве консультантов, и регулирующие главные судьи, хоругвеносцы за справедливость.

– Вы переживаете?

– Переживаю? Кто переживает? – произнёс со злостью Бернардо, с торчащими седыми волосами из ноздрей красного носа, а также зажатый в жестокой гримасе ртом. Бегающие глаза, однако, выдали его страх. Если Медичи будут свергнуты, он падёт с ними.

– Вы никогда не знаете... – ответил Пьеро, наслаждаясь смятением своего соперника. – Флорентийский народ может быть жесток. Они разорвали нотариуса герцога Афин, вы помните. Они съели его вместе с яичками.

– Они сломают зубы на шахте! – воскликнул Бернардо.

Чтобы перестраховаться, однако, он коснулся своих ячеек указательным пальцем и мизинцем, цитируя Теренса, сказавшего, как изгнать любое зло: «Трогайте, царапайте яички, покамест кровь не появилась... и зло уйдёт». И, чувствуя себя после этого в большей безопасности, нотариус Флоренции громко пустил воздух и вздохнул с облегчением.

– Всё под контролем. Каждый из наших людей приведёт десять других на площадь. Мы будем кричать еще громче: «Нет!» Я знаю, мы можем рассчитывать, на вас, сер Пьеро.

Пьеро колебался. Он мог пообещать кричать за Медичи в толпе. Но чтобы обеспечить десять человек и привести их на площадь в качестве поддержки партии Медичи... Если они потеряют эту возможность, он никогда не станет нотариусом Синьории.

– Мне очень жаль. Но я не могу в этом участвовать. Я должен вернуться сразу в Пизу.

Бернардо нахмурился.

– Я сказал им, что мы можем рассчитывать на тебя, и они сказали: «Да, мы знаем его. Сер Пьеро да Винчи является одним из нас».

Это означало, что его имя было в списке, вероятно, на столе Козимо Медичи. Так или иначе, он должен был избежать этого.

– Я сделаю все возможное.

– Bravo! Я скажу им, что мы можем рассчитывать на вас. Также другое дело... – Бернардо понизил голос. – Сервитам нужен новый нотариус, и я подумал, что ты идеально подошёл бы для них.

Это было важно. Те монахи были богаты. Это был ещё один шаг вверх по лестнице.

– Спасибо, Бернардо.

Он сел на коня и поехал медленнее к Флоренции. Козимо руководил республикой в течение двадцати четырех лет. Как старый лис, он знал, что его сограждане никогда не потерпят тирана, принца или гран-синьора. Вместо этого он руководил разбитой республикой через контроль Синьории и её возможность уничтожать его врагов. Так теперь у него есть Бернардо, окружённый союзниками, которые спасаются бегством от августовской жары во Флоренции на своих виллах за городом.

Когда он прибыл в свою контору, рядом с Барджелло он Виа дель Паладжио дель Подеста, Пьеро нашёл письмо от Фра Бенедетто, настоятеля монастыря Сан-Марко. Это была, вероятно, новость об очередном завещании в пользу влиятельных доминиканцев. Он нотариально оформлял несколько прав собственности на них.

Это было то, что ставилось в счет – непреходящая основа власти. Независимо от того, что происходило на площади, эти монахи, эти церкви, аббатства и монастыри – все они оставались. Они процветали на вере и страхе потерять её. Они обогащались за счёт рождения и снова смерти. Да, синьоры, чем больше теряет человек, тем больше получает Бог. Так было снова:

«Самый Почитаемый и Уважаемый Друг!

Я должен встретиться с Вами как можно скорее по вопросу о земле Кафаджиоло и другим вопросам, представляющим интерес для нашего Благодетеля... Да благословит Господь Вас и Ваших близких.

Фра Бенедетто».

Здесь было то, что ему нужно, чтобы избежать Флоренции, «наш благодетель» был гражданином Флоренции номер один, Козимо Медичи, который перестроил монастырь Сан-Марко и совершал молитвы в одной из его обителей с фресками от Фра Анджелико. «Земельный вопрос» был проектом по расширению усадьбы Медичи в Кафаджиоло, вне Флоренции. Для этого, однако, он должен был бы выкупить у разных наследников участки, разбросанные между Луккой и Пизой. Он быстро уехал в доминиканский монастырь на площади Сан-Марко.

Проезжая Палаццо дель Подеста, он увидел группу людей, собравшихся перед извещением, расклеенным коммуной – одним из многих, которые зачитывались конными глашатаями во время движения шестнадцати знамён гражданских подразделений четырех кварталов Флоренции. Приблизившись, Пьеро прочитал:

Для всех граждан Республики Флоренция:

– в интересах нашей Великой Республики;

– для благополучия и мира её граждан;

– для предотвращения дальнейшего ослабления нашего государства врагами в наших же стенах;

– с Божьей помощью и твердой решимостью положить конец нарастающему опасному разногласию, угрожающему безопасности и выживанию всех граждан.

Сим мы провозглашаем вызов в Парламент на площади Синьории в Божий день в пятницу, 2 августа.

Пьеро усмехнулся. Это был прекрасный пример правления Медичи. Лука Питти, лидер реформаторских сил для свержения Медичи, мечтал о строительстве самой крупной площади во Флоренции на холме через Арно. Его обширные сады и величие пристыдили бы надменного Медичи. Старый Козимо наблюдал в ожидании, когда Питти обанкротится и попадёт в тюрьму за долги, а затем подумал и сделал своего политического врага гонфалоньером Флоренции. Это спасло Питти с его совыми глазами, а также его дворец. От него также требовали поддержать этого Медичи в разгроме бывших товарищей. Фарс был заверен старым сером Бернардо, другой марионеткой Медичи.

Слава богу, он должен был уехать навестить Фра Бенедетто, не теряя при этом из виду богатых сервитов, или кричать, как марионетка, на площади. Он понимал, что во Флоренции нужно спать с одним открытым глазом.

На территории монастыря молодой послушник провёл Пьеро через центральный двор, Обитель Мёртвых, через аркаду изящных колонн и фонтанов, окруженных клумбами роз. Здесь было тихо и мирно. Слышен только шум бегущей воды в фонтане. Крики и гул на площади Сан-Марко едва доходили до ушей, как далёкий океан.

Поднимаясь по лестнице на первый этаж, он столкнулся с Благовещенской фреской Фра Анджелико. Дева была прекрасна, как Катерина,

когда он впервые увидел её опустившейся на колени, чтобы собрать розы. Священные слова ангела Гавриила были произнесены в этот момент: «Радуйтесь! Господь с вами!».

Послушник сопровождал его по коридору с кельями по обеим сторонам. Одна из них была открыта, и он увидел поддон на полу, стол, умывальник и на стене фреску Распятия с доминиканским монахом, преклонившимся у подножия креста. Козимо пришёл сюда помолиться, помедитировать и исповедоваться. Наконец, они прибыли в две смежные кельи настоятеля, первая из которых служила ему офисом.

Фра Бенедетто поднялся из-за стола, чтобы пожать руку Пьеро. Это был невысокий мужчина с мощными плечами, темно-кариими глазами и осторожным взглядом купца или банкира. Позади него на стене была ещё одна фреска святого Доминика, преклонившегося перед распятым Христом.

– Сер Пьеро! Какая честь!

– Честь моя, отец. Я только что получил вашу записку, и приобрету землю Кафаджиоло для нашего благодетеля.

– Отлично! Я скажу ему, что вы заботитесь о нём. – Он тверже пожал руку нотариуса и признался. – Он знает, кто вы, и говорит о вас хорошо.

– Спасибо, – ответил Пьеро, довольный, что всё под контролем. – Теперь о земле – несколько владельцев стары и больны. Если любой из них умрёт, судебный процесс может затянуться на много лет. Чтобы избежать этого, я должен немедленно покинуть Флоренцию.

– Увы, мы все рано или поздно умрем. – Дон Бенедетто вздохнул. – Будем надеяться, что это не коснётся ни одной из этих бедных душ в ближайшие две недели... Как я уже говорил, есть ещё один, более важный вопрос. Мой дорогой друг, вы должны призвать своих друзей подойти к парламенту. Десять человек от каждого сторонника. Но, зная вас, я сказал им, вы могли бы привести двадцать. Они сказали, что знают, что вы можете обеспечить, по крайней мере, двадцать человек, если не больше.

Пьеро не знал, что ответить, но когда Фра Бенедетто посмотрел на него, не понимая, чем он так встревожен, сказал:

– Я сейчас представил себя со Святым Домиником, частью фрески на стене, и услышал его далекий голос: «Падре, вы можете рассчитывать на меня, я сделаю, как Вы просите».

Винчи. Сентябрь 1458 года

Когда настала пора идти в школу, Альби проводила Леонардо в первый день в приходскую школу Винчи для мальчиков. Она сказала Леонардо, что его отец и мать не венчались в церкви, поэтому и разошлись. Мать его очень любила, воспитывала его, пока отец не забрал его к себе в дом.

– Её зовут Катерина, и она очень красивая. Её мать пришла из Святой Земли Иисуса Христа, а её отец был черкесским князем, у которого было много земель и лошадей.

– А где это? – спросил он.

– У Черного моря, за страной под названием Греция. Но потом что-то случилось. Её отец захотел такого мальчика, как ты, а не девочку, поэтому он продал Катерину в качестве рабыни банкиру во Флоренцию, где твой отец и встретил её.

– Что означает рабыня?

– Это та, которая несвободна. Но сейчас она свободна и счастлива в браке с другим мужчиной, по имени Антонио, который любил тебя, как отец, когда ты был маленьким. Они живут чуть ниже нас, в Кампо Зеппи, и в один прекрасный день я отведу тебя познакомить с ними и маленькими мальчиком и девочкой, твоими сводными братом и сестрой.

– Вы прогоняете меня?

– Нет, конечно же, нет.

– Ты моя мама тоже, не так ли?

– Да, любовь моя. Да.

Во второй половине дня она пошла забрать его домой из школы. Когда мальчики проходили через серую каменную арку, она заметила, что он выше большинства из них – мальчик с золотыми волосами, а также беспокойством в глазах, которое он пытался скрыть.

Она взяла его руку, но он отдернул её, посмотрев на остальных мальчиков поблизости. Так, подумала она, в один прекрасный день он пойдёт один. Она почувствовала внезапную грусть, а потом – прилив гордости и радости, когда они были уже по пути домой.

– Все прошло хорошо?

Он кивнул, и они шли молча.

– Тебе понравилось?

– Было очень интересно. У них есть большая ракушка, если приложить ее к уху, слышен шум моря.

– Чему он удивляется? – подумала Альби. – Этому может удивляться только чистое и невинное создание. Она никогда не сможет полюбить другого ребёнка так, как любит этого, идущего рядом с ней парнишку.

В последний день недели Леонардо пошёл в школу один, одет он был в чёрную блузу с белым воротником и нёс с собой плоский домашний хлеб с сыром в качестве завтрака. Он был уверен в себе сейчас и без Альби. Для этого мальчика шести лет первый день стал вторым, затем третьим, и так дни переходили в очередные. Окна классной комнаты выходили на детскую площадку с вязами рядом с высокой каменной стеной. На одной из стен класса висел матерчатый плакат с алфавитом, иллюстрированным картинками различных животных. Он мог читать буквы и названия животных лучше, чем кто-либо другой. Альби давно научила его читать.

Была также серая грифельная доска за столом учителя, дона Сильвио, изогнутого и худощавого, в чёрной сутане. Руки священника дрожали

настолько, что ему приходилось пользоваться указкой, чтобы показывать буквы алфавита.

Леонардо теперь знал всех ребят поименно. Самый большой из них, Тонино, был сыном мясника Винчи, и его труднее всего было победить во время игр во второй половине дня. А игр было три – прыжки с разбега, лазание по канату и борьба. Леонардо выигрывал их все. Это не было сложно, за исключением первого дня, когда он проиграл в борьбе, потому что он поднял сына мясника за ногу и бросил его на землю – не зная, что нельзя производить захват ниже талии. В тот вечер Чекко научил его особым приёмам для победы в этом виде борьбы, а на следующий день он бросал всех, кто вызывал его. Каждый раз, когда он это делал, он слышал гул в ушах, правда, не понимал, что он означал: недовольство или одобрение.

Тонино был очень зол, когда проиграл. В этот день перед классом он предупредил его: «Ну, погоди... Я порву тебе кишки сегодня».

В полдень во время спортивной зарядки мальчики собрались, чтобы посмотреть, как они будут бороться. Солнце было очень ярким и слепило Леонардо. Тонино, воспользовавшись этим, набросился, как бык, и сбил его с ног. При следующей атаке Леонардо захватил его голову и перекинул через плечо. Мальчик упал тяжело, и Леонардо прыгнул на него и прижал... и выиграл.

На фоне аплодисментов Тонино вскочил на ноги.

– Ты незаконнорожденный!.. Ты помесь!

Леонардо знал это слово, но только применительно к животным.

– Я не животное.

– Вы слышали это? – спросил Тонино, обращаясь к одноклассникам вокруг них.

Те, кто приветствовал его, начали хихикать. Сын мясника толкнул его с уродливой усмешкой.

– Как же ты можешь быть таким глупым? Все в Винчи знают, что ты незаконнорожденный полукровка и сын рабыни... Не так ли?

Мальчики кивнули, и Тонино рассмеялся.

– Моя мать лучше, чем кто-либо из вас, – сказал Леонардо гордо. – Её отец – великий князь с огромным количеством земель и лошадей у Чёрного моря...

– Который продал её в качестве рабыни.

– Она не рабыня. Она свободна и живёт с мужем в Кампо Зеппи.

– Рабов продают как мясо. Старое мясо твоей матери перешло другому петуху, когда твой отец получил от неё всё, что хотел.

– Нет, нет! – воскликнул он, набрасываясь на Тонино.

Они упали на землю, и Леонардо своим локтем разбил нос мальчика. Появилась кровь на его руках, и у Тонино началась истерика:

– Помогите! Он убивает меня!

Дон Сильвио побежал во двор и растащил их, дергая Леонардо за ухо.

– Нет! Не я! – кричал тот.

– Он лжец! – кричал Тонино, вскочив. – Он первый начал. Спросите у других мальчиков.

Тонино жалобно посмотрел на них, из его носа ещё шла кровь, и мальчишки, видя это, начали кивать.

– Да, – сказали они, – Леонардо сбил Тонино и разбил ему нос.

– Подождите! – воскликнул Леонардо. – Всё было не так.

– Этого достаточно, – сказал дон Сильвио. – Я предупреждаю тебя, мальчик. Еще одна драка, и ты будешь исключён из этой школы. А сейчас возвращайся в класс.

Ошеломленный и яростный, Леонардо обратился к своим одноклассникам за поддержкой. Их было девять человек – его первые друзья детства, особенно Карло и Дино. Они смеялись и играли вместе, и они видели его коллекцию бабочек, улиток и оленьи рога. Он обращался ко всем.

– Скажите дону Сильвио, что он сказал и как это началось.

На мгновение они притихли. Затем один за другим отвернулись и последовали за Тонино обратно в класс. Оставшись один во дворе с первым опытом предательства, Леонардо сказал себе, что все они трусы. Ему показалось на секунду, что он повалил их на спину в грязь. Вот, что они все заслужили. Все они лежали на спинах с разбитыми носами.

После урока он хотел бежать домой. Но вместо этого он шёл медленно, чтобы показать, что он не побеждён и никого не боится. Группа мальчиков преследовала его во главе с Тонино, у которого в уголках ноздрей ещё была засохшая кровь:

– Ублюдок! Рабский ублюдок!

Он повернулся, чтобы снова драться, но Тонино отступил. И Леонардо со словом «трусы» пошел дальше. Как только он дошел до дороги, камень пролетел над его головой. Потом ещё один упал к ногам. Когда он оглянулся, его бывшие друзья смотрели на небо, с которого падали камни. Он снова пошёл, и ему хотелось знать, сможет ли он снова вернуться в эту школу. Что-то очень красивое было разрушено. Радость на детской площадке, смех и тепло друзей – всё это исчезло.

Ублюдок! Рабский ублюдок! – звучало в ушах. И это было только начало. Слова стыда и предательства вернутся вместе с брошенными камнями позора. В своей мясной лавке отец Тонино скажет всем об этом: «Леонардо, сын сера Пьеро да Винчи, сломал нос Тонино, когда узнал, что он незаконнорожденный сын рабыни». Дон Сильвио скажет, что мальчик – прирожденный убийца. Домашним сплетни понравятся. Сер Пьеро придёт в ярость от этого...

В районе Эмполи, недалеко от дома, на улице остановилась старушка, чтобы посмотреть на маленького мальчика в рваной школьной форме с кровью на белом воротнике, взъерошенными золотыми кудрями. Она

кивнула, как будто знала обо всём: «Какой же ты глупый? Все в Винчи знают, что ты незаконнорожденный сын рабыни...».

Нет, сказал он себе, это была просто ещё одна старушка. Они всегда смотрели пристально на мальчиков и девочек. Но затем две проходившие мимо женщины замолчали, чтобы посмотреть на него. Когда он оглянулся, они все ещё смотрели. И Леонардо казалось, что они говорят: «Рабы продаются как мясо. Старое мясо твоей матери перешло другому петуху, когда твой отец получил от неё всё, что хотел».

Приблизились две девушки. Одна что-то шептала другой. Проходя мимо, они посмотрели – затем захихикали и засмеялись. Леонардо побежал, рыдая, опустив глаза. Ничто никогда не изменит этого. Он чувствовал себя изолированным и одиноким. Все будут знать об этом, куда бы он ни уехал.

Когда Леонардо не вернулся из школы вовремя, Альбьера заподозрила, что с ним что-то случилось.

– Ты слишком переживаешь, – сказала Люсия. – С мальчиками всегда так. Наверное, он пошел домой к школьному другу. Пьеро так часто делал.

Когда он и к ужину не пришел, Альби сказала:

– Я действительно переживаю и собираюсь найти его.

В школе она вызвала дону Сильвио с ужина. Узнав, что произошло, она бросилась домой в отчаянии. Да поможет нам Бог, подумала она. Он не был готов к такому повороту, страшному повороту, и это всё её вина. В течение многих лет она переживала из-за какого-то сопливого мальчишки или ходящей в церковь легкомысленной молодой девушки из Винчи. Он был слишком красивым и слишком умным, чтобы избежать этого.

Она бежала по тёмной дороге, упала и разбила колено. Когда добежала до дома, Люсия встретила её в дверях кухни.

– Они нашли его! Он прячется в сарае, в стойле с кобылой и её новорожденным жеребёнком, но не хочет выходить. Каждый раз, когда пытаются схватить его, он ускользает, а кобыла как будто встает на его защиту... Как бы кто не пострадал!

В сарае она обнаружила Антонио и Чекко в свете фонаря рядом со стойлом. Леонардо сидел на соломе в дальнем углу, опустив голову на сложенные колени, жеребёнок лежал перед ним. Увидев Альби, кобыла подошла к разбитой оgrade с дикими красными глазами, раздутыми ноздрями.

Альби начала открывать ворота, но Антонио остановил её.

– Эта лошадь убьёт тебя... Она сходит с ума из-за жеребёнка.

Но Альби не послушалась его. Она говорила медленно, и в то время как кобыла преградила ей путь, она продолжала шептать её имя. Она ласкала её шею и бок, двигаясь в сторону мальчика и жеребёнка. Когда она приблизилась к ним, новорожденный жеребёнок вскочил на ноги и побежал в противоположный угол. Кобыла последовала за ним.

Альби присела на солому рядом с Леонардо. Она ничего не сказала, и они оба наблюдали, как ел жеребёнок. Было холодно. Альби, заметив, что Леонардо замерз, взяла его руку и приложила её к своей мокрой от слез щеке.

Почувствовав это, Леонардо посмотрел на нее:

– Мама... Не плачь, мама. – Он обнял её. – Маммина, пожалуйста, не плачь.

Альби обняла его, а кобыла наблюдала за ними, сидящими в уголке стойла обнявшись, пока жеребёнок пил молоко.

Кампо Зеппи. 1458 год, сентябрь

Вскоре после рассвета, с первыми лучами солнца на высоких склонах горы Альбано, он пошёл через Винчи к Кампо Зеппи в долине пониже.

Альби обещала отвести его туда, но позже в ту ночь он увидел во сне, что отец запер его в комнате. Он проснулся и вслушался в звуки в доме. Иногда отец возвращался из Флоренции поздно вечером. Он слышал топот лошади на верхней дороге, но и он исчез. После этого он не смог бы заснуть, и теперь он отправился на поиски своей матери, прежде чем кто-либо успеет его остановить. Альби сказала, что она была красивой. Её отец был принцем-воином. Таким образом, она была своего рода принцессой тоже.

В Сан-Панталеоне, недалеко от Кампо Зеппи, он стал вспоминать места... старую церковь и гигантское каштановое дерево за низкой каменной стеной. Он вспомнил дерево, и как он, бывало, сидел под ним. Он залез на стену и уселся в ожидании кого-то, чтобы спросить, где живёт его мать. Пожилая женщина шла вниз по дороге. Она несла плетёную корзину полевой зелени на голове и шла медленно, опираясь на палочку. Когда она увидела его, сидящего под большим деревом, она остановилась. Придерживая свой груз одной рукой, она повернулась к нему лицом и спросила с каким-то блеском в глазах:

– Ты, маленький Нардино?

Он кивнул.

– Тот, который переехал жить к нотариусу?

Он снова кивнул.

– Я старая Маля.

Он соскользнул со стены и встал перед ней.

– Мои кролики, – сказала она. – Ты помогал мне кормить их... Как я поняла, ты собираешься увидеть свою маму?... Вот тот дом, второй слева.

Посмотрев на то, куда она указала палочкой, Леонардо увидел два отдаленных фермерских дома на вершине склона по другую сторону небольшой речки.

– Спасибо.

Идя по дороге, он почувствовал, как его сердце забилось быстрее. Альби сказала, что у его настоящей мамы, Катерины, было ещё двое

детей, девочка и мальчик. «Они твои сводные брат и сестра», – сказала Альби. Это означало, что одна половина была очень близка, а другая половина не так.

Вглядываясь в даль поля, он увидел два дома, разделенных двором для обмолота зерна. Какая-то женщина вышла, держа в руках матрас. У неё были длинные тёмные волосы, собранные на затылке, как у Альби, за исключением того, что они были длиннее, и её лицо было темнее, чем у Альби. Он наблюдал, как она развернула матрас, затем вытащила из него солому и разложила на земле рядом с грудой свежей соломы. Тогда появилась маленькая девочка, и они обе вернулись в дом.

Это была его мать с Чёрного моря, чей отец был принцем-воином. Леонардо был взволнован, было даже страшно. Может быть, ему следовало подождать и не приходить одному. Тем не менее, он на самом деле не был один. Не здесь, в любом случае. Он вспомнил этот ручеёк, так же, как и старый каштан, и далёкий дом, где снова появилась темноволосая женщина с другим матрасом. Большая белая собака последовала за ней, и в памяти всплыло ощущение, как эта собака облизывает его лицо.

На дороге появилась повозка, большая повозка, заваленная брёвнами и запряженная двумя белыми волами. Это были огромные животные. Их глаза были чёрные, как полночь, и мальчик быстро отступил, чтобы дать им пройти.

Двое мужчин сидели на высоком сиденье. Тот, который держал вожжи, воскликнув «тпруу!», остановил волов. Он был тёмный, с огромными плечами и руками. Лицо у него было доброжелательное с курносый носом.

– Добрый день, мессер Леонардо!

Желтая дворняжка, спрятавшаяся в тенёчке между задними колесами, подбежала понюхать ноги. Он не знал, что сказать. Человек накричал на свою собаку.

– Пиппо! Иди отсюда! – воскликнул он, спрыгивая вниз к мальчику. Он улыбался, и от него пахло кожей. Затем он положил свою большую руку на голову мальчика и почувствовал его плечо и мышцы руки.

– Ты хорошо сложен, Нардо. И ты – симпатичный мальчик. Я твой отчим, Антонио... Помнишь?

Он помнил и не помнил. Запах кожи, большие руки и курносый нос, мягкие карие глаза и, возможно, голос были знакомы.

– Нардино! – воскликнул Антонио с надеждой.

– Да... да, папа.

Антонио засмеялся и поцеловал его в лоб. Затем он поднял его, чтобы показать своему спутнику.

– Мой пасынок! – воскликнул он. – Иногда я вижу его на рынке, и он постоянно становится больше и больше ростом. Вскоре он будет вот таким!

Антонио держал его высоко в воздухе, и мальчик засмеялся. Эти руки были, как дубовые ветви.

– Твоя мать знает, что ты здесь? – спросил он, опуская его вниз.

Он покачал головой.

– Твоя семья в Винчи знает?

Он снова покачал головой, и Антонио нахмурился.

– Ты убежал из дому?

– Не совсем, – ответил он. – Альби обещала привести меня, чтобы увидеть мою первую маму.

Это, казалось, порадовало Антонио.

– Ты слышал это, Марио? – спросил он своего товарища. – У этого мальчика две мамочки. Как тебе это?

– У меня была только одна, и мой старик говорил, что и этого слишком много.

Оба рассмеялись. Тогда Антонио поцеловал Леонардо в обе щеки.

– Ты прекрасен, и ты сильный маленький человечек. Дай мне свою руку, – и большая, грубая рука отчима накрыла мягко его собственную.

– Доброе утро, Нардино!

– Доброе утро... Папа!

Катерина увидела повозку Антонио на мосту через реку и подумала, что старый мост снова сломался. Затем он взял какого-то ребёнка. Он был похож на маленького златовласого мальчика... Мальчик!

– О, Боже, – подумала она. – Это он.

Дрожа, она побежала в дом, чтобы сменить своё платье и расчесать волосы. Когда она вышла снова, повозка исчезла и никого уже не было на дороге. Это означало, что Антонио отвёз его обратно в Винчи. Мальчик пришел без Альби, и Антонио не захотел проблем с Винчи. Он говорил это всегда. Они договорились не видеться с мальчиком, дабы помочь ему забыть свою мать. Тем не менее, он не забыл. Он по-прежнему любил её и пришел найти её – только чтобы быть возвращённым снова. Она заплакала. Она думала, что это в прошлом – внезапные слезы и тяжелая грусть. И все же это было снова.

Тяжело вздохнув, она вернулась к разбросанной соломе. Много предстояло сделать – другие матрасы, которые надо выпотрошить и наполнить свежей соломой. Затем она услышала лай Рокко и увидела, как он бежит к потоку у нижнего поля. Он исчез в камышах, а его лай прекратился. Затем Катерина увидела их двоих, идущих к ней через поле.

Она начала звать его по имени, и когда она раскрыла руки, Леонардо побежал к ней. Она опустилась на колени, чтобы обнять его, бормоча его имя. Запах её волос вернулся к нему, как во сне, и в темноте её рук он слышал звуки её дыхания.

После того как все матрасы были выпотрошены, он стал помогать своей матери снова заполнить их свежей соломой. Они работали рядом друг с другом. Было жарко на солнце, и соломинки прилипали к её вспо-

тевшим темным рукам. Её шея и плечи блестели, и стоял едкий запах пота и соломы. Когда матрац был уже толстый и круглый, как живот коровы, они отодвигали его в сторону, чтобы заполнить следующий, пока не наполнили четыре больших и два маленьких. Затем он складывал концы, а она сидела и зашивала их, придерживая на коленях. Она заметила, что он смотрит на неё, и улыбнулась.

– Сыночек мой, – сказала она, как будто разговаривая с иглкой и ниткой.

Альби сказала, что она черкесская принцесса и в ней течет кровь её воинственного народа. Вспомнив об этом, Леонардо спросил:

– Ты действительно принцесса, как они рассказывали мне?

– Не совсем так. Хотя, правда, я из знатного рода адыгов. Мой отец был обычным сыном великого Бахри Султана Хаджи аль-Музаффары. Таким образом, у него не было титулов, кроме Бланэшу, что означает «храбрый рыцарь» на нашем адыгском языке. Но его племя называло его «дзэтц», или «принц армии», так как в сражениях против монголов на Северном Кавказе он показал своё высочайшее мужество великого князя.

– А твоя мама?

Катерина покачала головой и снова как будто заговорила с иглой.

– Она была актрисой и певицей кабаре в Джаффе, очень красивая, звали её Хагар, как в Библии. Она всегда приходила ко мне в монастырь. Тогда Бланэшу, который хотел сына, послал за ней, а после я никогда больше не видела её в монастыре. В монастыре поговаривали, что его жена отравила её. Мое настоящее имя – Сатаней, что означает «красивый цветок». Позже, так как я долгое время не жила с отцом, пребывала в монастыре, меня мачеха прозвала Къан-ЦыкIу, что в переводе «воспитанный в знатном роде ребенок», и они продали меня работоторговцу из Генуи как чистую нетронутую принцессу, чтобы выручить за меня больше денег.

Леонардо коснулся руки матери. Катерина положила иглку, чтобы удержать его руку через расправленный матрац. Она заплакала и прошептала ему на ухо:

– Но у меня есть ты, сыночек мой... мой прекрасный сыночек, в котором течёт кровь черкесского воина. Никто и никогда не может сравниться с тобой.

Он поцеловал её в прослезившиеся глаза, говоря, что любит её. Потом она посмотрела в сторону, и её глаза внезапно загрузили. Альби двигалась по дороге на лошадке Донне в синих лосинах, белой тунике и большой желтой шляпе с разноцветными перьями.

Катерина поднялась, чтобы встретить ее. Она обняла её и взяла лошадь под уздцы. Альби подошла к Леонардо. Она улыбалась, поэтому мальчик понял, что она не сердится.

– Вот и мой маленький человечек.

Леонардо встал и стал ждать.

– Ты хорошо прогулялся, не так ли?

Он кивнул.

– Ты также заставил меня очень поволноваться. В следующий раз, когда соберёшься убегать, пожалуйста, дай мне знать, чтобы я не волновалась и не грустила.

Он посмотрел вниз на матрас. Он был только наполовину зашит. Альби опустилась на колени перед ним и взяла его руки.

– Чтобы показать тем ребятам, что ты за большой человек, мы собираемся подарить тебе что-то. У твоего деда, великого князя, было много лошадей на равнинных землях Кавказа. Таким образом, дарим тебе маленького пони, чтобы ты ездил на нём в школу, как сияющий великолепный рыцарь, или исследовал горы, или же убегал снова... Но также быстро мог вернуться, до того, как кто-либо узнает, что ты ушёл!

– Как черкес против монголов! – закричал он и побежал к Катерине, рассказать о пони.

Она сидела с маленьким Франко под ореховым деревом. Альби подошла к ней и попросила разрешения подержать ребенка. Потом села в кресло с ним на коленях. Леонардо увидел двух своих матерей с младенцем в проникающем свете под деревом. Это было похоже на молитвенные карточки дона Пьеро с изображениями Святой Анны, Девы Марии и младенца Иисуса... за исключением того, что Святая Анна всегда стояла за Марией, плотная, как охапка сена, и она не была так молода и красива, как Катерина.

Наконец, Альби сказала, что они должны уезжать. Леонардо поцеловал Катерину на прощание, и она помогла ему сесть на лошадь позади Альби. Маленькая Пьера стояла рядом с матерью и махала на прощание. В нижней части поля Леонардо оглянулся. Катерина и Пьера стояли всё ещё там. Когда они увидели, что он оглянулся, они снова помахали.

– Когда вернётся твой отец, мы не расскажем ему об этом, да, Нардо?

– Да, мама, не расскажем.

– Кроме того, знаешь что? Я собираюсь начать брать тебя с собой во Флоренцию, чтобы ты узнал её лучше, ведь мы хотим переехать туда.

– Там я могу пойти в школу, где мне вслед не будут бросать камни.

– Нардо, мальчики бросают камни друг в друга везде. Они дерутся, но затем мирятся и даже могут подружиться. Особенно, когда у мальчика есть свой собственный пони, у него обязательно будет много друзей. Мы попросим Чекко найти тебе пони, а твоему отцу скажем, что это от моей семьи, тогда он не осмелится вернуть его обратно!

– Да.

– И обещаешь, что будешь заботиться о пони и любить его так же, как и меня?

– Да... только я все равно люблю тебя больше.

КОНИН АНАТОЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

Живописец, заслуженный деятель искусств КБР, действительный член Международной академии творчества, академик.

Родился 14 декабря 1946 года в г. Кудымкар Пермской области в семье военнослужащего.

С 1947 года семья живет в Кабардино-Балкарской Республике.

В 1976 году окончил физико-математический факультет КБГУ. Начал выставляться с 1972 года.

С 1991 года – член Союза художников России. Произведения Анатолия Кони́на находятся в частных коллекциях России, Германии, Бельгии, Турции, Израиля, КНР, Польши, музеях СНГ.

Валерий КРАСНОПОЛЬСКИЙ

Валерий Липович Краснополяский родился 30 октября 1947 года в Москве, в семье служащих. В 1971 году окончил механико-математический факультет МГУ. В 1971–1977 годах работал младшим научным сотрудником Института органической химии АН СССР, в 1977–1985 – руководителем литературного объединения им. А. Недогонова, в 1988–92 годах – директором центра творческих встреч СТД СССР. С 1992 года являлся генеральным директором Международного благотворительного фонда «Серебряный век».

Как поэт печатается с 1967 года. Его первые произведения публиковались в газете «Московский университет». Переводил издания с грузинского и эстонского языков. С 1986 года является членом Союза писателей России, автором нескольких сборников стихов. Краснополяский писал также песенные тексты на музыку грузинского композитора Ладос Сурамели. В 2007 году Валерий Краснополяский выпустил книгу «Юго-Запад Москвы». В неё вошли не только его стихи, но и воспоминания о друзьях: Владимире Высоцком, Савелии Крамарове, Виталии Соломине, Валерии Золотухине.

В настоящее время В. Л. Краснополяский является художественным руководителем издательства «Зебра», живёт и работает в Москве.

***

Юго-Запад Москвы,
в октябре запорошенный снегом,
Резковатый озон этих первых осенних снегов!
Открываю во всем, что сегодня поспорило
с небом,
Те края, где у рек
может просто не быть берегов.

Рассветает.
Открою замерзшие окна
В сад продрогший, который не мною возвращен...
Я хочу, чтобы солнце согрело озябшие стекла,
Чтобы осени цвет
был хотя бы на миг возвращен!

И весенней капелью
робко капель отзовется,
Зачирикают вновь осмелевшие вдруг воробьи, –

ГОЛГОФА

В. Золотухину

Христос, взошедший на Голгофу,
смотрел с надеждой в небеса, –
а в небесах парили... дрофы, –
катилась по лицу слеза...

Но чудо так и не свершилось,
и слезы поглотил песок,
а сердце билось,
                                билось,
  билось,
распятое
                                наискосок...

А нам никто не шлет распятия
во искупление греха,
и слышат небеса проклятья,
и люди каются, –
                                греша!

Исход

«Жид крещеный, что вор прощенный...»
Б. Слуцкий

«Необрезанный и некрещеный...»
А. Межиров

Меня водой не освятил
сад Гефсиманский
и как прожить
                                не объяснил
«по-христиански».

Вдали от родины Христа
я родился
и, не обрезан,
                                неспроста
не окрестился.

Я не бегу и не ищу
Его распятия,
но, умирая,
                                возвращусь
к Нему в объятья...

Он в смертный час
                                людей просил, –
любить сильнее, –
и брата грешного простил,
зла не имея...

А мы живем,
                                предав Его,
и славословим
молитвой ложной,
                                ничего
душой не стоим.

И мысль покоя не дает,
плоть прошибая:
Христос нам права не дает, –
жить прозябая.

Жидом рожден и посему –
собой останусь, –
«воров прощенных»
я пойму
и не раскаюсь...

Моя Россия

А. Межирову

Америка! Манящая Америка,
ты истину понять мне помогла, –
что я не смог бы стать твоим Валериком, –
есть у меня исконная Земля...

До той поры душа не успокоится
молиться во спасение Руси,
уверовав:

Блаженная опомнится,
покается за тяжкие грехи...

Довольно лагерей, довольно подлостей, –
и так стоят все Храмы «на крови»,
и трещиной прошла черта оседлости
по жизням, не изведавшим любви...

Шагаю ли по суетному Брайтону
иль в Квинсе у товарища сижу,
Москвы моей безликие окраины
из памяти на свет я вывожу...

И спрашиваю:

как живешь, Америка,
с Талмудом
и крестом всея Руси?!

И понимаю, –

ни к чему истерика, –
поднимется Россия из грязи...

Лос-Анжелес, Чикаго, Миннеаполис –
великолепны, что ни говори, –
и все-таки бездушья апокалипсис,
как ржавчина их точит изнутри.

Я не Пророк,
    не Демон,
        не Мессия,
но... Человек
        и только потому
отчаянно твержу:
        моя Россия,
молясь и веря вопреки всему!

* * *

Россия, Россия, Россия –
Мессия грядущего дня!

А. Белый

Эта участь Руси неизбывна, –
боль Христа на себе выносить, –
но зато и молитва надрывна,
и способна душа воспарить.

Крестной участью душу растравит,
грешной удалю развеселит,
исполинские плечи расправит
и опять в никуда полетит...

Мы осколки советской витрины,
и хрустим под лихим каблуком:
Мир не видел циничней картины, –
снова к «Счастью» нас гонят гуртом.

Не поймут, что такое Россия,
пораскинув холодным умом:
Ей молились и звали – Мессия,
пережившую страшный разгром.

Ничего для себя не спросила,
перед Господом-богом чиста,
пресвятая праматерь-Россия,
осененная ликом Христа!

1993 г.

Елена ПАЧЕВА

Мой отец, Халид, прожил многотрудную, но счастливую жизнь, судьба отпустила ему 104 года на этой земле. С ним происходило много интересного, порою необычного. Два случая, рассказанных им, запомнились мне особо.

Медведица

В свободные дни любил Халид побродить по лесу. Как-то, возвращаясь из Ташлы-Талы, а ходил он лесными тропами, сокращая путь, услышал Халид какие-то глухие стоны. Насторожившись, он остановился и оглянулся по сторонам. Ломая ветки, прямо к нему продиралась сквозь густой орешник большая бурая медведица.

«Вот это да! Странно, чего она от меня хочет? – пронеслось в его голове. – Сейчас лето – и она не голодна, а значит, не опасна. Вроде бы я не потревожил ее, оказавшись у берлоги, похоже, она рада встрече и ждет от меня то ли угощения, то ли еще чего-то... Странно», – рассуждал он сам с собой.

Тем временем медведица остановилась и, жалобно постанывая, начала откидывать голову назад.

«Она не собирается на меня нападать – она больна», – подумал Халид и осторожно сделал несколько шагов ей навстречу. Медведица не сдвинулась с места и продолжала стонать. «Бедняжка, если у тебя болит голова – я тебе не помощник», – сказал он и подошел еще ближе. Медведица не сдвинулась с места.

«Я не причинил тебе зла, а значит, у тебя нет повода наброситься на меня, правда?» – рассуждал вслух Халид, и, зайдя к ней сбоку, увидел на загривке рваную рану.

«Ну вот, теперь с тобой все ясно, стой спокойно, а я постараюсь тебе помочь», – сказал он, снимая рубашку.

Благо, родники в этих лесах были повсюду, – быстро сориентировавшись, Халид направился к ближайшему. Ополоснув рубашку и набрав в большой лист лопуха, свернутый кульком, воды, он вернулся к медведице и начал промывать рану, осторожно промокая лоскутами из разорванной рубашки.

Медведица стоически претерпевала боль, как бы понимая, что жизнь ее сейчас зависит от заботливых рук этого человека.

Еще раз два промыв рану чистой родниковой водой, Халид нарвал побольше листьев подорожника и, слегка помяв их, вложил в рану, перевязав шею медведицы чистым лоскутом.

Она почувствовала, что человек закончил свою работу и, благодарно глядя на своего спасителя, попятилась в орешник, откуда пришла. Но она почему-то опять возвращалась и пятилась, вроде как приглашая Халида следовать за ней.

Когда он спокойно пошел следом, она уверенно потопала вперед, уже не пятясь, а развернувшись всем корпусом.

Двигаясь за медведицей, Халид недоумевал: «Какой же сюрприз она собирает для меня еще преподнести?»

Но вот она приблизилась к небольшому холмику, который буйно зарос кустами шиповника. Медведица нежно зарычала, и навстречу ей выкатились два толстеньких мохнатых комочка. Они радостно прыгали возле нее, не обращая внимания на спутника их матери.

«О Аллах, она хочет мне сказать, чтобы я помог не только ей, но и ее деткам», – подумал Халид, удивленный происходящим.

– У тебя чудные детки, живи им на радость, – обратился он к медведице. – А я еще буду приходить к тебе и лечить, пока не заживет твоя рана. Будь спокойна.

«Вот это приключение, – думал Халид по дороге домой, в Верхний Лескен. – Расскажи кому про это – не поверят, хотя не следует никого посвящать, ведь сколько случаев браконьерства в этих краях, и медвежья семья может стать мишенью для бессердечных людей. А медведицу я долечу, буду ходить к ней, пока не затянется рана. Чудеса, да и только!»

Дары судьбы

Халид поднялся, как всегда, рано, только забрезжил рассвет. Поблагодарив гостеприимных хозяев за хлеб-соль, теплый прием, он пустился в обратный путь домой, в Ашабей.

Сердце переполняла радость от удачной сделки – все десять коров, пригнанные в станицу, были проданы; да и от знакомства с семьей Ковалевых, которые приютили его на ночь и потчевали как родного, было вдвойне радостно. Теперь он твердо решил податься в Подмосковье, прослышав, что есть там буренки, которые дают по тридцать литров молока в сутки.

Халид запел веселую песенку «Хапаши», горячий конь загарцевал под ним в такт песне. Умный конь тонко чувствовал настроение хозяина.

Солнце уже поднималось, и роса на листьях испарялась, источая кругом нежный аромат.

Вдруг до его слуха донесся детский плач. Насторожился и конь, пофыркивая и топчась на месте. Халид, спешившись, прошел немного вперед, ведя под уздцы коня, и опустился на колени перед конвертиком,

из которого доносился плач. Да, на обочине дороги лежал ребенок. Подбрав малыша, Халид огляделся вокруг и крикнул громко: «Ау-у, есть здесь кто-нибудь из родных малыша?» Ответа не последовало, зато малыш замолчал и стал разглядывать человека, который, бережно прижав его к своей груди, что-то кричал.

«Вот это сюрприз, – подумал Халид. – Как отреагируют на такой подарок мать и отчим?»

Малыш, пригревшись на груди Халида, мирно посапывал. Видно, почувствовал, что попал в добрые руки.

Мерно покачиваясь в седле, Халид думал о малыше: «Бедняжечка, ведь только родился на свет Божий, а уже обречен на страдания, за что? Невинен он перед Аллахом, но, как мне кажется, все обойдется, поставим мы его на ноги, только вот в чем беда, происхождения своего, корней своих он не узнает никогда».

Путь домой был не близок, но в каждом ауле находились добрые люди, которые предоставляли ночлег и пищу путникам. Халид запомнил имена, фамилии всех женщин, которые кормили младенца, ведь он теперь становился молочным братом их детям.

Нарек он малыша Андемирканом, дал свою фамилию Ашабоков. Дома их встретили с распростертыми объятиями. Мать перепеленала Андемиркана, и отчим благословил малыша. Теперь Султан и Андемиркан стали молочными братьями. Халид не сомневался, что мать примет Андемиркана, и все-таки только теперь он успокоился, наблюдая, как мать с любовью и жалостью кормила его.

Отдохнув денек-другой, Халид засобирался в дальнюю дорогу, в Подмоскowie. Мечта о породистых дойных коровах не давала ему покоя.

На базаре было шумно, каждый торговец расхваливал свой товар: кто-то предлагал тулуп, бесцеремонно примеряя его на Халида, полная, с добрейшей улыбкой, женщина предложила гирлянду бубликов, и он, не удержавшись, купил их – будет чем порадовать сестер и соседских детей.

Наконец он протиснулся сквозь гудящую толпу на ту половину, где торговали всякой живностью. Медленно осматривал он коров, справляясь о том, сколько молока они дают, но не приглянулась ему ни одна буренка.

Краем глаза он заметил, как за ним бесшумной тенью следовал старик, прислушиваясь к торгу. «Странно, – подумал Халид, – чего ему надобно от меня, может, он вор и выжидает удобного момента?» На всякий случай он поправил кошелек, затолкнув его поглубже в нагрудный карман. «Да, коровки здесь такие же, как и наши», – вздохнул Халид и присел передохнуть подле ограды. Переломив бублик, он стал лакомиться им, наслаждаясь вкусом и ароматом.

Преследовавший его старик также бесшумно присел рядом с ним, поприветствовав его. «Что, мил человек, корову хочешь породистую купить?» – обратился он к нему с вопросом. «Валлаги, за тридевять земель прискакал сюда, аж с Кабарды, да вижу, тут такие же коровы, как и наши. Хороша корова хочу, молоко много давал хочу», – пояснил на ломаном русском Халид. «А ты приходи вечерком ко мне, посмотришь мою коровку, подоим ее вместе, переночуешь, а утром опять подоим ее, и ты, я уверен, уедешь с ней, еще и телушку, дочь ее, заберешь».

Объяснив ему расположение своего дома, старик ушел. «Ну что же, попытаем счастья, посмотрим и твою коровку», – решил Халид и покинул базар. Вечером, когда стадо вернулось домой с пастбищ, он пришел к старику. Здесь его уже ожидали. Хлопотливая хозяйка – супруга старика, накрыла на стол. Она учла, что он мусульманин, и приготовила грибы в сметане, блинчики, а запили все ароматным компотом. Поблагодарив хозяев за ужин, Халид поднялся, и старик Гавриил повел гостя на хозяйственный двор.

Здесь чувствовалась хозяйская рука, кругом царил порядок. На плетне сушились кизяки, поодаль красовались два стога душистого сена. Посреди двора стоял колодец. Зайдя в пристройку, Гавриил вынес деревянное ведро и, ополоснув его, двинулся к безрогой неказистой коровке. Халид даже улыбнулся, увидев несуразность происходящего. «У буренки такие короткие ножки, что вымя утонет в этом ведре», – подумал он. Хозяин, поставив перед животинкой ведро и приговаривая ласковые слова, тщательно вымыл вымя теплой водичкой, которую прихватил из дома в кувшине, вытер насухо и принялся доить.

Вскоре ведро наполнилось парным молочком до краев. «Ты, Халид, не смотри, что она неказиста, смотри на удои. Завтра утром подоишь ее сам».

Долго они еще говорили о житье-бытье. Гавриил доверительно рассказал Халиду о жизни своей, о горе, постигшем их семью – недавно они похоронили своего единственного сына, утонувшего в реке. Халид тоже рассказал ему о своей жизни, об Андемиркане, которого он нашел накануне поездки. «Добрый ты, видать, человек, Халид, а Бог все видит, воздастся тебе за доброту твою», – промолвил задумчиво Гавриил.

Постелили Халиду на печи, и спал он очень сладко, а рано утром, подоив коровку, он с удивлением взирал на полное ведро молока. Договорились, что с коровой он заберет и телушку – дочь ее. Торговаться не стали – просто Халид дал столько, сколько запросили. На том и расстались друзьями. Дома, в Ашабей, соседи посмеивались над Халидом. «Надо же, привел из такой дали безрогое маленькое чудо, стоило ли за ней ехать?» Однако, узнав, сколько она дает молока, да еще такого жирного, поприумолкли.

А безрогая на следующий год, на удивление всем, подарила семье двух телочек, да дочь ее отелилась телочкой. На тот момент у Халида уже было тридцать семь голов крупного рогатого скота, десяток породистых лошадей да штук двадцать баранов.

Скоро заговорили о колхозах. Начались раскулачивания. Халид не понимал: «Почему все, что нажито честным трудом, должно перейти в колхоз? Кому я сделал плохо? Каждую осень я развожу пару мешков копченого сыра неимущим, на Курман режу бычка и тоже раздаю, да и семья ни в чем не нуждается – разве это плохо? Вот тебе и революция! Какие надежды мы возлагали на новую власть, а выходит что-то непонятное».

На всякий случай он вырыл глубокую яму и заложил туда весь урожай кукурузы, замаскировав яму стогом сена, а вскоре пожаловали и гости. Председатель, пристав и еще несколько активистов. Они зачитали решение колхоза и предупредили, что если он не отдаст свое добро хорошему, то будет хуже: и добро заберут, и в Магадан сошлют.

Так все, что было заработано за последние девять лет, перекочевало в колхоз. Не успела еще семья отойти от шока, как вскоре пришел пристав и сообщил Халиду, что ему лучше покинуть аул. Слышал, мол, своими ушами, как председатель сказал, что сослать надо этого куркуля, то есть Халида.

Посоветовавшись с отчимом, он решил перевезти семью в Кундатеи на старую усадьбу матери – вся ее родня еще в 1895 году перебралась в Турцию.

Так начали они жить в Кундатеи. Коровки, которых он припрятал, отелились, а кукурузу он перевозил ночами по надобности – так и перебывались, не голодая и не унывая.

Однажды судьба его вновь забросила в станицу Александровскую. Заночевал он на окраине у одной уже немолодой четы. Жили они довольно скромно, но, видать, в согласии, только в глазах хозяйки проглядывала такая печаль, что аж мурашки пробегали по телу.

Утром Халид поблагодарил хозяина за теплый прием и спросил его: «Скажи, друг, супруге твоей, может, не пришелся по душе гость непрощеный, или у нее есть какая-то причина для тоски?»

«Что ты, Халид, и не сомневайся в нашем радушии. Понимаешь, три года назад нам Бог подарил сына, но мы были настолько бедны, что даже молока у жены не было, да и откуда ему быть, если мы голодали. Ну вот мы и решили положить младенца на дороге, авось добрые люди подберут...»

Только сейчас обратил Халид внимание на то, что маленький Андемиркан был очень похож на Егора: такие же бездонные синие глаза, такая же белокурая курчавая голова.

Выяснив, в каком месяце это было и в каком месте они его положили, он, уже твердо уверенный в том, что они родители Андемиркана, не

сказав им ни слова о своей догадке, поблагодарив за хлеб-соль, пустился в обратную дорогу.

Услышав рассказ Халида, мать расплакалась, вскормленный ее грудью малыш был уже ей как сын, и с Султаном они росли как двойняшки, были дружны и во всем подражали друг другу, но добро надо творить до конца. Видимо, Аллах послал им малыша для испытания. Теперь надо было набраться мужества и оторвать от себя ставшее всем родным милое создание.

С вечера Халид освежевал барана, засолил ребра, ляжки, а рано утром пустился в станицу Александровскую. В котомке, собранной матерью, лежали вещи Андемиркана: рубашонки, черкески на вырост, сшитые умелыми руками матери – Хан. Мясо тоже завернула заботливая Хан. «На первое время будет что приготовить, а там и Аллах даст Андемиркану его пищу», – приговаривала она. Андемиркан был рад, что Халид именно его берет в путешествие, и не находил себе места от счастья.

Когда Халид, спешившись с коня, поставил на землю белокурого малыша, Гореловы заворожено смотрели то на Халида – чернобрового с лихо закрученными усами, то на белокурого малыша, и, осененные догадкой, боялись двинуться с места или произнести слово. Халид нарушил молчание: «Принимайте своего сына». Счастьем родителей не было конца. Халид попросил запомнить фамилии, с которыми они породнились, как с молочными братьями и сестрами Андемиркана, и, выгрузив подарки, попросил отпустить его.

Он не хотел показаться им слабым и с трудом сдерживал свои чувства. Казалось, что здесь остается частица его сердца. «Ну, бывайте, не поминайте лихом, будем живы, свидимся», – сказал Халид на прощанье и, оседлав коня, отправился дальше по длинной дороге, имя которой – Жизнь.

Думы мои горькие

«Эх, старость, старость, как же ты быстро подкралась ко мне. Нет, я не сожалею о прожитых годах. Думается мне, что миссию свою я выполнил на этой грешной земле, хотя остался непонятым до конца даже очень близкими. Самое ужасное то, что золотой мой сундучок так и не дали мне раскрыть. Хорошо, если академик Джанашия сохранит что-нибудь из моих рукописей, и дай Аллах здоровья Келеметову Хажумару. Теперь он единственный, кто, если понадобится, сможет перевести мои рукописи. Изобретенный мною алфавит недоступен больше никому. Спасибо моему брату Хаджи-Мырзе. Последний раз я видел его давным-давно, в 1890-х годах, путешествуя по Востоку. Там, в Сирии, его нарекли Хаджи-Селимом, после паломничества в Мекку. Раньше мы

переписывались, а с приходом советской власти границы закрылись. Хоть краешком глаза увидеть бы брата и семью его. Каково им там, на чужбине? Они среди единоверцев, но Родина потеряна! А что человек без Родины?

Ну а я, живя здесь, у себя на Родине, тоже остался на старости одиноким волком. Никто меня не понимает, а с тех пор как я уединился в Жамыжыко, в своей землянке, все так и говорят, что старый Бекмурза совсем выжил из ума. А ведь лучшие произведения написаны именно в землянке. Там мне хорошо, и только бумага и перо спасают мою изболевшуюся душу».

«Дада, я принесла вам обед», – услышал Бекмурза голос снохи Хабат и, мгновенно отогнав свои горькие думы, улыбнулся ей. Только ее он подпускал к себе последние годы. Поначалу она приносила еду прямо в землянку, а в последнее время он стал приходить к арыку сам. «Хорошую девушку я сосватал Гиду», – подумал он.

Сытно пообедав, он поблагодарил Хабат и Аллаха за посланную пищу, пожелав невестке здоровья и хорошего потомства.

Как только невестка удалилась, он достал из кисета, который был прикреплен у него на поясе, ручку, чернильницу и принялся писать.

Затем, отложив в сторону написанное, мудрый старец горько вздохнул: «Эх, старость, моя старость. Даже моя супруга, полюбив которую, я столько выстрадал, супруга, с которой я столько лет делил брачное ложе, супруга, которая подарила мне девятерых детей, и та не понимает меня.

«Кому нужна твоя мазня, лучше бы построил детям добротный дом», – ворчит она. Аллах простит ее. Она не виновата в том, что ей не дано свыше мыслить, как я. Я тоже не виноват в том, что ушел далеко вперед от своих современников. Сейчас все, о чем я пишу, не востребовано, но я верю, что настанет время, когда мои рукописи будут изучать в школах и книги мои будут в домах каждого адыга как что-то необходимое. Многие и сейчас цитируют мои стихи, они уже считаются народными. Главное, что все, чем меня наделил Всевышний, я не унесу с собой в могилу. Все останется народу. Пусть следующие поколения адыгов будут счастливее нас». Бекмурза, казалось, чувствовал, что ангел смерти уже готовится дотронуться до него своей костлявой холодной рукой. Он писал и писал. Сундучок его уже наполнился: четырнадцать тысяч строк и все записи его познаний по астрономии.

Землянка стала его пристанищем в последние годы. Тут он находил утешение в работе. Здесь никто его ни в чем не упрекал и не мешал творить. Конечно же, зимой ему приходилось туговато, но что поделаешь, выхода нет. Бекмурза отживал свой век...

С наступлением холодов седой мудрец тяжело заболел. Гид и Хабат уговорили его вернуться в дом. Здесь в окружении родных он пролежал шесть месяцев и тихо ушел в мир иной.

Ушел мудрец, клеймивший позором мир, в котором уже правила ложь, клеймил мир, в котором правили люди, которые думали только о своем благополучии.

Казалось, что в Кабарде никто не заметил ухода Бекмурзы, кроме тех людей, которые чтители талант мудреца. С их уст все чаще срывались правдивые слова Бекмурзы. На похороны не приехал ни один писатель или поэт. В местной газете не было некролога, зато в «Литературной газете» появился некролог за подписью Юрия Лебединского, Михаила Пришвина, Павла Максимова.

Оргкомитет, созданный в апреле 1933 года, и специальная комиссия обкома провели ряд мероприятий по улучшению условий жизни и труда местных писателей. «В частности, судьба старика Пачева, – писал Павел Максимов, – изменилась, как в сказке, он извлечен из своей хибарки в Нартане, и ему, как и другим, наиболее проявившим себя писателям, предоставлена квартира в Нальчике, в новом доме специалистов, кроме того, он прикреплен к столовой и материально обеспечен».

Да, бумага все стерпит. Оргкомитет отчитался о проделанной работе, но все это была суцая ложь. Если бы в 1933 году и вправду семья Бекмурзы получила квартиру, может, не заболел бы так тяжело Бекмурза и прожил бы немного дольше. Глядишь, и рукописи его не исчезли бы так таинственно.

Спустя четыре года после смерти Бекмурзы, на его усадьбу приехали Али Шогенцуков и Аскерби Шортанов. Гид и Хабат тепло встретили гостей. Узнав, что, наконец, о золотом сундуке Бекмурзы вспомнили и хотят выпустить книгу, они с большой радостью спустили его с чердака и погрузили в бидарку. Али Шогенцуков являлся дальним родственником и учителем Хабат, поэтому она была рада вдвойне.

Никто тогда не знал, что бомба, брошенная фашистами на издательство, уничтожит двенадцать тысяч строк и оставит только две тысячи.

Предчувствовал, видимо, Бекмурза, что рукописи его не все дойдут до народа. Не зря он писал:

*С неправдой вел я кровный спор,
Учился мудрости житейской
На лжи и жадности судейской.*

Да, душа его металась от бессилия. Рукописи лежат в сундучке неизданными. Благо, что многие люди знают и декламируют его стихи наизусть.

*Эх, время! Ты быстрой
Несешь арбою
То степью широкой,
То узкой тропой,
По рвам и ухабам,
Дорогой унылой...*

*И так довезешь ты
 Меня до могилы.
 И там я останусь,
 Землею заброшен,
 Не видел ни ласки,
 Ни жизни хорошей.*

Как бы ответом на горькие думы Бекмурзы звучит посвящение талантливого поэта Бетала Куашева:

*Бекмурза широкоусый, твои песни – журавли,
 Прилетевшие из нартской, нами созданной земли.
 Враг, твое услышав слово, станет в трепете немым.
 Другу слово ты подарить – наградишь конем лихим.
 От селения к селенью мчится твой крылатый стих,
 Нет тебя, но в каждом доме – голоса стихов твоих.*

*Бекмурза широкоусый, слышишь, как запел народ
 Песнопенья, что пустил ты в удивительный полет.
 Или это прилетели на простор моей земли
 Из отчизны смелых нартов молодые журавли?*

Сбывшаяся мечта

Почему-то события, происходившие с нами в детстве, не стираются в нашей памяти, а, наоборот, с годами всплывают перед взором нашим с мельчайшими подробностями.

Вот и сейчас я стою перед зданием Гостелерадио с Омаром Магомедовичем, слушаю его внимательно, а сама мысленно уношусь в детство. Мы даже в мечтах своих не представляли себе, что настанут такие времена, когда в каждом доме будет свой кинотеатр, появятся компьютеры и интернет свяжет своей невидимой паутиной весь мир.

Детство, детство!.. У нас дома есть уже радио, чему мы несказанно рады, появился электрический свет и есть патефон. В те редкие минуты, когда вещает «Нальчик», я не отхожу от радио. Все песни, которые удастся послушать на кабардинском и балкарском языках, я знаю наизусть. Часто передают песни в исполнении Люты Алоева, Омара Отарова, Валентины Сосмаковой, Бицы Аталиковой и Хаджала Кунижева, а сегодня я послушала интересную передачу о студентке медицинского училища Людмиле Кульбаевой.

Выскочила на улицу, чтобы поделиться своими впечатлениями о передаче с Любой, а Нэля уже на всю улицу горланит: «Для вас, для вас,

для ваших милых глаз». Она же мне сообщила, что завтра у Цыкановых свадьба и поговаривают, что к ним приедет сам Умар Отаров. Я была потрясена этой новостью. С этой минуты я стала разрабатывать план. Во что бы то ни стало я должна была увидеть живого Умара, но как это сделать. В дом к ним мы, дети, никак не попали бы, а на дворе глубокая осень, холодные дожди зачастили, и дежурить у их дома с утра до вечера в надежде увидеть Умара будет трудновато, да и родители не позволят долго отсутствовать.

Утром я встала раньше обычного и принялась помогать маме по хозяйству: принесла с речки воды, принесла для топки печи дрова. У мамы уже была готова большая сковорода жареного картофеля, а на столе лежал хлеб, распространяя свой аромат по всему дому. Наскоро позавтракав, я, придумав, что забыла записать задание по арифметике, отпросилась у родителей к Любе и, тепло одевшись, вышла во двор. Стояла глубокая осень, как я говорила выше, и после теплого уютного дома холодный пронизывающий ветер и мелкий дождь вызвали у меня озноб, но надо было идти, и я побежала вверх по пустынной улице.

У дома Цыкановых стояли две распряженные телеги, покрытые брезентом, во дворе сновали мужчины, а из дома на всю улицу разносился аромат готовящейся пищи. Видимо, гостей ждали к вечеру. Покрутившись еще немного у дома, я решила вернуться к себе, а попозже прийти сюда снова. Слишком велико было мое желание увидеть живого певца.

Дома я деловито уселась за уроки, но сосредоточиться было невозможно. Я мысленно рисовала себе образ Омара. Как ни странно, но в видениях моих он представал перед моим взором примерно таким, каким я его увидела уже на радио: высокий, стройный, обаятельный и аккуратный, только нос у него оказался прямой, а я представляла его с горбинкой.

Надо было придумать новый предлог, чтобы вновь отлучиться из дома, и мне пришлось поделиться с сестренкой Людой. Выслушав меня, она осторожно заметила: «А как ты собираешься отличить его от остальных гостей, ведь ты его не знаешь?» На минуту я призадумалась, а потом ответила уверенно: «Я думаю, что он не такой, как все. Он будет выделяться среди всех и внешним видом, и одеждой. Ведь он же народный певец. Я его узнаю сразу». В общем, я уговорила сестренку пойти со мной. Папе с мамой мы сказали, что хотим прогуляться по свежему воздуху.

И вот мы уже у дома Цыкановых. Из дома доносятся звуки национальной гармоники, а народу заметно прибавилось. Из калитки выходят незнакомые женщины, которые уже уезжают домой, и я

слышу, как восхищенно делятся они впечатлениями о невесте. Громче всех свое мнение о невесте выражает старшая из них: «Ариуду келинчик, цыбиток чыкъды!»¹ Другие тоже поддакивают ей, а об Омаре никто ничего не говорит. Я волнуюсь еще больше. «Может, он никакой не родственник им, и его не будет? А что если это просто чья-то выдумка?» – переживаю я. Уже темнеет, пора домой, и если все, кто сюда идут, хотят посмотреть невесту, то я мерзну здесь только с одной целью – увидеть Омара. Подошли еще несколько девочек, и мы все устремились в дом. Народу было много. Я во все глаза рассматривала мужчин, в надежде распознать среди них Омара, а тем временем толпа перенесла нас в другую комнату и я увидела, что все толпятся перед тюлевой занавеской в углу, где на подушках стояла невеста, покрытая поверх национальной одежды атласным платком, на минуту я сосредоточила свое внимание на ней. Чтобы избавиться от надоедливых детей, решили на минутку открыть лицо невесты и я, настроенная увидеть перед собой прелестный цветок, была разочарована. Во-первых, на вид ей было лет тридцать, и внешность ее никак не напоминала цветок. Шумная толпа развернула нас к выходу и вынесла во двор. Меня постигло страшное разочарование: «Ну вот, нет Омара, да и невеста из старых дев».

Домой с сестренкой мы возвращались молча. Теперь уже хотелось скорей попасть в свою теплую чистую комнатку и в теплую постель. Моей мечте не было суждено сбыться в тот день, пройдет лет тринадцать до моей встречи с Омаром.

Все это проносится в моей голове в один миг, и меня от воспоминаний отрывает голос Омара: «Дочка, о чем ты задумалась? Я принес тебе молочка, у тебя же трое деток, Бегат завернула еще сыр. Да, у меня остались хорошие семена капусты, не ленись, посади и будет у тебя своя рассада. Потом будешь благодарить старого Умара».

Осенью мы собрали необыкновенный урожай капусты. Вилки были крепкие и сочные, а каждый из них весил килограммов восемь.

Так что не только наша семья благодарила Омара, но и все, кто отведал капусту и в квашенном виде, и в свежем.

Итак, Всевышний услышал меня. Да, в тот день я не увидела певца, но спустя годы, я имела счастье не только видеть его, но и общаться с ним, работать, учиться у него многие годы. Я благодарна Всевышнему за этот великий дар. Он всегда был примером для подражания. На работу он появлялся, как на праздник. По нему можно было сверять часы, и, наблюдая за ним, остальным членам коллектива хотелось равняться на него. Нам оставалось только удивляться его

---

¹ Красивая невеста, цветочек! (балк.)

работоспособности. Для нас всегда было тайной, откуда он черпал свой неиссякаемый репертуар.

Никогда не забуду, как он переживал уход с радио художественного руководителя Бориса Нафиговича Мизова. Он тогда уже чувствовал, что с его уходом рухнет все, что было создано за многие десятилетия. Тогда я уже работала в государственной филармонии, но судьба хора Гостелерадио мне была небезразлична, и я позвонила Руслану Жанимову. Я умоляла его отговорить Бориса Нафиговича от ухода, на что он отвечал, что не собирается никого уговаривать. Да, человек написал заявление, а руководитель, даже не задумываясь, подмахнул этот документ. Вроде бы он не нарушал никаких законов, а в сущности эта подпись явилась крахом для коллектива. А ведь стоило задуматься, прежде чем подписать этот документ. Такие талантливые люди, как Мизов, рождаются в несколько столетий один раз, а возродить такой коллектив, как хор Гостелерадио, теперь, я думаю, уже не так просто. Ведь в нем работали певцы очень одаренные, певцы, которые хорошо спелись и звучали мощно, а самое главное, они любили дело, которым занимались.

Умар все это понимал и поэтому болезненно перенес уход Бориса Нафиговича, а называл он его очень ласково – «сынок», на что тот отзывался – «отец».

Ну вот, я подошла в своем рассказе к печальному финалу, постигшему хор Гостелерадио, но не хочу заканчивать его на этом.

Здорово, что в Фонде радио сотни записей Умара с хором – это истине золотой фонд. Я тоже начинала свой творческий путь с хором и очень ценю записи народных песен с этим коллективом.

Теперь нет с нами рядом ни Умара Магомедовича, ни Бориса Нафиговича, ни хора Гостелерадио, но народ будет не раз обращаться к их творчеству, а вклад, который они внесли в культурную сокровищницу Кабардино-Балкарии, не имеет цены.

*Пишкан ТАОВ
председатель Экспертно-аналитического
совета при Главе КБР,
академик РАН, заслуженный деятель науки РФ*

Наука должна быть выгодна государству и тем, кто ее создает

Россия имеет потенциал развития практически во всех областях научно-технического прогресса. Это составляет не только предмет национальной гордости, но и стратегический ресурс, способный дать России огромные экономические выгоды.

В современном мире благосостояние стран непосредственно зависит от состояния их сферы науки. На мой взгляд, только те страны, которые уделяют серьезное внимание научным исследованиям, успешно осваивают новейшие наукоемкие технологии, предоставляют для этого достаточно мощные финансовые, информационные, производственные, интеллектуальные средства, лидируют в современной политико-экономической гонке и занимают ведущие позиции на мировой арене.

Управление современным обществом без науки невозможно. На современном этапе развития наука изменяет социальную структуру общества. Во всем мире наблюдается тенденция роста численности занятых умственным трудом и уменьшения численности занятых неквалифицированным физическим трудом.

Анализируя тенденции научного и инновационного развития нашей страны в мировом контексте, нетрудно прийти к выводу, что, несмотря на заявленные цели и попытки привлечь инвестиции в науку из бизнеса и других, отличных от бюджета источников, эта стратегия пока особых результатов не дает. Наука остается у нас преимущественно бюджетной и его доля вложений, по сравнению с развитыми странами, недостаточна. Это принципиально отличает нашу страну от подхода к этому вопросу от развитых стран мира, финансирующих в науку большие средства, прежде всего в фундаментальные исследования.

Соединенные штаты еще в пятидесятые годы осознали роль науки в развитии своей экономики и укреплении лидирующих позиций в мире. В конце прошлого века там был принят большой пакет законов для развития научной сферы. Во всех слоях американского общества, включая законодателей, промышленников и бизнесменов, сложилось ясное понимание того, что финансирование фундаментальных исследований – прямая обязанность государства. Промышленность (бизнес) вкладывает в исследование вдвое больше средств, чем федеральный бюджет, но финансирует в основном прикладные исследования и разработки.

По затратам на науку Россия на среднем месте среди лидеров. В мировом топ-20 она разместилась на 9-м месте (40,5 млрд долларов) между Великобританией и Бразилией. Это данные Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ (ИСИЭЗ), аккумулировавшего показатели ОЭСР, ЮНЕСКО, Евростата и Росстата за 2015 год. Разрыв с первой тройкой рейтинга впечатляет: 3-е место у Японии (166,9 млрд долларов), 2-е – у Китая (368,7 млрд), лидер – США (457 млрд). Показательна в этой связи доля затрат на исследования и разработки в ВВП страны. В этом срезе Россия с 1,13 процента от ВВП занимает только 34-е место в мире, уступая Новой Зеландии и опережая Литву. Лидеры – Южная Корея (4,29), Израиль (4,11), Япония (3,59 процента). В рейтинге США – 11 (2,74), Китай – 17-й (2,05 процента). Прирост затрат на исследования и разработки в ВВП страны за последние десятилетия не велик: 20 лет назад «научная» доля в ВВП России составляла 0,85 процента. При этом, согласно майским указам, довести этот показатель надо до 1,77 процента. В них же заложено еще одно бремя для казны: к 2018 году средняя зарплата научных сотрудников должна быть вдвое выше средней по региону. И это при том, что уже сегодня зарплатный фонд – основная статья расходов в бюджетах научных организаций. А ведь необходимо добавить сюда коммунальные платежи, которые выросли по всей стране, средства на закупку оборудования и реагентов, преимущественно зарубежного производства, в итоге почти ничего не остается. О каких научных открытиях после этого можно рассуждать?

В настоящее время состояние сферы науки в России характеризуется следующими основными параметрами:

- 1) финансирование и материально-техническое обеспечение;
- 2) научные кадры;
- 3) организационная структура науки;
- 4) научные результаты и их использование;
- 5) государственное регулирование научной и инновационной деятельности;
- 6) нормативно-правовая база.

1. О финансировании и материально-техническом обеспечении научных организаций было сказано выше. И эта проблема требует кардинального решения при участии государства.

2. Что же происходит у нас в стране и в республике с научными кадрами? Каков на самом деле их реальный научный потенциал? Почему они стареют? Картина в общих чертах такова.

Во-первых, по окончании вузов далеко не все выпускники рвутся в аспирантуру.

Во-вторых, защитившиеся кандидаты и доктора наук, как правило, могут найти достойную их звания зарплату не в государственных НИИ,

КБ и вузах, а в коммерческих структурах. И они уходят туда, оставляя своим титулованным научным руководителям возможность спокойно стареть.

В-третьих, система организации, управления, поддержки науки и научных исследований и, что особенно важно, информационное обеспечение остались, в лучшем случае, на уровне 1980-х годов. Поэтому почти каждый действительно способный, а тем более талантливый молодой ученый, если он не хочет деградировать, стремится уйти в коммерческую структуру или уехать за границу.

Но есть и другие важные причины ухода молодых из научной сферы. Не хлебом единым жив человек. Ему нужна еще возможность совершенствоваться, реализовать себя, утвердиться в жизни. Он хочет видеть перспективу и чувствовать себя, по крайней мере, на одном уровне с зарубежными коллегами. В наших, российских, а тем более республиканских условиях это почти невозможно. И вот почему:

– во-первых, наука и опирающиеся на нее высокотехнологичные разработки у нас очень мало востребованы;

– во-вторых, экспериментальная база, учебно-исследовательское оборудование, аппараты и приборы в учебных заведениях физически и морально устарели на 20–30 лет, а в лучших, самых передовых университетах и НИИ – на 8–11 лет. Если учесть, что в развитых странах технологии в наукоемких производствах сменяют друг друга через каждые 6 месяцев – 2 года, такое отставание может стать необратимым.

Все выше перечисленные причины привели к падению престижа науки в обществе и оттоку кадров из этой сферы деятельности. Сегодня менее 8 % выпускников вузов выбирают научную карьеру. Во всем мире, по крайней мере, так думает большинство, науку делают молодые. У нас же научные кадры стремительно стареют. В 2000 году средний возраст академиков РАН был более 70 лет. Это еще можно понять – большой опыт и большие достижения в науке даются не сразу. Но то, что средний возраст докторов наук – 61 год, а кандидатов – 52 года, тревожит. За прошедшие 15 лет положение не изменяется, и в 2015–2016 годах средний возраст научных сотрудников достигает около 58 лет. Такая картина складывается в системе Академии наук.

В вузах и отраслевых НИИ в общероссийском масштабе возраст докторов наук – 57–59 лет, а кандидатов – 49–50 лет. Численность исследователей резко уменьшилась за прошедшие десять лет более чем в два раза, при этом доля ученых в средней возрастной группе от 30 до 40 лет сократилась обвально, в результате чего под угрозой оказалась преемственность поколений и сохранность научных школ.

Проблема «утечки мозгов» остается актуальной в течение более чем двадцати лет и сопровождается все возрастающей проблемой недостаточного притока молодежи в науку.

Еще в XVII веке английский философ Томас Гоббс писал, что людьми двигает выгода. Через 200 лет Карл Маркс, развивая эту мысль, утверждал, что история есть не что иное, как деятельность людей, преследующих свои цели. Если та или иная деятельность не выгодна (в данном случае речь идет о науке, об ученых, разработчиках современных технологий), то нечего ожидать, что в науку пойдут наиболее талантливые, первоклассно подготовленные молодые ученые, которые почти даром и при отсутствии современного оборудования, подобающей инфраструктуры, достойной оплаты своего труда будут двигать ее вперед.

Организационная структура науки в стране остается громоздкой, неэффективной и трудно управляемой. Фактическое сокращение научного потенциала не сопровождалось необходимой реструктуризацией сети научных организаций. За истекшее десятилетие число научных организаций сократилось незначительно, а число организаций РАН даже возросло – более чем на 20 %. Приватизация большинства бывших отраслевых НИИ не дала ожидаемого эффекта, поскольку заказ от промышленности практически сводится к нулю. Государству пришлось взять на себя поддержку 58 наиболее крупных прикладных НИИ, получивших статус государственных научных центров (ГНЦ). Однако ГНЦ составляют лишь 2,5 % общей численности организаций предпринимательского сектора науки.

Каких результатов удалось достичь в ходе реформы научной отрасли?

Анализ опыта реализации государственной научно-технической политики и законодательства, регламентирующего сферу науки, образования, технологий и инноваций, и системы государственного управления, показывает, что существующая модель организации науки не отвечает задаче перехода к инновационному развитию страны. Требуется разработать новую Доктрину развития российской науки, исходя из определения науки как стратегического ресурса долгосрочного развития страны. Соответствующие положения должны быть включены в разрабатываемую Стратегию научно-технологического развития на долгосрочную перспективу и учтены при разработке нового законодательства о науке.

Кроме этого в результате проведенных реформ науки и образования статус ученой степени был существенно снижен, что не способствует повышению престижа научной деятельности и не стимулирует приток в науку талантливой молодежи. Это отразилось и на качестве диссертаций, и на их количестве, а также на престиже научной работы в целом. В настоящее время необходима существенная модернизация системы подготовки и аттестации научных кадров высшей квалификации. При этом вопросы аттестации научных кадров высшей квалификации должны

быть возложены на РАН, как ведущую экспертную организацию страны в части научных результатов.

3. Научные результаты и их использование. Снижение количественных и качественных показателей научного потенциала сказывается и на результатах научно-технологической деятельности. Сократилось число публикаций и патентов и их цитирование в международных изданиях. Число отечественных патентных заявок в расчете на 10 000 человек населения – коэффициент изобретательской активности – уменьшился. Доля инновационных предприятий в стране и у нас в республике ничтожна мала. По существу научные разработки и инновационные технологии не востребованы средним, а тем более малым бизнесом. Пока российский частный капитал не спешит тратиться на исследования (его можно понять: риски и затраты велики, а результаты гарантировать невозможно), власти ломают голову, как стимулировать его к этому делу, но пока без положительного результата. Наш бизнес еще не созрел, чтобы вкладываться в науку.

Вместе с тем в России еще сохраняется ряд отраслей экономики, где инновационная активность поддерживается на относительно высоком уровне, что обеспечивает конкурентоспособность на мировом уровне – это химическая и нефтехимическая промышленность; авиационная и аэрокосмические отрасли, приборостроение и судостроение, а также отдельные под отрасли оборонно-промышленного комплекса. Но этого для развития экономики страны недостаточно, научные разработки необходимо внедрять во все отрасли народного хозяйства. И здесь не обойтись без государственного регулирования научной и инновационной деятельности.

4. В чем заключается государственное регулирование научной и инновационной деятельности? Государственное участие выражается в прямом финансировании науки и инноваций и применении косвенных мер регулирования научно-технологической деятельности. В настоящее время в России объем бюджетного финансирования гражданской науки соизмерим с объемом финансовых ресурсов крупного западного исследовательского университета. Доля конкурсно распределяемых бюджетных средств невелика – около 7 %, тогда как мировой опыт показывает: его значение должно быть не менее 15 %.

Бюджетные средства, выделяемые на развитие инновационной сферы, столь незначительны, что они достаточны для «запуска» только отдельных проектов. Вместе с тем накопленный в последние несколько лет опыт реализации пилотных проектов в области развития инновационно-технологических центров и инновационно-промышленных комплексов показывает, что даже при небольших стартовых вложениях государственных средств могут быть созданы инновационные структуры,

способные к саморазвитию. При этом окупаемость вложений только в виде налоговых поступлений не превышает обычно двух лет.

5. Бесспорно без продуманной, эффективной нормативно-правовой базы научная деятельность невозможна. За последние годы в сфере науки были приняты важные документы:

- Доктрина развития российской науки;
- Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике»;
- Концепция реформирования российской науки на период 1998–2000 гг.;
- Федеральный закон (ФЗ) «Об авторском праве и смежных правах»;
- Патентный закон;
- ФЗ «О правовой охране топологий интегральных микросхем»;
- ФЗ «О правовой охране программ для электронных микросхем и баз данных»;
- ФЗ «О промышленных образцах»;
- Концепция государственной политики Российской Федерации в области международного научно-технического сотрудничества;
- Концепция научной, научно-технической и инновационной политики в системе образования Российской Федерации;
- постановление Правительства РФ «О формировании федеральных центров науки и высоких технологий»;
- постановление Правительства РФ «Об использовании результатов научно-технической деятельности» и др.

Однако перечисленные нормативные акты не представляют из себя системы как по структуре, так и по содержанию, между собой они не состыкованы. Они не нацелены на главное – удержание и развитие конкурентных преимуществ России, повышение на этой основе ее конкурентоспособности. Фрагментарные, неглубокие по содержанию нормативные акты написаны (именно написаны, а не разработаны) на низком научно-методическом уровне и поэтому не дают существенных результатов. Как результат мы имеем низкий удельный вес конкурентоспособной отечественной промышленной продукции на внешнем рынке, что отрицательно влияет на динамику экспорта. Кроме этого российский экспорт имеет сравнительно узкую номенклатуру вывозимых товаров.

Так, три статьи – нефть, нефтепродукты и природный газ – обеспечивают почти половину всей экспортной выручки. Это придает российскому экспорту подчеркнuto монотоварный характер. Для сравнения: в США на долю трех основных товарных позиций приходится лишь 18 %, в Индии – 28, Бразилии – 21 %.

Поэтому стране нужна в сфере науки такая нормативно-правовая база, которая могла бы позволять проводить эффективную конкурентную

политику, основной целью которой является содействие повышению уровня конкурентоспособности отечественной продукции. Эти нормативно-правовые документы должны решать правовые вопросы:

- снятия барьеров и стимулирования эффективной концентрации в сфере крупного бизнеса;
- поддержки (в том числе и на внешних рынках) конкурентоспособного специализированного среднего и мелкого бизнеса;
- создания и совершенствования системы организационно-правовой поддержки венчурного капитала и инновационных предприятий;
- поддержки формирования отечественных групп конкурентоспособных компаний и производств;
- недопущения чрезмерной монополизации рынка и недобросовестной конкуренции и др. меры.

Не подлежит сомнению, что быстрая разработка и использование новейших технологий государствами – технологическими лидерами ослабляют позиции тех стран, которые не имеют и не осваивают новые технологии. Однако дальнейшее сокращение расходов на науку при падающем рубле и перераспределение совершенно недостаточных ресурсов под влиянием ничем не подкрепленных обещаний успехов и прорывов только усугубят проблему научного и технологического отставания России. Для того чтобы окончательно не потерять шанс на вхождение в число развитых научно-технологических держав, необходимо отказаться от дальнейшего сокращения расходов на науку и начать существенное увеличение ее финансирования как можно быстрее. Приоритеты государственной научно-технологической политики должны определяться по итогам взвешенного и открытого обсуждения в среде квалифицированных специалистов.

Наука должна является первым и главным компонентам инновационной деятельности, условием обеспечения ее эффективности. Конечно, основные направления развития инновационной деятельности, приоритеты инновационной политики и этапы ее реализации определяются потребностями промышленных и других производств в технологическом перевооружении и наличием инвестиционных ресурсов. Создание благоприятных условий для развития инновационной деятельности позволит модернизировать технологическую базу российской экономики и кардинально поднять конкурентоспособность отечественной продукции.

Конечно, руководство страны понимает неприемлемость такой ситуации: майские указы президента и стратегические документы правительства предусматривают значительное увеличение расходов на науку, в том числе и из средств федерального бюджета. Однако действия властей в кризисный период показали, что наука, наряду с образованием и здравоохранением (то есть вложения в будущее стра-

ны), играет роль своего рода «зачапки», которую в тяжелой ситуации можно использовать для финансирования более приоритетных областей (силовых ведомств и государственного управления).

В настоящее время в условиях сокращения государственного финансирования и падения производственного заказа, наука почти полностью исчерпала внутренние ресурсы развития. Сегодня вопрос о том, будет ли Россия государством с мощной экономикой и высокотехнологичным уровнем промышленности, восстановит ли она сильную науку, а отечественные ученые – свои позиции в мировом научном сообществе, стоит как никогда остро.

Не случайно на заседании Правительственной комиссии страны по вопросам агропромышленного комплекса и устойчивого развития сельских территорий, прошедшей 13 декабря 2016 года первым, и главным вопросом, был поднят вопрос состояния и дальнейших задач аграрной науки.

Важным посылом Правительственной комиссии было то, что сохранить хорошую динамику в сельском хозяйстве, которая намечена в последний год можно только при наличии современной научной базы. Без научных разработок, без современных технологий ни технологический уровень агропрома в целом, ни отдельные его направления развиваться не могут. Нам необходим переход к высокопроизводительному, высокотехнологичному, эффективному производству сырья и продукции более высокой глубины переработки, что позволит обеспечить решение всех наших внутренних продовольственных задач и выход отечественных производителей на перспективные аграрные рынки. Кроме этого важным является необходимость возрождения, а в некоторых случаях создания селекционно-генетических центров (станций), восстановления и дальнейшего развития племенного животноводства и т. д. Разумеется, все это невозможно без внедрения в сельское хозяйство новейших технологий и научных разработок.

Для этого, в первую очередь, необходимы специалисты, которые будут внедрять новые технологии в сельское хозяйство. Следовательно, нужно сформировать государственный заказ нашим аграрным вузам. Их образовательные программы и научные исследования должны в полной мере учитывать запросы рынка.

Другими словами, необходимо возродить и продолжить развитие полноценной инфраструктуры отрасли, подразумевающей функционирование подсистем, создающих общие и специальные условия высокоэффективного сельскохозяйственного производства. Говоря о полноценной инфраструктуре отрасли, в первую очередь следует подразумевать возрождение станций семеноводства, племенных станций, плодопитомников и др., которые напрямую будут влиять на повышение культуры земледелия и животноводства и сельскохозяйственную продуктивность.

Одним из примеров эффективной деятельности научных сельскохозяйственных учреждений у нас в республике была деятельность Всероссийского научно-исследовательского института кукурузы, который занимался селекцией ранних и среднеранних гибридов, разработкой технологий возделывания с последующей организацией производства элитных сортов семян. Это позволяло республике быть всесоюзным лидером по поставке гибридных семян кукурузы. Успехи республики в семеноводстве и в племенном животноводстве были признаны на всесоюзном и всероссийском уровнях.

Сегодня распад полноценной инфраструктуры сельскохозяйственной отрасли в республике оборачивается значительными финансовыми потерями. Достаточно сказать, что в себестоимости конечного продукта в растениеводстве доля семенного материала достигает почти 30 %, а ряде случаев и более. При выращивании продукции животноводства расходы на приобретение племенного скота приближены к аналогичной отметке. Таким образом, производители сельскохозяйственной продукции – наши фермеры, вынуждены огромные для республики средства вывозить за ее пределы для осуществления закупок семян, саженцев и племенного скота в регионах России и за границей.

Отсутствие в республике эффективной интеграции науки, образования и производства сказывается отрицательно не только на аграрной отрасли.

Как известно, Указом Главы от 18 марта № 27-УГ организован экспертно-аналитический совет при Главе КБР, в состав которого наряду с практическими специалистами, вошли представители ведущих НИИ и ВУЗов нашей республики. Подчеркну особо, перед экспертно-аналитическим советом Главой республики поставлены проблемные вопросы, решение которых имеет для республики огромное значение. Задача экспертно-аналитического совета – грамотно и аргументировано на научной основе искать пути решения всего спектра проблем, которые затрагивают разные сферы жизни нашей республики, в первую очередь – социально-экономические. По существу, экспертно-аналитический совет при Главе КБР должен стать площадкой по разрешению проблем и решению задач с учетом, в первую очередь, мнений ученых, общественности, исполнительной и законодательной власти, а также профессионалов в различных сферах деятельности.

Для обеспечения результативности работы Совета составлен годовой план работы, утвержденный Главой КБР. В план включены мероприятия по экспертному обсуждению блока проблем по таким направлениям, как «сельское хозяйство», «промышленность», «финансы и кредиты», «строительство и ЖКХ», «непроизводственная сфера». В блоке «сельское хозяйство» – в этом году разрабатывается тема: «Повышение эффективности использования земли за счет совершенствования арендных отно-

шений», в блоке – «промышленность» – тема: «Изучение возможности взаимодействия существующих промышленных предприятий республики с организациями, выполняющими заказы военно-промышленного комплекса России», в блоке – «финансы и кредиты» – тема: «Разработка на основании углубленного анализа рекомендаций по финансовой поддержке и дальнейшему развитию малого и среднего предпринимательства республики как локомотива развития экономики республики», в блоке – «строительство и ЖКХ» – тема: «Повышение эффективности работы строительных организаций республики за счет повышения качества проектно-сметной документации и внедрения новых технологий в строительной индустрии», в блоке – «непроизводственная сфера» – тема: «Изучение возможности дальнейшего эффективного развития курорта и туризма в условиях ограниченного финансирования за счет использования незадействованных местных ресурсов».

По этим направлениям сформированы рабочие экспертные группы, с обязательным участием в них представителей научного сообщества республики, которые приступили к сбору, анализу материалов по рассматриваемым вопросам.

В ходе работы выяснялось, что наши республиканские вузы, научно-исследовательские институты не располагают какими-либо серьезными изысканиями или разработками по рассматриваемым темам. Более того, такой острой и важной для республики проблемой, как эффективное использование земель сельскохозяйственного назначения и совершенствование арендных отношений не занимается наш сельскохозяйственный ВУЗ – Аграрный университет, не говоря уже о других вузах.

Наши научные учреждения далеки от потребностей народного хозяйства и практически не включают в свои исследовательские разработки темы, необходимые для инновационного развития отраслей промышленности и сельского хозяйства республики. Вместе с тем, дальнейшее экономическое развитие отраслей народного хозяйства республики без существенного вклада науки представляется затруднительным, особенно это касается разработки современных, конкурентных агротехнологий в сельском хозяйстве. О какой интеграции науки с производственным и сельскохозяйственным сектором экономики республики здесь можно говорить?

Вместе с тем, Аграрный университет должен осуществлять не только организацию и проведение фундаментальных научных исследований, но и экспертное обеспечение деятельности органов государственной власти, выработку на этой основе совместно с бизнес-сообществом, реальным сектором экономики предложений по реализации научных достижений. Такое объединение научных интеллектуальных ресурсов позволяет подходить комплексно к любой проблеме. Так, например, при реализации задач развития территорий рассматривать в комплексе соци-

альные, экономические, технологические, экологические, политические проблемы и предлагать сбалансированные решения.

Снижение количественных и качественных показателей научного потенциала вузов и НИИ республики сказывается и на результатах их научно-технологической деятельности. Что касается заинтересованности студентов в научных исследованиях, то она держится скорее на энтузиазме, а не на материальном интересе, а энтузиастов в наши дни совсем немного. При этом тематика вузовских исследований очень традиционна и далека от нынешних проблем и требований рынка.

Вместе с тем, интеграция науки и образования позволит обеспечить подготовку кадров для экономики республики. В этой связи уместно будет вспомнить слова нашего великого соотечественника академика М. В. Ломоносова: «Регламент академический таким образом сочинен должен быть, дабы Академия не только сама себя учеными людьми могла довольствоваться, но и размножать оных и распространять по всему государству... Университет – друг, более того – единокровный брат Академии наук, который составляет с ней единую плоть и будет заодно с ней трудиться на пользу Отечества. При Университете должна быть Гимназия, без которой Университет как пашня без семян». Очевидно, что эти слова и сейчас являются актуальными.

Изменение геополитической и экономической ситуации в мире ставит перед Россией, как и перед нашей республикой, выбор: либо двигаться дальше в парадигме ресурсно-сырьевого развития, либо формировать принципиально новую политику инновационного развития на основе современных достижений науки. Главным условием реализации сценария инновационного развития должно стать утверждение на высшем государственном уровне стратегической цели – обеспечение качества жизни населения на уровне развитых стран. А это невозможно достичь на современном этапе без внедрения в экономику современных научных разработок, инновационных технологий, которые создают ученые. И пока ученые не начнут получать от своей научной деятельности прямую выгоду, пока не внесут радикальные изменения по этому вопросу в наше несовершенное законодательство, на прогресс науки и технологии, на развитие научно-технологического потенциала и на подъем экономики в нашей стране надеяться бессмысленно. Если положение не изменится, государство может остаться без современных технологий, а значит, и без конкурентоспособной продукции. Так что в условиях рыночной экономики выгода – не позор, а важнейший стимул общественного и экономического развития.

Людмила ХАВЖОКОВА,
к.ф.н., старший научный сотрудник
сектора литературы КБИГИ

Грани таланта профессора Хангери Бакова

Очерк

*Хангери Ильясович
Баков*

Известный ученый-литературовед, педагог, доктор филологических наук, профессор, почетный работник высшей школы России, заслуженный деятель науки КЧР и КБР Хангери Ильясович Баков родился 17 сентября 1940 г. в ауле Жако Хабезского района Черкесской автономной области (ныне Карачаево-Черкесская Республика). Он является представителем поколения «детей войны», которому принадлежат многие известные личности: писатели, ученые, артисты, общественные и политические деятели, спортсмены. Парадоксально, но факт – люди, чье детство и становление пришлось на голодные и трудные послевоенные годы, достигли больших успехов в жизни. Если взять только представителей адыгов, то эту мысль подтверждает целый ряд значимых имен: Исхак Машбаш, Нальби Кук, Казбек Шаззо, Абу Схалыхо, Батырбий Берсиров, Рашид Хунагов, Аслан Джаримов и Асланчерий Тхакушинов, Борис Утижев, Хабас Бештоков, Заур Налоев, Андрей Хакуашев, Адам Гутов, Мухадин Кумахов, Валерий Коков, Лейла Бекизова, Хизир Хапсироков, Умар Темиров и др.

К этому поколению относится и Х. И. Баков, отец которого погиб в конце 1942 года под Сталинградом. Трое детей остались с матерью. Младший из них, Хангери, после шести классов Жаковской (в то время семилетней) школы был отдан в областную среднюю школу-интернат, открытую в Черкесске для детей погибших на фронте. В этой школе работали приглашенные из разных концов страны высококвалифицированные учителя, поэтому дети получали прекрасную подготовку, выпускники успешно поступали в лучшие вузы страны. Знания, полученные в этой школе, дали возможность Х. Бакову поступить в КБГУ, после чего он успешно окончил аспирантуру в Москве в Институте Мировой литературы, откуда вернулся кандидатом филологических наук. Впоследствии защитил и докторскую диссертацию. В трудовой книжке Х. И. Бакова есть только три записи. Первая о том, что после школы работал в строительной бригаде (1959–1961), вторая – научно-педагогическая деятельность в университете (КЧГУ, 1973–2005), и третья – главный научный сотрудник

КБИГИ. Скупые данные ничего не говорят о тяжелом детстве и юности, о том, что будущий ученый много лет жил в общежитии интерната, в студенческом и аспирантском общежитиях, армейской казарме. Эти годы закалили его характер, приучили к трудолюбию и упорству.

Тяга к родному языку и литературе у Х. Бакова врожденная – от матери, которая обладала редкостным чувством красоты и выразительности речи, знала бесчисленное множество народных песен, стихов, сказок, пословиц и поговорок. Все же профессиональный интерес к филологии пробудился у Х. Бакова уже в университете, где он активно участвовал в работе научно-студенческого общества. Его дипломная работа «Лирика Алима Ханфенова» после защиты была рекомендована в качестве учебного пособия. По окончании КБГУ автора рекомендовали в аспирантуру на совместном заседании двух кафедр – кафедры кабардинского языка и литературы и кафедры русской литературы. Это доверие выпускник КБГУ в дальнейшем оправдал с лихвой. Трудно определить, в каком качестве (в какой ипостаси) Хангери Ильясович достиг наиболее значительных успехов – как преподаватель и организатор учебного процесса в Карачаево-Черкесском Государственном университете, которому он посвятил больше тридцати лет, занимая последовательно должности старшего преподавателя, доцента и профессора, заведующего двух кафедр, декана филологического факультета и директора впервые созданного на базе университета Института филологии, или в академической филологической науке, которой он плодотворно занимался и в КЧГУ и в КБИГИ, где он уже двенадцатый год работает в должности главного научного сотрудника отдела адыгской филологии.

Несмотря на то, что Х. И. Баков признан одним из ведущих научных сотрудников Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований, он ведет активную научную жизнь, за что удостоен звания «Заслуженный деятель науки КБР», он все же тоскует по кафедре, за которой читал лекции по русской и зарубежной литературе, по теории литературы и иным дисциплинам.

Его как лектора почитали не только студенты, но и коллеги. Начальство, в свою очередь, не раз направляло на его лекции членов ряда комиссий, проверявших работу вуза. (Однажды на лекции по зарубежной литературе присутствовал секретарь Карачаевского обкома, Карачаево-Черкесского горкома КПСС.) Многие студенты Х. И. Бакова стали докторами и кандидатами наук, профессорами, заведующими кафедрами, проректорами, главными редакторами республиканских газет (среди них профессора С. У. Пазов – проректор по науке КЧГУ, Батчаев А. Х., Ионов З. Х. – зав. кафедрами; Х. Капушев – поэт, гл. редактор республиканской газеты «Карачай», А. Атуова – гл. редактор газеты «Ногай Давысы» и многие другие). В 1998 году одна из бывших студенток КЧГУ, доцент Джанибекова С. С. в республиканской газете «День Республики» опубликовала очерк о декане филологического факультета под

названием «Профессор», в котором процитировала многих его коллег, посчитавших своим долгом сказать теплое слово о профессоре Бакове. К этому названию можно добавить лишь эпитет «настоящий», которого достоин известный педагог.

Уже в самом начале работы в Карачаево-Черкесском Государственном педагогическом институте в начале 70-х годов, куда он пришел после окончания аспирантуры Института Мировой литературы молодым кандидатом наук, Баков Х. И. проявил свои педагогические и организаторские качества. Будучи куратором студенческой группы национального отделения филологического факультета, он за четыре года вывел ее на первое место в вузе, в качестве поощрения организовал поездку с ними на экскурсию в г. Нальчик, затем в г. Ленинград, где студенты посетили музеи, достопримечательные места, в том числе Эрмитаж. Несомненно, такое отношение пробуждало в студентах стремление к знаниям, любовь к искусству, к литературе.

Умение выводить вверенный ему коллектив на первое место – одна из бесспорных заслуг Х. И. Бакова. Он избирался два срока подряд деканом филологического факультета, и коллектив под его руководством непременно становился первым в вузе. Когда же факультет был преобразован в Институт филологии, его директором был назначен профессор Х. И. Баков. Усилиями ректора – профессора Койчуева А. Д.,

*Международная научная конференция. Майкоп, 11 октября 2014 г.
С л е в а: Берсиров Б. М., директор АРИГИ, д. ф. н., профессор (Майкоп);
Тхакушинов А. Ю, президент Адыгеи, доктор социологии, профессор;
Джамбекова Т. Б., д. ф. н., профессор (Грозный); Шаззо К. Г., д. ф. н.,
профессор (Майкоп); Ибрагимов Р. А., д. ф. н., профессор (Дагестан);
Баков Х. И., д. ф. н., профессор (Нальчик)*

проректора – профессора Пазова С. У., директора института – профессора Бакова Х. И. впервые в Карачаево-Черкесском госуниверситете на базе института создается диссертационный совет по специальности 10.01.02 – «Литература народов России», и его первым председателем утверждается Баков Х. И. Совет внес значительный вклад в дело подготовки литературоведов высшей квалификации. К его работе были привлечены известные ученые: К. Г. Шаззо (Адыгея), А. Х. Хакуашев и З. Х. Толгуров (КБР) и др.

Относительно педагогических заслуг, необходимо добавить к вышесказанному, что Х. И. Баков разрабатывал лекции и практические занятия как по литературе, так и по языку (несколько лет преподавал кабардино-черкесский язык, будучи заведующим кафедрой черкесской и абазинской филологии) и вводил их в учебный процесс. Он ежегодно организовывал и проводил семинары учителей родного языка. Надо отметить, что Х. Баков ряд лет был заместителем председателя комиссии РСФСР по работе кафедр и факультетов национальных филологий в вузах субъектов республики, обобщал опыт многих кафедр, участвовал в комиссиях по контролю уровня преподавания родных языков.

Большую пользу в становлении педагога и ученого принесло то, что Бакову Х. И. пришлось перечитать и переосмыслить множество произведений русской и зарубежной литературы, не говоря уже о публикациях местных писателей. Каждые пять лет он проходил курсы повышения квалификации по русской и зарубежной литературе в Ленинграде и Москве. Он скромно умалчивает, что на курсах по зарубежной литературе удостоивался отличных оценок, а однажды в Ульяновском Госуниверситете провел показательное практическое занятие по произведению Сент-Экзюпери «Маленький принц» на семинаре ведущих преподавателей зарубежной литературы из Москвы, Ленинграда, Иркутска, Киева, Минска и других городов. Много лет Х. И. Баков вел разработанный им семинар «Русско-зарубежные литературные связи», к которому студенты проявили большой интерес, поскольку в советское время, когда много информации скрывалось, им посчастливилось узнать много интересных фактов из жизни зарубежных, русских и северокавказских писателей на его занятиях. Так студенты вовлекались в исследовательский процесс, им прививалась подлинная любовь к чтению.

Результатом студенческих изысканий явилась дипломная работа «Лирика Алима Ханфенова», за ней последовала более широкая тема, охватывающая весь адыгский литературный процесс, о чем свидетельствует исследование. «Адыгские литературы и проблемы развития младописьменных литератур», защищенная в ИМЛИ как кандидатская диссертация. Для ее написания автор приезжал из Москвы в командировку в Черкесск, Нальчик, Майкоп. В Майкопе несколько раз беседовал с выдающимся адыгским прозаиком Темботом Керашевым. В результате добрую половину диссертации Баков Х. И. посвятил ему, хотя к тому

времени о Керашеве были написаны книги, диссертации, огромное количество статей, проведены научные конференции. Тем не менее, Х. Баков нашел собственное видение его творчества. Когда он представил диссертацию на обсуждение ведущему научному учреждению – в Адыгейский научно-исследовательский институт, заведующий отделом фольклора и литературы А. М. Гадагатль не только дал положительный отзыв, но в письме обратился к соискателю: «Если Вы разрешите, то мы опубликуем всю главу о Темботе Керашеве». Диссертант не ожидал, что 3,5 п.л. опубликуют в уважаемом научном учреждении.

После аспирантуры главными научными направлениями для Х. И. Бакова стали литература адыгского зарубежья, проблема национального своеобразия литературы, особенности и закономерности адыгской (кабардинской, адыгской, черкесской) поэзии. По ним он опубликовал десятки статей, проштудировал огромное количество текстов и литературоведческих трудов, выступал с научными докладами на конференциях. Над своей докторской диссертацией он работал долго, ее завершению мешало несколько обстоятельств: продолжительная административная работа в должности декана (более 12 лет), заведующего кафедрой (13 лет), разработка лекций по многим курсам (11 дисциплин). Несмотря на это, защита докторской диссертации «Национальное своеобразие адыгской поэзии и проблемы творческой индивидуальности» и монография, ставшая основой диссертации, принесли ему еще более широкую известность в литературоведении Северного Кавказа. Монография была удостоена Международной Кандуровской премии.

В чем причина успеха ученого? Во-первых, автор объединил в своем квалификационном труде две актуальные проблемы, за которые берутся не многие ученые. Вопросы национального своеобразия и самобытности – один из самых сложных в теории литературы. Этой проблемой в далеком прошлом занимались лишь единицы: И. Гердер, Г. Белинский, Д. Сикейрос, В. Брюсов, ближе к нашему времени – М. Храпченко, Ч. Гусейнов. Ее затронули из адыгских исследователей только Х. Теунов и Х. Хапсироков. Х. Баков сумел найти мост между национальным своеобразием литературы и творческой самобытностью отдельных крупных писателей, обладающих яркой творческой индивидуальностью, между «видением мира вещей» народа и его конкретного представителя, создающего художественную литературу. Во-вторых, в диссертации значительное место отведено анализу творчества адыгских писателей, живущих в зарубежных черкесских диаспорах. Ко времени защиты диссертации Х. Баковым были опубликованы значительные работы о поэзии и биографии зарубежных адыгов (М. Хафицэ, А. Схалехо и др.), но научный анализ литературы диаспоры впервые был осуществлен Х. Баковым. После выхода монографии ученого литературоведы народов Северного Кавказа активно включились в исследование литературы своих зарубежных диаспор. (На защите докторской диссертации Х. Бакова

в Махачкале в 1995 г. по проблеме литературы диаспоры было задано более десяти вопросов, что говорит об актуальности данной темы для литературоведения Северного Кавказа.)

Надо отметить, что монография «Национальное своеобразие и творческая индивидуальность в адыгской поэзии» – одно из самых цитируемых исследований в регионе, что ценится в современной науке.

Научно-исследовательская работа Х. Бакова активизировалась после его перехода на работу гл. научным сотрудником в Кабардино-Балкарский Институт гуманитарных исследований. И здесь он взялся за неисследованную, но значительную тему: о творчестве Б. К. Утижева. Борис Утижев талантливый драматург и публицист, но недооценивалась его поэзия, даже из числа ученых КБИГИ не все понимали масштабы его огромного таланта. Не рассчитал объема предстоявшей работы и сам Х. И. Баков: для завершения монографии понадобилось дополнительное время. И хотя очевидны были и степень новизны, и высокий уровень анализа, нашлись в самом секторе литературы люди, которые голосовали против, но большинство настояло на продлении срока работы над темой, посчитав ее важной для науки. После завершения и опубликования монография получила высокую оценку в периодике: «Литературная Россия» (Москва), «Адыгэ псалъэ», «Кабардино-Балкарская правда», «Голос Кабарды» (Нальчик), «Черкес хэку» (Черкесск), «Литературная Кабардино-Балкария». Эта книга стала предметом внимания телевидения и радио республики.

Именно в КБИГИ Х. Баков написал и издал другую монографию «Юмор и сатира в адыгской литературе» («Адыгэ литературэ. Гушылэмрэ ауанымрэ»). И по данной теме в адыгском литературоведении до этого не было ни одного значительного исследования, хотя в теории литературы и искусства она признается одной из важных. В монографии эволюция рассматриваемого явления исследуется на широком материале поэзии, прозы и драматургии, привлечены произведения многих кабардинских и черкесских художников слова, внесших весомый вклад в развитие данных жанров.

Заметным явлением стал также сборник избранных научных статей «Национально-эстетические аспекты изучения адыгской словесности» (2010). Отличительной чертой Х. Бакова является то, что он в своих исследованиях исходит из анализа конкретных текстов художественных произведений, избегая общих суждений, не подкрепленных фактами литературного процесса, чем грешат многие современные ученые, имеющие звания и степени. Вместе с тем, Х. Баков умеет находить актуальные темы и проблемы, типичные для всего литературоведения Северного Кавказа. Об этом свидетельствуют статьи в ВАКовских журналах о проблемах критики, истории и теории литературы (они указаны в перечне публикаций автора), а также доклады на научных конференциях: региональных, всероссийских и международных (часть из них также указана в перечне публикаций).

В многолетней работе в вузе и академическом научном институте профессора Х. Бакова значительное место занимает пропаганда научных знаний, консультации докторантов и руководство аспирантами, участие в советах по защите докторских и кандидатских диссертаций (АГУ, Майкоп, КБГУ, Нальчик), сотрудничество в работе Адыгской (Черкесской) Академии наук (он академик-секретарь историко-филологического отделения АМАН, действительный член АМАН с 1995 года). Он часто выступает в роли оппонента на защитах, пишет отзывы и рецензии на труды ученых. По актуальным вопросам сохранения и развития родного языка, проблемам литературного процесса Х. Баков часто выступает на телевидении, по радио и в периодической печати.

Обширна и многообразна публицистика ученого, им опубликовано множество статей в газетах КБР, КЧР, Адыгеи, в журналах. Они посвящены творчеству писателей, их юбилейным датам, общекультурным проблемам, вопросам сохранения и эволюции национальных языков, литератур, культур.

На актуальные темы литературоведения, жизни общества, вопросы истории, культуры, сохранения и развития родного языка Баков Х. И. часто выступает по радио и телевидению, и его выступления вызывают интерес у зрителей. С содержательными научными докладами уже много лет он выступает на международных, всероссийских и региональных конференциях в стране и зарубежом. Их география обширна: Москва, Петербург, Нальчик, Владикавказ, Майкоп, Карачаевск, Черкесск, Грозный, Магас, Ставрополь, Цхинвал, Турция (Анкара), Иордания (Амман) и др.

Главный научный сотрудник Х. И. Баков принимает на сегодняшний день активное участие во всех мероприятиях и научных проектах, осуществляемых сектором кабардинской литературы. Он один из редакторов и авторов академического издания «История адыгской (кабардино-черкесской) литературы» (два тома изданы, третий готовится к печати). Плодотворно работает и над коллективным трудом сектора, «Биобиблиографический словарь адыгских (кабардинских, черкесских, адыгейских и адыгского зарубежья) писателей». В рамках этого исследования им написаны статьи по 46-ти персоналиям, которые обсуждены и одобрены сектором.

Ученому 17 сентября 2015 года исполнилось 75 лет. Он один из активных исследователей проблем адыгской словесности, публикующих свои труды в рецензируемых изданиях, ВАКовских журналах и в периодической печати.

За добросовестный труд он награжден почетными званиями, многими почетными грамотами КЧР, Адыгеи, КБР. О его научно-педагогической деятельности написаны десятки статей. Х. И. Баков их заслужил своим усердием и талантом.

**«БУДУЩЕЕ –
В НАСТОЯЩЕМ»**

Интервью

Алим ПАШТ-ХАН – член Союза художников России, обладатель серебряной медали Российской Академии художеств

Самара САРАЛЬПОВА, режиссер, ведущая программ редакции вещания на русском языке «Согласие»

* * *

Наука и искусство должны быть двигателями эволюции общества. А искусство должно показывать, куда идти человечеству. Так считает мой собеседник Алим Пашт-Хан.

Сын знаменитого народного художника Германа Паштова Алим Пашт-Хан – член Союза художников России, получил академическое образование в Красноярском Государственном художественном институте по станковой графике. Закончил аспирантуру в Художественной Академии Бург Гебихинштейн в Германии по графике и скульптуре. Далее последовала аспирантура по медиен. Пашт-Хан – стипендиат ДАД, Генрих Бель фонда в Германии, обладатель серебряной медали Российской Академии художеств, стипендиат фонда по искусству Саксонии-Ангальт.

– Алим, ты в Германии как свободный художник или закреплен за какой-то студией?

– Меня пригласили в художественное учебное заведение советником по искусству и преподавать. Я там вел галерею, занимался оформлением разных мероприятий. Это был очень выгодный контракт. Я в первый год был задействован один раз в неделю, а во второй год – два раза. Но даже такой свободный график сковывал меня в моих творческих задачах и идеях. Мне не хватало времени, и пришлось оставить это учебное заведение. Сейчас я – как свободный художник. Ни к чему не прикреплен. Я сам организовываю выставки, участвую. Летом был приглашен на интернациональный симпозиум в Калле. Это очень крупный фарфоровый завод. Нас было двенадцать человек. Я был приглашен от России.

– Но ты приезжал сюда с какой-то студией, когда у нас в республике были Дни Германии.

– Это мои близкие друзья, с которыми я дружу давно. Это одна из самых успешных дизайнерских групп в Германии. И когда мне сделали запрос, кого бы я смог предложить, я, конечно же, предложил их.

– ***Скажи, пожалуйста, Алим, Европа для тебя – это возможность свободно творить или возможность жить за счет свободного творчества?***

– На данный момент – возможность делать то, что мне интересно. Это какие-то современные для этой территории, но не очень современные направления для Европы. В этих направлениях сложнее быть приглашенным на выставки, также сложно, чтобы оплачивали эти выставки, да и еще покупали бы работы. Это все в данный момент возможно там. Там я общаюсь с самыми современными направлениями и художниками. Это меня обогащает.

– ***Для тебя важна реакция зрителей? И если это важно, то эта реакция в дальнейшем направляет твоё творчество?***

– Я считаю, что реакция зрителя в любом случае важна. Если кто-то говорит, что не важно, это не так. Для чего делается искусство? На кого действует оно? В зависимости от того, насколько они воспринимают, настолько и влияет. Есть художники, которые не думают о зрителях. Некоторые делают работы и не показывают. Это реализация себя без последующей передачи непосредственно зрителю. Я тоже особо не задумываюсь. Когда я привез сюда свои работы, не думал, что привезу новые направления и этим удивлю людей. Мне это не нужно было. Мне нужно было просто показать свои работы. Когда я их показывал, мне было очень интересно наблюдать за реакцией людей. Здесь зритель другой, он еще не привык к техническим новшествам. Но это и не важно... Есть какой-то контакт, какое-то восприятие, эмоциональное восприятие. Интересно было, когда люди выходили с разными восприятиями: от самых негативных до самых позитивных. Ни в том, ни в другом случае это не плохо.

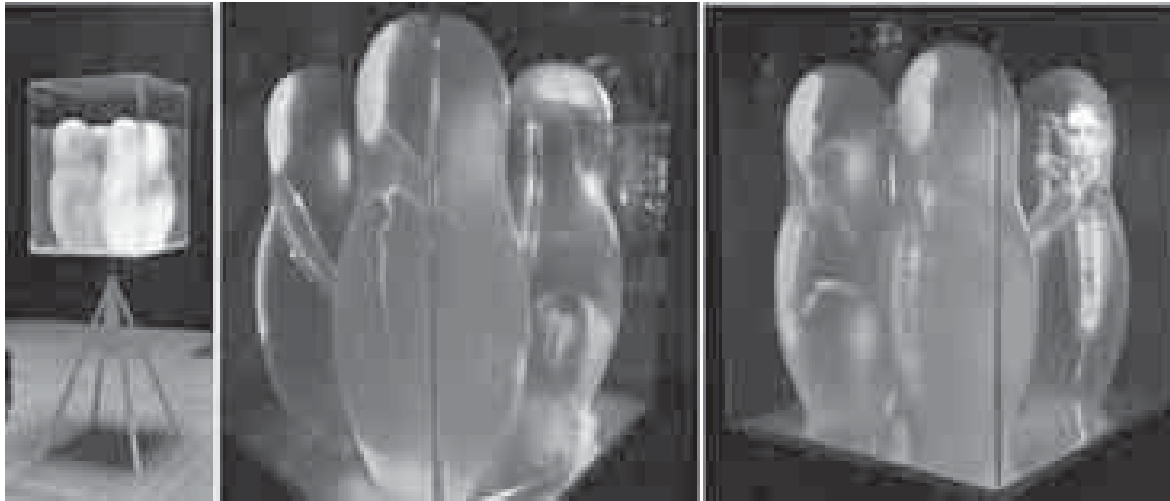
– ***На недавней встрече со студентами СКГИИ в Нальчике ты сказал, что идея будущего произведения появляется в тот момент, когда появляется муза. В какие моменты этот процесс у тебя происходит?***

– Это происходит в процессе работы. Это у меня не происходит, когда я где-то нахожусь вне работы. Это не происходит. Когда я углубляюсь в свою идею, работу, и то, что я делаю, имеет какую-то силу, оно меня вводит в такую форму. И вот в этот момент, когда создается что-то интересное, появляются интересные ощущения. И кто хоть раз почувствовал такие ощущения, потом не хочет это потерять. Этот момент происходит, когда соединяется много процессов гармонично. Тогда появляется такая сильная форма, которая начинает тебя двигать дальше.

– Вообще любая энергия, в том числе и творческая, ищет какой-то сосуд, который хочет наполнить собой. Это напоминает и твой сосуд из видеоинсталляции «Мутаре». Сосудом является и сам человек. Он же тоже все время набирает знания, опыт. Получается, от человека самого зависит все?

– Конечно, разные варианты бывают. Бывает, что с детства приходит что-то, но надо и с детства этим заниматься.

– Особое внимание студентов СКГИИ привлекла видеоинсталляция «Мутаре». То же самое было и в 2006 году на выставке. Особенно выделили «Гранат». Когда ты говоришь об этом произведении, ты говоришь, что это вхождение во внутренний мир человека и уничтожение. А я в этом вижу еще и третью сторону – это появление еще раз.

– Я не говорю, что гранат – это вхождение и разрушение. Гранат – это одна из частей «Мутаре». Только в гранате эта мысль проходит. Происходит уничтожение, потом – возрождение. Так же, как в природе. Любая часть природы проходит свой цикл и возвращается к началу. Точно так же, как уходит в землю и рождается еще раз. Так и в гранате – из этих семян, из сока вновь возрождается что-то новое и снова проходит этот процесс.

В «Мутаре» четыре части, и каждая часть проходит этот процесс и снова возвращается к началу. Для меня важно, что все четыре части являются частями одного субъекта, о котором идет речь.

– В 2015 году в Германии в музее Лейхтенбург выставлена самая высокая фарфоровая ваза в мире под названием «Арура». Автор произведения Алим Паит-Хан. Уникальная ваза состоит из 360 маленьких фарфоровых vaz, напоминающих пчелиные соты. Толщина стенки деталей составляет 6 мл. Каждая ваза весит 4 кг и расписана кобальтом и золотом вручную. Двенадцать модулей, золотых и кобаль-

товых, спиралью поднимаются вверх на тридцать этажей. Семь уровней вазы составляют: кристаллы и камни, бактерии и клетки, растения, насекомые, животные, человек и космос. Произведение, по словам автора, олицетворяет общую картину возникновения и развития жизни на земле.

Директор музея Ульрике Кайзер отметила, что ваза превзошла все ожидания. Благодаря российскому художнику как бы соединяются Россия и Германия.

– Да, это была интересная находка. Каждая ваза имеет свою идею и потом вместе со всеми раскрывает одну общую идею. Этой работой я показываю то, к чему человек должен приблизиться. Человек мало изучен. Этой работой призываю обратить свое внимание на внутреннее его развитие и на природу. Если мы осознаем, что мы все люди одной планеты, то нечего будет делить.

– Твои работы хранятся в Штутгартской галерее, в Остробаттиан-музее в Финляндии, в музее Саксонии-Ангальт, в замке Нойгартерслебен в Германии, в Российской Академии художеств, в изобразительном музее в Дивногорске и в Фонде культуры города Нальчика. Но находясь там, ты почувствовал себя европейцем? Как ты живешь среди немцев?

– Европейцем можно быть, и не выезжая из республики. Это просто другое понимание жизни. Можно также находиться в центре Европы и быть совсем не европейцем. То, что я там живу достаточно давно, не означает, что мое мышление стало европейским. Находясь там, я знаю, как там люди живут. Я знаю, как и здесь люди живут. Для меня это основная часть моей работы – осмысление, переработка этого и выражение. Я надеюсь, что могу высказать то, что здесь интересно или что там интересно. Может быть, я там нахожусь как проводник. Я могу здесь увидеть и передать то, что там не понятно или то, что там интересного есть здесь показать. Я вижу много недостатков в Европе, которые здесь еще не развиты. То же самое и здесь. И синтез разных культур влияет на меня. Я пытаюсь мыслить в разных направлениях. Я стараюсь, чтобы мышление у меня было и европейское, и кабардинское, и российское. Это все впитать в себя и переработать.

– Получается?

– Я стремлюсь к этому. Во всяком случае, я надеюсь, что благодаря моим произведениям люди увидят что-то нужное, что, возможно, облегчит им жизнь.

– Бывает, что видят?

– Бывает. Была выставка, и я там выставил инсталляцию «Бадыноко» из Нартского эпоса. У нартов тоже была традиция скидывать стариков с горы до тех пор, пока Бадыноко не осмелился пойти против

нее. Бадыноко спрятал его в горах. Потом его отец помог нартам своими советами, передавая их через сына. Он спасал их во время многих сложных моментов. Так они поняли, что сила не только в том, чтобы воевать, а сила еще и в мудрости и опыте. Я хотел как раз это показать, чтобы немцы задумались. Связей между родителями и детьми уже нет. Я хотел показать, что черкесы не потеряли уважения к своим старшим.

– По моим наблюдениям, в вашей семье эти связи очень крепкие между родителями и детьми. Вы подолгу находитесь в разных культурных плоскостях. Когда вы возвращаетесь домой, ваши взгляды на какие-то вещи разнятся, споры возникают?

– Всегда возникают какие-то споры. Я считаю это нормальным, когда мы с сестрой или мамой думаем по разному о каком-либо предмете, явлении. В споре приходим к чему-то истинному. Но это не значит, что мы абсолютно разные точки зрения имеем. Но у нас так мало времени бывает, что мы ценим это время и пытаемся насладиться этим.

– Алим, свою дальнейшую творческую, жизненную деятельность видишь в Европе и только там?

– Германия – это не определенное место моей творческой деятельности. Очень часто я бываю здесь. Это очень для меня важно, и это неотъемлемая часть моей работы. Я думаю, что моя сфера деятельности будет расширяться и территориально. Я могу представить себе, как я делаю выставки в разных странах. Я надеюсь, что буду также находиться и на Кавказе, и в России, и в Германии.

Каждый человек на своем пути набирает разное и по-разному. А мне хочется вспомнить слова немецкого философа Мартина Бубера о том, что творческая энергия – есть подлинный источник искусства. К человеку подступает образ и хочет через него воплотиться. И если человек в состоянии принять это и принимает, то хлынет творящая сила и родится произведение.

И потому можно смело сказать, что, на мой взгляд, наш герой Алим Пашт-Хан относится к тем, кто может принимать эту творческую энергию и увеличивать количество света на этой земле.

Александра ГИРЕНКО

Александра Сергеевна Гиренко родилась 10 декабря 1985 года в г. Прохладный КБАССР. В 2007 году с отличием окончила Пятигорский Государственный лингвистический университет по специальности «Теория и методика преподавания иностранных языков и культур». Работает учителем английского языка в МБОУ СОШ № 4 им. А. Г. Головки г. Прохладного. Публиковалась в газетах «Прохладненские известия», «Мы и Город», «Пятигорская правда», в поэтическом альманахе «Эльбрус». Член городского творческого объединения «Золотое перо».

Прикормила я волка

Прикормила я волка – угрюмого, серого.
 Вся деревня кричала мне: «Что ты наделала?!
 Приютила ты смерть у себя на крылечке...»
 Одинокое ночи, коптящая свечка,
 Да игольчатый мех, да глаза исподлобья...
 Лишь бы только тебя не убили по злобе.
 Присмирившая ярость свернулась в клубочек.
 Ты не тронешь меня, мой приемный сыночек.
 А глаза у тебя – будто осень, тоскливые,
 Светят в мокрую тьму золотистыми сливами,
 А завоюешь – так в дрожь, даже сердце заходится...
 А в моей конуре никого и не водится.
 А расчешешь твой мех – так лоснится, как шелковый.
 Поживи-ка с мое – обрастешь кривотолками...
 Пусть их... Ночи спокойней от волчьего воя –
 Значит, можно повить над лихою судьбою,
 Значит, выйду с тобой посидеть на пригорке –
 Видишь, месяц застыл апельсиновой коркой?
 Видишь звездный узор из мерцающих точек?
 Это все – мои сны, мой приемный сыночек...
 А вот видишь, рубец у меня на ладони?
 Понесли меня в пропасть крылатые кони.
 Видишь шрам на виске, прорисованный тонко?
 Ах, как пела сирена – и сладко, и звонко...
 Умирает закат на руках моих грубых.
 Он когда-то любил целовать мои губы,
 Говорил, будто волосы пахнут полынью...
 Что ты можешь понять своим сердцем звериным?

Ничего-ничего, не грусти, мой сыночек –
Он особенный был, не чета этим прочим.
Видишь, там, высоко, где летучие мыши,
Где кусочек небес над прогнившею крышей,
Кто-то бросил дорожку из млечного света?
Это он от меня не дождался ответа.
Все, что было, прошло. Не осталось ни капли.
Только осень, болота, лягушки и цапли,
Только дым и огонь, да усталые плечи,
Да непоеный день, да некормленный вечер...
Видишь, облако тает над сонной долиной?
Если хочешь, беги за волками, мой милый.

Алхимик

Я служу тебе верно, а ты превращаешь металл
В бесполезные сплавы и ищешь какой-то секрет...
Ты не вспомнишь о том, что не ел и безумно устал,
Если я не поставлю тебе перед носом обед.
Наяву ты бормочешь и страшно кричишь по ночам –
Я тебя торможу, чтобы выслушать твой монолог...
До утра у тебя на столе догорает свеча,
До утра ты ступаешь по пеплу нездешних дорог.
А еще иногда, если очень уж я разворчусь,
Ты колдуешь над тиглем и хитро глядишь на меня –
А когда ты кладешь туда сказку и легкую грусть,
Получаются чудные бабочки цвета огня.
Я молчу, я боюсь их спугнуть – и стою, не дыша.
Ты негромко смеешься опять над восторгом моим –
И пернатые крылья во мне расправляет душа –
В сотый раз вспоминая, за что ты до гроба любим.
Философия камня... Безвкусный напиток богов...
Ты опять засыпаешь, и ярко пылает свеча.
Я смотрю на танцующих в желтом огне мотыльков
И несмело касаюсь такого родного плеча.

Чертополох

Какой я шотландский символ?!
Цветок у большой дороги.
Телеги, копыта, ноги,
Объедки, остатки пива,
А часто – еще похлеще,
А я тут – такой колючий.

Меня сапогами хлещут,
Ругаются вслед: «Живучий!»
А я – до чего нелепый! –
Из самых глубин тернистых
Цветок выпускаю в небо –
Пушистый, красивый, чистый.

Пускай никому не нужный,
Изгой в полевом букете...
Мою недотрогу-душу
Не каждый в пыли заметит,
Не каждый пройдет и плюнет
В попытке сорвать и бросить,
Меня воробей не клюнет,
Меня и коса не скосит.

Но может быть, чьи-то пальцы
Однажды меня коснутся
Не с тем, чтоб за стебель взяться,
Не с тем, чтоб под нос ругнуться,
А просто цветок погладить,
Пушистую тронуть душу...
С таким бы я вмиг поладил –
Да только кому ж я нужен?

* * *

Мне солидных одышливых пятьдесят,
Не subtilen, и в дверь прохожу бочком,
И к дождю все косточки голосят,
И с тоскою близко совсем знаком.

Я читаю лекции на предмет
Мировой ненужности никому,
Потому что читателей больше нет,
И на всю страну осталась одна Муму.

Мировая, видишь ли, экий финт,
А студенты попросту – мир. лит-ра –
Ну а я – и Гамлет, и Лир, и Тит,
Иногда – Кассандрой проснусь с утра.

В лекционном зале царит покой,
Отмечать не буду – души, стреляй!
Заскрипела кафедра под рукой,
А они с усмешкою, мол, валяй...

Их на курсе ровно сто пятьдесят,
А ко мне на лекции ходит семь.
Ровно пять из них не хотят писать,
Ровно два из них не придут совсем.

На зачет – с деньгами, как в магазин,
Не возьму – так жалиться побежит.
И брожу Иудой среди осин,
Выбираю, где симпатичней вид.

А она сидит, и не сводит глаз,
И чего-то пишет в свою тетрадь...

Горожу дворцы из банальных фраз –
Это все, что можно еще отдать.

Я давно записывать перестал
Эти перлы – этих, кто сам сдает...
В небесах парит старикан-Дедал,
А Икар – вот рохля-то! – отстаёт,

И отец Эдипа – не Лай, а Гав,
Где инфанта? – где ж она, черт возьми?!
Я давно упрятал мечты в рукав,
Я устал... Пойми же меня. Пойми.

Появилась... Кутается в пальто
И сияет. Как я тобой унижен!
Я почти ненавижу тебя за то,
Что когда-нибудь я тебя не увижу.

* * *

В комнате у окна
Пляшет тепло свечи.
Странная тишина –
Будто сам Бог молчит.
В комнате тишь и грусть,
В комнате я и кот.
Губы бормочут: «Пусть»,
Сердце чего-то ждет.
Глажу кошачью шерсть,
Пью свой зеленый чай.
Кажется, скоро шесть –
Спать надо по ночам,
А не сидеть в окне,
Страхи свои встречать,
Сказки шептать луне,
Звездных считать зайчат,
Скачущих в облаках
Прямо на Млечный Путь...

Мне бы в твоих руках
Хоть на чуть-чуть заснуть.
Сыплется тишина
Мне на ладонь песком.
Я не совсем одна,
Я со своим котом.
Мягко стучишься в грудь
Вымучившей строкой.
Тихо, боясь спугнуть,
Делаю знак рукой –
Радость моя, входи,
Только тебя и ждем.
Рядышком посиди,
Чаю тебе нальем.
Любишь зеленый чай?
Ну, хоть меня-то – да?
Ладно, не отвечай.
Лучше погладь кота.

Валерий КРУШЕЛЬНИЦКИЙ

Верность

Рассказ

...Сибирская тайга. Безбрежный зеленый океан, изредка прорезаемый голубыми нитями больших и малых рек, синими пятнами озер.

Величественные сосновые боры, тянущиеся иногда на десятки километров. В них даже в ненастную погоду все как будто пронизано золотисто-желтым солнечным светом, всегда тепло и покойно. Еловые леса, растущие, как правило, в распадках гор, лощинах и низинах, по берегам рек и речушек, в болотистых местах, – мрачны, неуютны и холодны. Березовые, осиновые рощи – как яркий девичий хоровод. В них – трава по пояс, буйное, яркое разноцветье, папоротник выше человеческого роста. Все это, вместе взятое – тайга. Дикая, буйная, непередаваемой красоты, загадочная. И кто побывал в ней хоть короткое время, кто ночевал на берегу таежной речушки под потрескивание костра и ласковый шепот волны на прибрежном галечнике, на кого глядели с бездонного черно-синего неба желтовато-голубые звезды, тот никогда не забудет тайгу, и всегда будет она его манить к себе, звать и тянуть, сколько бы лет назад он с ней ни расстался.

* * *

В том далеком уже 1958 году я, после окончания девяти классов, пошел на лето в геологическую партию, чтобы заработать на школьный костюм, сапоги, да и что-нибудь принести домой. Дали мне рюкзак, в который я должен был складывать геологические образцы, лопату, которой эти образцы – через каждые 200 метров, из ямки, глубиной не менее 50 сантиметров – надо было добывать, и наш небольшой, в шесть человек, геологический отряд на долгие три летних месяца ушел в ангарскую тайгу...

Каждый день пребывания в ней мог бы быть темой отдельного рассказа. Здесь были встречи и с хозяином тайги – медведем, и грандиозный лесной пожар, в котором мы все чуть не погибли, и катастрофа на реке, при которой пропали почти все наши продукты, и почти полтора месяца нам пришлось питаться горохом без соли да тем, что добывали в тайге. Я же хочу рассказать о встрече, которая длилась всего три дня, но осталась в памяти на всю жизнь, и чем старше я становлюсь, тем отчетливей вижу все, очевидцем чего стал.

– Ну, ребятки, еще немного, еще несколько километров, и станем на дневку. Отдохнем, приведем в порядок геологические маршруты, рассортируем собранные образцы. Тут неподалеку деревушка Соболевка. Правда, насколько я знаю, она давно уже заброшена. Люди ушли на Ангару в Завьялово. Это километров за тридцать от Соболевки. Но, думаю, один-два дома в ней все же еще сохранились. Так что крыша над головой у нас будет, – Николай Константинович Чудаков, высокий, седой как лунь начальник нашего отряда платком вытер мокрую шею и лицо – солнце палило нещадно, сложил лежавшую на коленях карту, вложил ее в планшет и встал с пня, на котором сидел.

Все облегченно вздохнули. За почти месячное пребывание в тайге мы соскучились по человеческому жилью. Поэтому встреча с деревней, пусть и заброшенной, ожидалась с нетерпением.

Деревня, вернее, то, что от нее осталось, открылась сразу, как только мы вышли из леса на широкую, залитую солнцем поляну. Длинным серым шлейфом протянулась Соболевка по ее краю, тому, который примыкал к лесу. Мы шли по улице, ставшей, по существу, продолжением поляны. Полуразвалившиеся и совсем развалившиеся дома, пустые глазницы окон, провалившиеся крыши и упавшие заборы. Все это было густо переплетено чертополохом, крапивой, доходившей мне почти до плеча, диким малинником. Везде были запустение и заброшенность. Но вдруг, как по команде, мы остановились. Показалось, что впереди, там, где улица делает поворот, тявкнула собака. Услышать собачий лай в этом забытом Богом и людьми месте было настолько неожиданно, что мы, не сговариваясь, бросились вперед. Проскочив поворот, мы замерли в немом удивлении. Метрах в двадцати впереди нас, возле потемневшей от времени и непогоды избушки, с почти вросшими в землю оконцами, стояла высокая, худая старуха, в черном до пят одеянии, делавшем ее похожей на монашку. Возле ее ног крутилась и злобно лаяла на нас небольшая черно-белая собачонка с загнутым крендельком хвостом.

Приставив лодочкой ладонь к глазам, старуха смотрела на нас. Смотрела спокойно, без каких-либо признаков удивления или растерянности. Мы же в немом изумлении – кто ожидал встретить в глухой заброшенной деревне человека, да еще старую женщину, – тоже смотрели на нее, смотрели растерянно и в первые мгновения даже не знали, что делать. Из оцепенения нас вывела собачонка, которая, несмотря на малый рост, злобно насканивала на нас, громким лаем защищая хозяйку. И тут мы услышали глуховатый голос старухи.

– Хватит, Дамка, перестань. Хватит, кому говорю, – прикрикнула она на собаку. – Что остановились? Не ожидали живую душу встретить? Не стойте, не стойте. Проходите во двор, коли добрые люди. Вижу, притомились, по лесу шастая.

Старуха еще раз прикрикнула на собаку и широко растворила дощатую калитку, пропуская нас во двор.

* * *

Сняв рюкзаки, мы расселись на березовых сутунках, лежавших на траве, блаженно вытянули уставшие от многодневной ходьбы по тайге ноги. Николай Константинович и Миля, выпускница Томского университета, геолог нашей партии, пошли в дом, куда перед этим зашла старуха. Через несколько минут они вышли.

– Ну, ребятки, давайте рюкзаки под навес. Будем отдыхать. Устинья Ефимовна, – Николай Константинович показал рукой на вышедшую из избытки старую хозяйку, – приглашает нас в гости.

– Девчата, – Чудаков кивнул в сторону Мили и Маши Рукосуевой, второго геолога нашего отряда, – беритесь за обед. А вы, – начальник отряда указал на меня и моего товарища, одноклассника Вальку Седых (через несколько лет он погиб в экспедиции – утонул в реке), – топоры в руки и за дровами. Ты, Роман, займись лошадьми. (В отряде было четыре лошади, на которых перевозили продовольствие, геологические приборы, образцы, небольшую походную рацию. За ними глядел старый цыган – Роман.)

За разбивкой привала, приготовлением обеда незаметно прошло несколько часов. И за еду мы сели, когда солнце уже стало садиться за вершины близлежащего леса. Девчата накрыли стол в комнате, куда нас пригласила баба Устя. Так стали мы звать, за исключением нашего начальника да старого конюха, встретившую нас старую женщину. Когда мы сели за стол, Николай Константинович незаметно подмигнул Роману, и тот вытащил из кармана плоскую алюминиевую фляжку. Налив бабе Усте, себе и Роману в мутного цвета толстые стеклянные стаканы разбавленного спирта, плеснув несколько капель в стакан Мили, остальным по молодости лет выпивать не полагалось, Николай Константинович встал.

– Устинья Ефимовна, по правде говоря, не ожидали мы в Соболевке встретить живого человека. Тем приятнее и в то же время очень удивительно для всех нас было увидеть здесь вас. Мы не знаем, что заставило вас одной остаться в этой заброшенной деревне, и все же я хочу выпить за вас. Спасибо вам за гостеприимство и доброго вам здоровья.

Обедали мы долго, торопиться было некуда. Солнце уже село за лес. Густые тени потянулись от него, затопили избытку, отчего в комнате стало темно, и баба Устя зажгла старую керосиновую лампу, предварительно взболтнув ее, проверяя, много ли в ней керосина.

– Ты вот, мил человек, спрашиваешь, почему я здесь, что делаю в пустой деревне. А как же мне быть по-другому? Ведь я жду своего сына.

Ванятку моего ненаглядного. Он у меня один. Придет домой, а мамки нет. Разве это порядок?

– А где же ваш сын? – осторожно спросил цыган.

– Как где? – баба Устя удивленно посмотрела на него. – На войне он у меня был. Как все. С нашей деревни всех мужиков тогда забрали. И хозяин мой, Василий Степанович, и сынок ушли на фронт.

– Так, Устинья Ефимовна, война уже давно закончилась. Тринадцать лет, почитай, с той поры прошло.

– А я, мил человек, хорошо знаю, что война давно закончилась. С фронта в ту пору пришли мой хозяин, Фролка Глебов да Василий Воскобойников. Всея деревней встречали своих солдатиков. И смеялись, и плакали. Ушло эвон сколько мужиков, целый обоз снарядили тогда в Богучаны, а вернулось всего трое, да и те пораненные-покаленные. Правда, через несколько лет, году, наверное, в 50-м, вернулся еще Харлампий Жуков. Вот радости-то на деревне было. Анюта, его жена, дождалась своего Харлампия. А некоторые бабы нашептывали ей: «Пропал, мол, твой мужик, не дождешься». Анюта ладная баба была, в молодости на нее многие заглядывались. Да ей, кроме Харлампия, никто не нужен был. Верная ему была, вот и привалило ей счастье за это. Да и я радостью обделена не была. Всю войну письма получала от мужа и сына. Хозяин мой вернулся живой, хоть и сильно пораненный. Он у меня герой был, чистый Чапай.

Баба Устя улыбнулась, встала из-за стола, ушла за занавеску, отделявшую часть комнаты с печью от остальной, «чистой», где стояла ее кровать. Вскоре она вышла оттуда с двумя фотографиями в простых фанерных рамках, поставила на стол. С одной смотрел на нас бравый мужчина в солдатской пилотке, с лихо закрученными большими черными усами. С другой – улыбался совсем молоденький паренек, удивительно похожий на отца.

– Вот мой хозяин, мой Василий Степанович, – глухо проговорила баба Устя и узловатыми, потемневшими от времени и работы пальцами, ласково и нежно погладила солдатскую фотографию.

– Ведь он что, когда пришел с фронта, сказал мне, что уже в Германии, город-то я и позабыла, встретил Ванюшку. Он с солдатами куда-то ехал, и встреча их была всего несколько минут, пока машину ихнюю налаживали. Что-то в ней сломалось. Вот Ванятка и сказал тогда отцу, что обязательно придет с фронта домой и чтобы я его обязательно дожидалась. И еще он сказал, что сильно меня любит, скучает по Варюхе, это девчонка была соседская, они любили друг друга. Наказал сынок отцу, чтобы мы ждали его и чтобы ничему не верили. Вернется он домой живой и здоровый, обязательно вернется. Как мне было не послушать своего Василия Степановича, как уехать из родной деревни, не дождавшись своей кровиночки. – Баба Устя,

подперев голову рукой, задумчиво и грустно смотрела на фотографию своего Ванятки, и по ее морщинистой щеке скользила слезинка.

* * *

Сморенные дневной усталостью, сытным обедом, перешедшим в ужин, мы быстро заснули, расположившись на матрацах, разложенных бабой Устей прямо на полу. Проснулись поздно, когда солнце уже стояло высоко в небе. Бабы Усти в избе не было, не было ее и на дворе.

– Миля, ты не знаешь, где может быть Устинья Ефимовна? – спросил Чудаков у своей помощницы.

– Нет, Николай Константинович, не знаю.

– Я знаю, – проговорил Роман, – она здесь недалеко, на кладбище. Пойдемте, я провожу вас.

Мы пошли за нашим конюхом. Идти пришлось совсем недалеко. Деревенское кладбище было расположено почти рядом с домом бабы Усти. Мы увидели ее сидевшей на низкой скамеечке возле двух могил, не в пример другим ухоженным и обнесенным невысокой деревянной оградой. Мы тихо подошли к ним. Ушедшая в свои мысли баба Устя не заметила нас. Она сидела тихо, молча глядя на простые деревянные памятники, один из которых венчала красная жестяная звездочка. На другом был венок из живых цветов. Но меня удивили не живые цветы, а фотография девушки. Я был поражен ее красотой. Широко раскрытые глаза, чуть припухлые девичьи губы, прямой, очень аккуратный нос, толстая русая коса, небрежно лежащая на плече, и легкая улыбка делали ее лицо настолько выразительным и обаятельным, что оторвать взгляд от него было очень трудно.

Баба Устя приподнялась со скамеечки, коснулась рукой могилы с солдатской звездочкой, легко погладила холмик, глухо проговорила:

– Ну, здравствуйте, Василий Степанович, здравствуй, Варюшка, как ночевали? Я-то совсем плохо спала. Нынче у меня в доме гости, рассказала я им о вас и Ванюшке. Разбередила сердце-то. Истосковалась я, Василий Степанович, по сыночку нашему. Что же он не идет? Я его жду-жду, и его все нет. Боюсь, не дождусь, помру. Как он останется один-то на земле, без нас? А дома у меня, Василий Степанович, пока все хорошо. И картошка есть, и варенье еще прошлогоднее осталось. Да и мука, соль и сахар есть. А по осени снова ко мне из Завьялова приедут. Керосину привезут, дров на зиму напилют. Вот я и перезимую, если Бог даст. Снова буду рядом с вами. Вы уж не скучайте. Скоро мы встретимся. Здоровье-то у меня худым стало. Часто вас во сне вижу, давно, может, и пришла бы к вам, да Ванюшка меня держит. Дал же слово домой прийти. Придет, а мамки нет. Кто его обогреет, кто доброе слово скажет? Вот и жду его, и к вам не иду. Вы уж не обижайтесь на меня старую.

Ванюшка-а-а, сынок, кровиночка моя, боль ты сердешная, где ты, родной, аль не видишь, не слышишь, как старая мать убивается по тебе?

Приди ко мне, ведь война уже давно закончилась, – вдруг в голос закричала баба Устя и, обхватив руками обе могилы, упала между ними.

Я невольно отшатнулся и оглянулся. Миля и Маша, обнявшись, не скрывая слез, плакали, по щекам Николая Константиновича, казавшегося мне всегда сухим и строгим, тоже текли слезы. Старый цыган стоял недалеко от нас, уткнувшись головой в лошадиную гриву.

* * *

У бабы Усти мы пробыли три дня. Наши девушки перемыли, перестирали все бабушкины вещи. Мы с Валькой перепилили березовые бревна, лежавшие на дворе, перекололи и сложили дрова в длинную поленницу. Уходя, оставили бабе Усте пол-ящика мясной тушенки, сгущенного молока, чаю и сахару. Николай Константинович предложил ей помощь в переезде в Завьялово, но Устинья Ефимовна наотрез отказалась.

– Спасибо тебе, добрый человек, за хорошие слова. Но куда я отсюда пойду? Здесь мой дом, здесь мой Ванюшка первые шаги сделал, здесь мой хозяин лежит и Варенька, которая стала бы мне невесткой. Как же я их брошу? А вдруг мой Ванюшка еще придет, ведь наказывал его ждать. Нет, отсюда я никуда не уйду.

Наша дорога лежала мимо кладбища. Было раннее утро. На траве лежала густая роса, было по-утреннему прохладно. Пройдя несколько шагов, я оглянулся. Баба Устя стояла возле могил, у ее ног крутилась Дамка. Вырвавшийся из-за облаков луч солнца ярко осветил звездочку на солдатском памятнике. Облив его багряным цветом, задержался на фотографии девушки с тяжелой русой косой и большими глазами, грустно смотревшими нам вслед...

* * *

С тех пор прошли годы. Я тогда многого не понимал, и многое проходило мимо меня. Но теперь ясно вижу и понимаю, что именно такие люди, как Василий Степанович, баба Устя, их сын Ванятка, его несостоявшаяся любовь Варя, миллионы им подобных – соль земли русской. Они победили в страшной войне, выстояли в трудной, подчас невыносимо тяжелой жизни, потому что у них была вера в то, что они делали, потому что высоко ценили такие человеческие ценности, как любовь к родной земле, верность данному слову. И если бы сегодня я увидел бабу Устю, то низко ей поклонился, поклонился за ее верность земле, на которой она жила, за великую любовь к сыну. Но я понимаю, что это невозможно, и остается у меня лишь память о материнской любви, которая не знает ни границ, ни преград, память о верности родной земле и близким людям.

Саладин ЖИЛЕТЕЖЕВ

На подборе колосков

Рассказ

Всякий раз, глядя на поле, истерзанное войной, я верю в то, что у земли есть душа. Гряды лежат измученные, стиснутые тяготами, скомканные горем. Так было. На черноте поля желтели большие желтые круги – глина, выбитая из глубины бомбами. Были и серые круги – следы пожарищ, они не зарастали травой. Не до конца ещё были убраны с полей обломки танков и снарядов, что ни ночь – вздрагивали во сне люди, которым предстояло ещё долгие годы помнить, носить в себе ужасы войны. Но жизнь тем не менее продолжалась, главной кормилицей рода людского по-прежнему оставалась Мать-земля, и первым делом люди – все, кто мог вдеть ногу в обувь, – взялись за возрождение её, за уничтожение следов проклятой войны.

«Нет вола – впряжешь теленка», – говорят адыги. Женщины, лишившиеся мужской помощи и защиты, брались за такое, что не всякому мужику под силу могло быть. А подростки взваливали на свои неокрепшие плечи такую ношу, что не всякий взрослый мог с ними потягаться. Старики и старухи, стараясь не думать о годах и немощи своей, тоже тянули в одной упряжке со всеми. Весь люд был в поле – стар и млад: кто плугарем, кто погонщиком, кто на подхвате, – кто что мог, и каждый надеялся на милость и щедрость Матери-земли.

Едва успевал сойти снег, как в поле появлялся народ, быстро расчищал землю от сорняков, чтобы в нужный день, не мешкая ни одной зари, народом же выйти в поле, как на праздник, и проложить первую борозду. Но чаще всего исхудалые колхозные лошади да волы не могли осилить всей работы, и землю распределяли по домам, и тогда выходили в поле взрослые и дети с лопатами – докапывать колхозное поле, что не под силу стало животным.

Немца изгнали ценой невероятных усилий, люди были разбиты горем и лишениями, но все же нашли в себе на удивление много силы, чтобы выстоять в следующем бою – за возрождение. Голодные бессонные дни и ночи шли один за другим, но никто не роптал, всякий делал всё, что в его силах, и дума у всех была одна: вернуть Родине её силу и изобилие, людям – радость жизни. Но, сколько они ни бились, истощенная земля давала мало. Настолько мало, что люди голодали. Мало кому удавалось перекусить в день три раза хоть чем-нибудь. И потому, едва начиналась уборка зерновых, детишки высыпали на поля. Чего стоило принести в дом колосков хотя бы на горстку зерна! Только и это не разрешалось. Колхозников пускали следом за ком-

байном – подбирать полегшие колосья, которые оставляла машина, или оброненные колоски. Потом все перемолачивалось вместе. Ни один колосок не пропадал в колхозе, урожай собирали подчистую. И всё равно не хватало. Голод и лишения возбуждали в людях алчность. Всякий старался что-нибудь прихватить где-то и принести в дом. Дети ходили с той же думой. Частенько нас, ребяташек, настигал на стерне объездчик и разгонял. Очень мы его боялись. И он не уставал поучать нас: не годится мол, колхозное добро по колоску растаскивать.

Вы наверняка не знаете, какое мучение бегать по стерне босиком. Низко скошенная стерня впивается в ступни, как зубья стальной чесалки для шерсти, прокалывает кожу, царапает до крови ноги до самых колен. А если ещё наступишь да запутаешься в цепких ростках ежевики, что стелется под пшеницей по земле, тогда кажется, что ногу отпиливают пилой.

Это помнит всякий, чье детство пришлось на послевоенные годы. Объездчики той поры, казалось, отбирались по принципу – кто позлее.

Стоило нам появиться на стерне, будь то хоть самое отдаленное поле, объездчик непременно нас замечал и пускал за нами коня во всю прыть. Так и гонял по всему полю, так что дух едва не выходил. И мы в ту пору были уверены, что нет на свете человека могущественнее, чем полевой объездчик. Тяжело мне вспоминать те годы. Но от памяти никуда не деться. Вот один из таких дней...

Летнее солнце спозаранок выскочило на небо. По всему видать, что день будет погожий. А накануне мы с соседским Заурбеком договорились пораньше сходить за колосками и вернуться, покуда солнце не начнёт печь. Когда Заурбек зашел к нам, я только что налил в мисочку жидкой похлёбки и сел за столик. Я взял ложку и для Заурбека.

– Щи, покушаем и пойдем, – пригласил я его.

– Не хочу, я сам только что поел такого.

Я, конечно, знал, что в его животе нашлось бы место и для нашей похлёбки, но понял, что ему не хотелось делить со мной и без того скудную долю. Я это понял и не стал больше настаивать.

И его, и моя матери ушли в поле ещё затемно, и до ночи кормить нас было некому. В наше время дети не то чтобы больше понимали или знали, но думали как-то по-взрослому, понимали трудности жизни, времени. Мы, мальчишки, совсем как взрослые заботились о семье, о том, как её прокормить. И понимали, как это много значит – принести в дом зерна хоть на миску похлёбки.

И вот мы в пути. Пшеничное поле лежало сразу за селом, упираясь в опушку сушняка. Здесь уже два дня шла жатва. Для начала мы взобрались на раскидистую дичку, что росла за околицей, но нигде не увидели опасности – объездчика. Комбайны чередой ходили по полю, и с каждым заходом кромка пшеницы на поле становилась всё уже.

Долго не решались мы выйти в поле, всё смотрели из зарослей. Наконец решили, что настал подходящий час, и со всеми предосторожностями один за другим выбрались из своего укрытия.

Согнувшись в три погибели – мы думали, что так нас не видно на пустом поле, – подбирали колоски, а ведь они на одном месте не валяются, приходилось бегать по полю. Время от времени опасливо приподнимались, чтобы осмотреться, нет ли где объездчика. Наши мешочки-хурджуны не очень быстро, но наполнялись колосками. Мы и не заметили, что ушли в поле сажен на двадцать. Цепкие плети ежевики оплетали наши истерзанные ноги, мы спотыкались, поднимались, глаза высматривали лишь одно – оставшиеся на стерне колосья со спасительными зёрнами. Дошли до лошины. Здесь было укромное место, можно было остаться незамеченными, однако душонки наши метались от страха. И при этом мы не переставали проворно подбирать добычу.

Низко пригнувшись, крались мы по стерне, подобно двум лисичкам. В какой-то момент – наверно, от страха – нам померещился образ объездчика, топот его коня, даже показалось, что вот он, стоит над нами и смотрит в наши склоненные макушки. И тогда мы застыли на месте, не в силах шелохнуться, не замечая боли от впивавшихся в босые ноги корней.

Наши хурджины не были ещё полны, но страх взял верх, и мы поспешили скорее укрыться в спасательных зарослях. Некоторое время стояли молча, с трудом переводя дыхание, вслушиваясь во все шорохи. Стояли безветренные знойные дни жатвы, и прохлада тени была особенно приятна. Изредка откуда-то прилетал мимолетный порыв ветерка, к нему жадно тянулось все живое. Мы ушли подальше в роду и уселись под дичкой, раскидистой и тенистой. Долго сидели, вслушиваясь в чуткую тишину леса и шепот ветерка, игравшего в ветвях. Слышавшийся вдалеке гул тракторов и комбайнов говорил нам, что жатва ещё не закончена. Едва кончат жать, следом выйдут в поле – мы это хорошо знали – другие, подбирать солому. Вместе с соломой они утаскивали и редкие драгоценные колоски, складывали в огромную кучу на том месте, где будет потом выситься скирда. После этого колосков можно уже не искать, не найдешь ни одного. На минуту я представил, что комбайны ушли с поля, и волокуши, привязанные к волам и коням, волокут солому. Заурбек, видимо, тоже в эту минуту думал о том же, и, тараща глаза, резко повернулся ко мне:

– Скоро жать закончат, а там солому начнут уволакивать! Мы успеем ещё раз сходить.

– А как же объездчик? – помялся я, хотя в душе был согласен с Заурбеком.

– Не увидит! – сказал он с такой уверенностью, что убедил и меня.

– Пошли!

Мы вытряхнули собранные колосья из мешочков, сложили их кучками и укрыли травой. На поле мы старались держаться поближе друг

к другу, время от времени поднимали головы и осматривались, не едет ли объездчик, потом снова с замирающим сердцем принимались за поиски. Так мы собрали по несколько горстей колосков. Встретился нам и маленький островок, нескошенный комбайном. Мы бросились жадно обрывать колосья, так что и не заметили, как появился над нами, будто из-под земли, всадник.

– Ах вы сукины дети! – рявкнул он так, что все поле отозвалось. – Ну, куда теперь денетесь?

Он направлял коня прямо на нас. Мы стояли перепуганные насмерть, не зная куда податься – того и гляди конем задавит. Мы хорошо знали этого человека – это был бригадир, слывший самым что ни на есть жестоким в колхозе. Опомнившись, мы бросились бежать. Однако, куда бы мы ни повернули, конь оказывался перед нами. Долго гонял нас по голой стерне бригадир. Не раз мы запутывались босыми ногами в плетях ежевики и летели кубарем, но тут же вскакивали и убегали прямо из-под копыт наступавшего коня. Мы задыхались, обливались потом, ноги отнимались, но всё же нам ещё удавалось ускользать от преследователя. Всаднику трудно было справиться сразу с двумя. Наконец, он стал догонять одного Заурбека.

Я остановился, обессиленный, задыхающийся, и с волнением следил, как гонялись за моим другом.

А Заурбек то бежал напрямик, то резко сворачивал, а бригадир, не умея так же резко завернуть коня, проезжал мимо, потом возвращался и снова гнался за ним, едва не наступая ему на пятки. Тогда Заурбек снова сворачивал, и бригадира проносило в сторону. Но он снова упрямо поворачивал коня и принимался за свое дело. И мальчик, и конь были обессилены, валились с ног, однако бригадиру не было до этого дела. Он снова и снова прищпоривал взмыленного коня, и тот снова делал рывок. Заурбек выкидывал всё новые и новые уловки. Но вдруг он, не знаю почему, может, запутался в ежевичных плетях, споткнулся и упал. Бригадир в мгновение ока подлетел к нему, соскочил с коня и ухватил его за шкуру. Тут меня тоже сорвала с места какая-то сила, и я пошёл прямо к ним. Всё же моего друга волочили по земле.

– Не бей его! – крикнул я.

– Хочешь, чтобы не бил его – иди сам сюда! – крикнул бригадир, не выпуская, однако, ворота моего друга.

Я молча подошел и покорно подставил свой ворот под его руку. Перекинув поводья через локоть, он ухватился за наши шкурки обеими руками и повёл. Так мы волоком миновали колючую стерню. На обочине остановился бригадир, с ним и мы, и стал высматривать кого-то. Не найдя, видно, никого, позвал:

– Мисост!

Из-за холмика встал кто-то, увидел нас, вывел коня из укрытия и поскакал к нам.

– Гони их вон туда, в конюшню! – велел ему бригадир. Тот загородил нам дорогу, бригадир сел на коня, и теперь они вместе верхом погнали нас перед собой.

– Ну что, будете ещё забредать на пшеницу! – гремел над нами бригадир, замахивался плеткой, но, видя, как мы от страха съеживались, не бил и опускал руку. Мы похныкивали и все с опаской оглядывались.

– Титу! – позвал бригадир, когда мы приблизились к конюшне.

– Кто тут? Добро пожаловать! – Из-за конюшни показался высокий старик с густыми усами.

– Бросишь их в конюшню. Я поймал их в поле, колосья подбирали. Если посмеешь отпустить без моего ведома – накажи меня бог, не помилую! Ну-ка, давайте сюда ваши хурджины! – жестко приказывал бригадир.

Титу, старый наш сосед, поглядел на нас с сомнением и нерешительно обронил:

– Да как же так?

– А вот так, я их научу бережно относиться к колхозному имуществу! Запри их покрепче! – все так же властно настаивал бригадир.

Бригадир выбил у нас из рук тощие хурджины и кинул в угол длинной конюшни.

– Гляди у меня, если выпустишь их без моего слова – тебе несдобровать, накажи меня бог! – снова и снова клялся грозный бригадир и для пущей убедительности размахивал пудовыми кулаками. Тут же он, решив сам исполнить свою угрозу, снова ухватил нас за шкурки и потащил. Был он могучий дядя, да и мы не противились – что толку? – однако он тащил нас, напрягая свои силы. В конюшне была ещё одна дверь – амбар, вот туда он нас и бросил.

– Ты все понял?! – повторял он снова и снова, пытаюсь справиться с внушительным амбарным замком.

По его удалившимся шагам, по топоту копыт мы определили, что страшный бригадир уехал.

Летом лошадей не было в конюшне, они паслись на воле, на высокогорных пастбищах. Держали здесь только скаковых жеребцов. Их было немного. Они непрерывно обмахивались хвостами – их донимали всякие мошки да комары, время от времени раздавался мирный конский храп. Мы сидели в разных углах амбара, затаившись, вскоре глаза наши пообвыкли в темноте, и амбар показался нам просторнее. Осмотревшись как следует, мы стали изыскивать пути к бегству.

Заурбек помогал мне влезть на перекладину по стенке, но сам потом не смог взобраться, и мне пришлось спускаться вниз. То я его поддерживал, а потом пытался сам влезть следом – напрасно! Долго мы пыхтели так, до самых сумерек.

Вдруг в конюшне посветлело – Титу вошел с фонарем в руке и повесил его повыше, чтоб и нам было светло.

– Пить хотите? – крикнул он.

– Нет, не хотим! – в один голос отозвались мы, давая почувствовать, что рады его приходу.

– Вы не бойтесь, я вам тут свет оставлю! – сказал он, набирая корм для коней.

– А мы и не боимся, – снова хором отозвались мы.

Пока Титу кормил коней, во дворе стемнело ещё больше, это было ясно по тому, что свет фонаря стал резче. Вот Титу покончил со своими вечерними обязанностями и подошел к амбарной двери.

– Есть хотите, небось?

Мы растерялись, не зная, что ответить. Сказать, что хотим? Зачем беспокоить бедного старика? Сказать, что нет? Но это будет вранье. Наше молчанье Титу понял очень хорошо.

– Конечно, хотите, – он отошел прочь, но вскоре вернулся. – Вот чурек, перекусите малость. Было бы побольше – не поспешил бы, – с такими словами он протянул нам в щель чурек и ушёл.

Долго возиться в дедовым угощением мы не стали, раз-два – и нету. И теперь мы снова стояли тихо, всей душой чувствуя благодарность к этому человеку.

Вскоре он навестил нас опять.

– Ну что, братья, будете со мной сегодня ночной караул нести? – спросил он шутливым тоном.

– Знать, так и будет, – по возможности бодрым голосом ответил я.

– Вы ещё дети. Но всё же должны понимать, какое время у нас жестокое: войну только прикончили, засуха за засухой, урожая не хватает. Оттого, видать, и бригадир лютует. Поймите его и не судите, – поучал нас Титу.

– А как же мы жить будем? Если и мама не принесёт, и мы не принесём чего-нибудь, что тогда есть будем? Мама даже за пазухой не может ничего упрятать... И колхоз нам ничего не дает, – горестно рассуждал Заурбек, совсем как взрослый, делился нашими общими бедами.

– Что делать, видать, остается одно – слушать что говорят. Сказано нельзя, значит нельзя, – снова пытался убедить нас старик в том, чего мы понимать никак не хотели и не могли.

– А мама только утром попросила: попробуйте подобрать немного колосков, а то еды нет в доме ни горсточки, ни щепотки. Сама затемно ушла на работу. Если бы я не пошёл – мама огорчилась бы – она ж на меня понадеялась... Ты посмотри, как у нас ноги исколоты по стерне! Мы не просто из шалости в поле пришли, мы хотели хоть немного подсобить семье, чтоб мамы не страдали оттого, что нас кормить нечем... – продолжал жаловаться упавшим голосом Заурбек – вот-вот заплачет.

Я тоже взглянул на свои ноги. Они были исколоты сплошь. И не просто исколоты и исцарапаны – на ранках запеклась кровь. Только

сейчас я почувствовал, как горят от боли истерзанные до самых колен ноги. До сих пор страх не давал об этом задуматься.

– Не бойтесь, всё восстановится, и зерна у нас будет вдоволь, и понятия наши изменятся. Скоро, скоро вы увидите прекрасные времена!

Как хотелось верить старому Титу!

Вдруг он отпер дверь амбара.

– Идите сюда, выходите. Бригадир, конечно, горяч и суров, да я с ним сам уговорюсь. А не захочет меня слушать, не захочет прощать – что ж, пусть делает со мной что положено. А сидеть вам здесь всю ночь я не дозволю, – с этими словами он стал на свету, в проеме амбара двери.

Мы были безумно рады! Ещё не веря, стояли и переглядывались.

– Ну же, поскорее, выходите отсюда, – настаивал он.

Мы в нерешительности один за другим шагнули из амбара.

– Дойдете сами?

– Дойдем! – сказали мы хором.

– Ну, тогда счастливый путь. А встретите бригадира – скажите, что я вас отпустил, – так говорил старый Титу, провожая нас со двора конюшни.

Я с трудом сдерживал порыв повернуться и обнять старика – не по-мужски!

И тут же впервые подумал, что есть на свете и добрые, и злые люди. Каких же больше? Вот если бы хороших было больше! Мой друг, казалось мне, думал о том же. Мы с ним почти всегда думали одинаково и одновременно. Смущенные, ошарашенные добротой Титу, мы шагнули в темноту.

Темнота уже плотно окутала всю долину, но со стороны аула раздавались окрики, лай собак – все признаки того, что там ещё не спят, и это прибавляло нам силы. Всё бодрее шли мы, шаг за шагом, и Титу, мы это чувствовали, провожал нас взглядом.

– Доброй ночи тебе, Титу! – крикнули мы назад, в темноту, думая, что отошли очень далеко.

– И вам доброй ночи, спокойной ночи, – отозвался дедушка совсем рядом, значит, он потихоньку шел за нами следом. – А хурджины свои заберёте завтра.

Чем ближе село, тем явственнее звуки жизни. На улицах ещё можно было кого-то встретить. Дойдя до ворот Заурбека, мы остановились.

– Знаешь, чего я подумал? – сказал Заурбек. – Завтра бригадир придет в конюшню, узнает, что дед Титу нас отпустил, и ему, бедному, влетит из-за нас. Давай мы не скажем, что Титу отпустил нас, а пустим слух, будто сами убежали. Так будет лучше. Кто бы ни спросил, мы скажем так, понял, – шёпотом наставлял мой друг.

– А можно ещё на рассвете вернуться туда, чтоб Титу снова запер нас в конюшне, – предложил я.

– Это ещё лучше, – согласился Заурбек. – Затемно идем к конюшне.

Договорившись на том, мы пожали друг другу руки и разошлись. Непокойно мне спалось в ту ночь. То виделось, как бригадир обрушился с бранью на старика Титу, то видел его, Титу, за запертой дверью амбара, то нас снова таскали за шкуру, чтоб кинуть под замок. Короче, всякая дрянь снилась.

Ещё не рассвело, а я уже вскочил и выбежал из дома. Заурбек уже шёл ко мне. В руке у него был маленький сверток.

– Что это у тебя? – полюбопытствовал я.

– Деду Титу свой завтрак несусь, – гордо ответил Заурбек. – И ты тоже возьми. Давай мы тоже сделаем что-нибудь приятное такому доброму человеку.

Мне стало немного обидно, что не я первый додумался до этого, но всё же обрадовался, побежал в дом и взял кусок чурека, присоединил его к свертку Заурбека. Мы тронулись в путь.

Утро было раннее, но старики уже выгоняли скот. Село начинало пробуждаться, как пчелиный улей. На околице уже мирно беседовали аульские старики, поджидая пастуха. Мы быстро прошли мимо них и направились дальше. Утренний ветерок ласково освежал разомлевшие в духоте дома спины. Травы по обочинам начинали искриться росой. Солнце, обещавшее людям тёплый день, медленно показывалось из-за горы.

Когда мы дошли до конюшни, Титу уже вычистил конюшню и стелил новые подстилки. Он не сразу нас заметил.

– Доброе утро, дедушка!

– О, доброе утро, доброе утро, мужчины! – засуетился он.

– Мы тебе, дедушка, завтрак принесли.

– Ну, спасибо, доброй доли вам! А сами-то ели? – Дед искоса взглянул на нас, сгребая в кучу навоз.

– Ели! – бодро, в один голос соврали мы.

– Ну, добро... Я сейчас. – Он степенно прислонил вилы к стене, ушел в свой закуток и вышел оттуда с маленьким хурджином.

– Идите-ка сюда. Разверните ваш завтрак и с ним вот это тоже. А я пойду руки помою, – он показал нам рукой на длинный стол между двумя скамейками, за конюшней. – Вы готовьте стол, а я сейчас, – снова наказал он.

Сперва мы развернули наш сверток и выложили на стол два чурека и единственное яйцо, которое принес Заурбек. Потом нерешительно развязали хурджин деда Титу. В нем оказалась невиданная роскошь – вареная курица, несколько кусков мяса, паста, половина бараньей головы – доля старшего в роду. Мы стояли и смотрели на всё это с растерянностью, не в силах оторвать глаз. Подошел Титу.

– Вот, не знаешь, где тебя твой хлеб-соль ждет, – проговорил он весело. – Ночью свадьба у наших была, так мою долю прислали. А я,

видать, не найду лучшей мужской компании, чем вы. Присаживайтесь, ешьте на здоровье, – с этими словами он первый протянул руку, показывая нам пример.

Мы сели рядом со стариком и потихоньку уминали еду, вкус которой давно забыли.

– Ешьте, не стесняйтесь, – приговаривал дед, подбадривая нас. – Если хотите вырасти большими да сильными, вам надо хорошо есть. – Он сам ел сдержанно, а нам подвигал пасту, лучшие куски мяса. Никогда в жизни не ел я так сытно, как за тем столом. На столе ещё оставалось столько еды, что хватило бы и другим, настолько щедрым было угощение. Мы хотели собрать остатки и уложить в хурджин Титу, но он сказал:

– Не надо, оставьте, может ещё кого приведет Бог отведать. Никогда нельзя втихомолку есть свой хлеб, если кому-то Бог положил его долю, её у него не отнимешь, он придет, – с этими словами добрый старик накрывал еду на столе куском бумаги.

– Спасибо, дедушка, – поблагодарили мы его, поднимаясь со скамьи.

Мне хотелось спросить, не появлялся ли ещё бригадир, но я не решался, и тут Титу ушёл в конюшню, вынес оттуда наши хурджины.

– Вот вам ваши колоски, забирайте.

– А бригадир? – решился наконец спросить Заурбек.

– Бригадира, говорят, вчера конь кинул, лежит больной, – равнодушно сказал Титу.

– Неужели! – вырвалось у меня, так что я сам устыдился.

– Так говорят. После вас ещё несколько ребятишек вышли за колосками, он погнался за ними, конь его наступил на одного мальчика, сломал ему ногу, а сам бригадир упал, всё лицо разбил, говорят.

Нельзя, конечно, радоваться чужой беде. И всё же я не мог огорчиться за бригадира, мне нисколько не было жаль его. То же самое говорили глаза Заурбека.

Мы бегом наведались домой, выложили колоски из хурджинов, затем пошли за теми, что были спрятаны в роще...

Нашему постоянному автору, товарищу и коллеге из Москвы Владимиру Александровичу Захарову исполнилось в прошлом году 70 лет. В этом номере редакция «Литературной Кабардино-Балкарии» представляет вашему вниманию основные вехи жизненного пути, научной и общественной деятельности увлеченного, энергичного и весьма широкопрофильного по своим интересам ученого.

Основные вехи жизненного пути, научной и общественной деятельности В. А. Захарова

(из предисловия к книге)

Владимир Александрович Захаров родился 17 июля 1946 г. в Армавире. Учился в железнодорожной средней школе № 49. С третьего класса стал «музейным мальчиком» при Армавирском городском музее. Вместе с известными краеведами Б. Л. Выродовым, Н. И. Навротским и приезжавшими в Армавир палеонтологами из Ленинграда Е. Ф. Кутузкиной и из Тбилиси – Л. К. Габуния, занимался археологическими и палеонтологическими раскопками в районе Форштадта. Там Кутузкина обнаружила слои глины, в которых содержались отпечатки растений, рыб, насекомых, живших в районе Армавира миллионы лет назад. Габуния был самым крупным в СССР

специалистом по гиппариону (древняя лошадь). Основные научные работы Габуния были посвящены исследованию гиппарионовой фауны, бенарской фауны олигоценовых позвоночных, беломечетской фауны среднемиоценовых млекопитающих, изучению следов динозавров, проблемам вымирания и прогресса в палеобиологии. Найденное Габуния под Армавиром кладбище гиппариона, которое он раскапывал несколько лет, приезжая на целое лето в Армавир, в чем Захаров принимал постоянное участие, дало автору материал к выходу нескольких исследований и книг, посвященных вымершей фауне Северного Кавказа (Габуния Л. К. Следы динозавров. М.: Изд-во АН СССР, 1958; Он же. К истории гиппарионов. М.: Изд-во АН СССР, 1959; Он же. Вымершие и вымирающие виды. М., 1976). Исследования Габуния высоко оценены учеными мира.

Вместе с Б. Л. Выродовым Захаров раскопал в районе «Чертова моста» в Форштадте скелет кита цетотерия (Cetotherium), который обитал на

месте нынешнего города Армавира свыше 10 миллионов лет назад (в те времена эта территория была дном одного из заливов так называемого древнесарматского моря). Полный скелет цетотерия был доставлен в Армавирский музей, где до сих пор находится в экспозиции.

Будучи учеником девятого класса, В. Захаров вел активную переписку с писателем Романом Тимофеевичем Пересветовым и главным хранителем отдела нумизматики государственного Эрмитажа Иваном Георгиевичем Спасским, по рекомендации которого начал заниматься научной темой «История денежных знаков города Армавира». Тогда же юноша стал заниматься в архиве г. Армавира (ныне Архивный отдел администрации МО Армавир. Главное управление по делам архивов Краснодарского края), в поисках материалов о денежном обращении в городах Северного Кавказа в 1918–1924 гг. В 1964 г. поступил на историко-филологический факультет Ставропольского Государственного педагогического института, откуда был исключен в 1969 г. «за принадлежность к лицам религиозного объединения». Во время обучения в пединституте был личным секретарем видного историка, профессора В. А. Романовского, который заложил основы будущих научных занятий Захарова. В 1964 г. стал иподиаконом архиепископа Ставропольского и Бакинского Михаила (Чуб), крупнейшего в то время историка, изучавшего кумранские рукописи, богослова, обнаружившего большое количество писем и рукописей святителя Игнатия (Брянчанинова). В личном архиве В. А. Захарова хранятся рукописи неопубликованных работ, а также письма, статьи владыки и книги, подаренные архиепископом Михаилом.

Первые публикации нашего юбиляра появились в 1966 г. В 1967–1969 гг. В. А. Захаров работал ответственным секретарем ставропольского городского отделения ВООПИК. Но после исключения из института с трудом устроился на работу рабочим сцены Ставропольского драматического театра, где вскоре стал главным машинистом, проработав 5 лет. Впоследствии Захаров уехал из Ставрополя в Кисловодск. Несколько раз встречался с А. И. Солженицыным в Москве в 1972–1973 гг., которому возил письма из Новополятивского, от его крестной матери М. Крамер (Скороглядовой), а от него привозил рукописи неопубликованных в СССР романов Солженицына.

Закончил в 1975 г. Московский Государственный заочный педагогический институт по специальности – историк.

Работал в музеях Пятигорска, Пензы (Тарханы), Краснодарского края (Тамань 1976–1986), Москвы. Является одним из создателей Дома-музея М. Ю. Лермонтова в Тамани. Вместе с В. Г. Малаховой им был разработан тематико-экспозиционный план нескольких литературных экспозиций. Проведенные Захаровым научные исследования в Краснодарском и Ставропольском госархивах (ГАКК и ГАСК), а также в Военно-историческом архиве (РГВИА) и рукописных отделах Пушкинского дома (ИРЛИ) и библиотеки им В. И. Ленина (ныне РНБ), позволили ввести в историю

Тамани и в лермонтоведение немало новых страниц. С 1993 г. работал в отделе по церковной благотворительности и социальному служению Московской Патриархии. В 1995 г. был приглашен на работу канцлером в миссию Суверенного Военного Мальтийского Ордена при РФ. С 2001 года являлся старшим научным сотрудником Института Европы РАН, с 2005 г. – заместителем директора «Центра Кавказских исследований» МГИМО (У) МИД России, с 2009 года – профессор Пятигорского государственного Лингвистического университета. Ныне – директор «Общественного Института политических и социальных исследований Черноморско-Каспийского региона» (г. Москва).

Круг научных интересов В. А. Захарова весьма широк. Его исследования посвящены истории Тмутараканского княжества, «Слову о полку Игореве», жизни М. Ю. Лермонтова, политической истории Закавказских государств, Северного Кавказа, Абхазии, Турции.

Член Союза писателей России и Союза писателей Армении. Сопредседатель Российского Лермонтовского Комитета (со времени его создания в 2008 г. вместе с Расулом Гамзатовым и Владимиром Карповым). Член международного союза журналистов. Лауреат Всероссийской премии им. М. Ю. Лермонтова 2001 г. Автор свыше 1000 статей и более 30 книг.

Публиковался в газетах, журналах и научных сборниках России, Болгарии, Польши, США, Канады. Член редколлегии: «Кавказского сборника», «Сборника Русского исторического общества», серии «Кавказский роковой круг», главный редактор «Лермонтовской библиотеки» (СПб.: Издательство «Алетейя») и др. изданий. Член ученого совета Института Кавказа при Тегеранском Государственном Университете (Исламская республика Иран).

В 2003 году защитил кандидатскую диссертацию на тему «Мальтийский Орден в XI–XX вв. в системе европейских государств». Почетный доктор Арцахского государственного университета (НКР). Почетный профессор Современной Гуманитарной Академии (2013).

Награжден высшими орденами Абхазии «Ахьдз-Апша» («Честь и Слава» 3-й степени, 2009 г.) и Южной Осетии (орден «Дружбы», 2013 г.), за научное обоснование суверенитета Абхазии и Южной Осетии, Золотым орденом «Нестора Летописца» Украинской православной церкви Московского Патриархата (2012 г.), медалью премии им. академика Б. А. Рыбакова Русского исторического общества (2002 г.), медалью «За службу на Северном Кавказе» (2007 г.), медалью «Вачаган Барепашт» (Нагорно-Карабахской республики), высшим орденом Суверенного военного Мальтийского ордена «Командорский крест» pro Merito Melitensi, Золотой Медалью «Тюрксоя» (эту медаль вручалась всего дважды – президенту Турции Абдулле Гюлю и В. А. Захарову). В 2010 году атаман Кубанского казачьего войска П. Громов вручил Захарову медаль «За службу перед Кубанским Казачеством». Имеет чин подьесаула Кубанского казачьего войска (Приказ № 96 от 29.09.1993 г.).

В. А. Захаров один из трех ведущих и старейших лермонтоведов России. Его многочисленные выступления на научных Всесоюзных и Всероссийских лермонтовских конференциях всегда привлекали внимание новизной материала, новыми архивными находками, а 700-страничная книга «Летопись жизни и творчества М. Ю. Лермонтова» стала настольной книгой всех, кто занимается изучением жизни и творчества великого русского поэта. В настоящее время подготовлено второе дополненное издание, в котором будут представлены многочисленные новые документы о жизни Лермонтова, найденные В. А. Захаровым в различных архивах. Многочисленные выступления В. А. Захарова в прессе и на телевидении популяризируют творчество Лермонтова, раскрывая перед новым поколением неизвестные страницы творческой биографии поэта.

Мнения ученых о деятельности В. А. Захарова

Для изучения «Слова» имеют значение работы Захарова, связанные с историей *Тмутараканского камня*, вопрос, о подлинности которого и об обстоятельствах его обнаружения скептики ставили в связь с вопросом о подлинности «Слова». Захаров посвятил этой проблеме статью «К вопросу о подлинности Тмутараканского камня» и рецензию на книгу А. А. Медынцевой, в которой существенно уточняет обстоятельства находки камня и его судьбу до передачи на хранение в 1851 г. в Эрмитаж в Петербурге.

В статье «Что означает «...до курь Тмутараканя»...» Захаров толкует слово «*курь*» «как множественное число в винительном падеже от слова “кура” – “строение”», каковое он считает по происхождению тюркским, и далее обосновывает предположение, что князь Всеслав Брючиславич Полоцкий, разбитый в 1069 г. под Кзенью (в районе Новгорода) ратью прибывшего из *Тмутаракани* новгородского князя Глеба, сам направился в Тмутаракань, где и укрывался в течение следующих двух лет, пока в 1071 не возвратился в Полоцк (Иначе считает В. А. Кучкин. См. *Всеслав Брючиславич*).

В 1987 г. Захаров публикует обстоятельную статью об истории Тмутараканского княжества, основные выводы которой отражены в работе «Тмутаракань в “Слове о полку Игореве”». Захаров анализирует и комментирует упоминания города в «Слове» и отмечает, что в поле зрения русских летописцев Тмутаракань находилась больше ста лет – с 988 по 1096 гг., и затем спустя примерно сто лет она появляется в «Слове», причем его автор касается «тмутараканской темы» неоднократно и обнаруживает хорошее знакомство с генеалогией тмутараканских князей.

Касаясь далее истории города и научных представлений о нём, Захаров рассказывает об эволюции мнений о расположении Тмутаракани и показывает, на чем основывается нынешнее окончательное решение

этого вопроса. Говоря об истории Херсонеса XI–XII вв., Захаров привлекает данные археологии, сообщения византийских и арабских источников и рассматривает эту историю в аспекте международных связей и отношений города. Внимательно Захаров рассматривает связанную с Тмутараканью историю *Олега Святославича*. Попутно он устанавливает местоположение г. Росия (район станицы Голубинской в Темрюкском районе Краснодарского края), где архонтиссой была жена Олега, гречанка Феофано Музалонисса, с которой тот вернулся из византийской ссылки. Захаров приходит к выводу, что Олег вовсе не отрицательный герой летописи и в «Слове», и замечает, что насмешка автора «Слова» обращена на противника Олега – Владимира Мономаха.

Что же касается достижения Тмутаракани как цели похода 1185 г. (о чём говорится в «Слове»), то, по мнению Захарова, затруднительно ответить на вопрос: «действительно ли Игорь Святославич хотел вернуть эту далекую землю, вотчину его предков черниговских князей, или это просто эпическая мечта».

Из статьи Г. М. Прохорова, опубликованной в пятитомнике «Энциклопедия «Слова о полку Игореве», подготовленном отделом древнерусской литературы Пушкинского дома (ИРЛИ РАН).

* * *

Мое знакомство с Владимиром Александровичем Захаровым длится уже более трети столетия. Сперва (недолго!) «шапочное», оно с середины 1970-х годов окрепло через посредство всегда одобрительного мнения о нем моего отца – литературоведа Бориса Степановича Виноградова (1910–1980), а также неспешно, но очень убедительно нарастающей информированности о составе научных публикаций в солидных академических изданиях увлеченного, энергичного и весьма широкопрофильного по своим интересам ученого, проживавшего тогда в Тамани – вновь обретавшей (и его стараниями!) статус еще одной (после Пятигорска) Мекки северокавказского лермонтоведения.

При всем устойчивом чувстве симпатии и взаимной склонности даже привидеться не могло, что жизнь буквально бросит нас в объятия друг друга на кубанской земле, куда вынужденно переместилась из города Грозного (столицы Чечено-Ингушской АССР, ныне Чеченской Республики) ядро возглавляемой мною Кавказоведческой Школы и куда, в родной для него город Армавир, приехал (после длительного перерыва) «укоренившийся москвич» В. А. Захаров.

Это случилось немного более 3-х лет назад и так многое опередило в темпе и тональности последующих контактов!

Прибывшие вместе со мною из Чечни маститые и новые местные ученики и коллеги по работе в Армавирском государственном педагогическом институте как-то сразу и необычайно сердечно сблизились, сошлись со зрелым и исключительно разнообразным по своим науч-

ным и духовным пристрастиям человеком, олицетворившим тогда для большинства из нас прежде всего возрожденное в столице «Русское историческое общество» – один из немеркнущих символов прочного дореволюционного становления отечественной исторической науки.

Урожденный армавирец Владимир Александрович оказался преданным патриотом своей малой Родины, где его первые детские и юношеские шаги к науке делались под руководством и опекой дорогих нашим начинаниям на Кубани краеведов Бориса Львовича Выродова, Николая Ивановича Навротского, Михаила Николаевича Ложкина. Решающую роль в формировании жизненного и творческого пути склонившегося к богине Клио юноши сыграл блестящий вузовец, профессор Виктор Александрович Романовский (1890–1971), и трогательно сознавать, как бережно и любовно хранит память о нем В. А. Захаров...

В первой из попавших мне на глаза биографических справок я прочел, что Владимир Александрович «историк и археолог», окончивший в свое время «исторический факультет Московского заочного педагогического института». Без всяких колебаний я согласился с такой характеристикой: ведь археология, как ни смотри, это «наука о древностях», а история неохватна в своем проблемном размахе и хронологической протяженности. И когда тесные взаимосвязи последних лет раскрыли огромный проблемно-временной и пространственный спектр научных интересов много претерпевшего в своей судьбе обретенного нами друга и единомышленника, стало окончательно ясно – насколько он близок по собственным идейно-нравственным установкам всему нашему коллективу, в приобретении сегодняшнего облика которого есть конкретная доля и его бескорыстного участия...

Меньше всего намерен пространно развивать обозначенные позиции. Достаточно прочесть представленный оригинальный и искренний авторский материал, познакомиться со справочными сведениями, сопутствующими ему; вникнуть в целеустремленную деятельность Кубанского отделения «Русского исторического общества», возникшего в Армавире по инициативе и пребывающего под патронажем Владимира Александровича, чтобы понять степень нашего уважения к нему и признательности судьбе, которая свела нас с удивительным ученым и славным человеком, нелегкий, но прекрасный опыт которого столь впечатляющ и поучителен, в том числе для современной молодежи.

Сегодняшнее скромное издание – малая толика дани нашей общей благодарности неординарному кавказоведу.

*В. Б. Виноградов,
зав. кафедрой регионоведения и специальных исторических дисциплин
Армавирского госпединститута, профессор, доктор исторических наук,
заслуженный деятель науки Российской Федерации, Кубани и Чечено-Ингушской АССР, академик МАН и МАИ, член Союза журналистов России*

Маржан МОКАЕВА,
зав. кафедрой психологии ИПК и ПП КБГУ

Личный пример в действии!

*Александр Беталович
Кочесоков*

Судьба уготовила ему появиться на свет в первый день начала Великой Отечественной войны, то есть 22 июня 1941 года. Казалось, что начало координат вектора жизни Александра Беталовича Кочесокова не предвещало ничего радужного. К сожалению, поначалу так и было.

Слово «война» еще витало лишь в воздухе, и люди не верили, что она придет к ним, они радовались жизни, растили дети и дружно участвовали в строительстве социализма. Отец Александра, Бетал Матуевич, работал в Верхне-Куркужинской школе, вместе с нашим знаменитым классиком кабардинской литературы Али Асхадовичем Шогенцуковым, который преподавал там кабардинский язык.

Когда война докатилась до границ СССР, Бетал Матуевич был призван на службу в ряды Советской Армии, за три месяца до рождения своего сына. В армии он попал в танковую часть. А затем и три брата Бетала были отправлены на войну в числе сорока мужчин из рода Кочесоковых, из которых тридцать два погибло, защищая Отечество, в том числе и Бетал, и его средний брат, о чем имеется запись в Книге Памяти. Дедушка по матери, Якуб Нахович Батыров, был арестован фашистами за связь с советскими партизанами и расстрелян вместе с 400 гражданами Кабардино-Балкарии.

Мальчик по имени Шурик (так звали его сверстники в селе), рос с матерью, Куной Якубовной Батыровой, которая закончила к этому времени Ленинский учебный городок в городе Нальчике и получила профессию учителя, и любимой бабушкой, Истамбулхан Хатимовной Тхакумачевой, которая не чаяла в нем души, развивая природный ум мальчика и обучая его житейским премудростям. Там, в селе Верхний Куркужин, он окончил семилетнюю школу. В те годы, как он сам вспоминает, в село возвращались фронтовики, которые остались в живых, и каждого из них мальчишка Шурик спрашивал: «А вы не видели моего отца?»

Шли годы, мальчику казалось, что мир тесен, ему необходимо расширить свой кругозор, и для этого нужно было учиться дальше и глубже вникать в премудрости книг. К 1954 году ему удается поступить в Республиканский интернат для продолжения учебы.

В то время попасть в подобное учреждение было трудно – на одно место претендовало более 30 человек. К моменту окончания им школы вышло Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о том, что выпускники школ могут поступать в вузы, только имея трехлетний стаж работы в колхозах, совхозах, на фабриках и заводах. Ему пришлось пройти и это испытание. Отработав в родном колхозе на самых различных участках, Александр Кочесоков призывается в ряды Советской Армии, куда он с радостью уходит, как и его отец, и братья отца, защитившие родную землю.

Служить Александру довелось в г. Тбилиси. Будучи еще курсантом, он становится отличником боевой и политической подготовки. Получает возможность познакомиться и с культурной жизнью Закавказья. В то время его внимание привлекли особенности жизни и деятельности долгожителей Кавказа. И все последующие годы интерес его к вопросам долголетия не ослабевал, а усиливался. А потому и дальнейший выбор своей профессиональной жизни он связал с биологическим факультетом КБГУ. Уже потом, находясь в МГУ им. Ломоносова, который окончил с отличием, он изучал вопросы физиологии, нейрофизиологии и нейропсихологии в лучших лабораториях и под руководством ведущих ученых.

Вернувшись на свою малую родину, Александр Беталович усердно продолжал искать ответы на вопросы, связанные не только с продлением жизни человека, но и улучшением его здоровья. В этих целях он не ограничивался лишь изучением научных основ здорового долголетия, но и использовал любой формат взаимодействия с людьми, работая на различных должностях, как в школе сел. Карагач, так и КБГУ, в поисках ответа на заданный им же самим, но интересующий большинство человечества вопрос.

Следует отметить, что особое значение в нахождении ответа на вопрос, захвативший его целиком и полностью, имели биологические экспедиции по изучению флоры и фауны Кабардино-Балкарской республики. В рамках этого направления исследования было обнаружено около двух тысяч растений, среди которых – половина лекарственных! Каждое из этих растений в последующем самым внимательным образом изучалось Кочесоковым. Эти познания, вкупе со знаниями основных закономерностей функционирования всех живых организмов, стоящих на разных ступенях эволюционного развития, а также знакомство с аутосанацией, то есть самолечением у животных, и множество других моделей знания, в том числе – большой жизненный опыт, дали достаточно устойчивое основание для выстраивания собственной концепции по увеличению продолжительности здоровой жизни человека.

В рамках этой концепции Александром Беталовичем разработана «Физиологическая оздоровительно-воспитательная система» (ФОВС) не

имеющая аналогов в мире. В этой системе имеются авторские упражнения каждое из которых имеет определенное целевое назначение корректирующего или лечебного характера. Наличествует огромное число людей, как жителей КБР, так и отдельных регионов РФ, нашедших именно посредством систематического выполнения этих упражнений свое полное излечение, и это число примеров с каждым днем увеличивается. Стержневой линией, предлагаемой автором модели, является: хорошее физическое и психическое здоровье, качество жизни в целом, а вместе с тем и тот факт, что счастье человека, его благополучие находятся в руках самого человека.

Огромное место в реализации разработанной системы автор отводит личному примеру. Он считает, что действие по принципу муллы: «Делай так, как я говорю, но не делай так, как я делаю» – не может возыметь никакого эффекта воздействия и только личный пример, а не проповеди и увещевания, могут оказаться результативными. В этом смысле автор ФОВС является достаточно наглядным образцом того, как может выглядеть человек, систематически работающий над собой. В свои 75 лет он полностью освободился от использования очков (у него 100 % зрение). Он – неиссякаемый источник здоровья, весел, жизнерадостен, милосерден, спортивен (каждое утро проделывает физическую зарядку, в том числе и с обливанием холодной водой, а в зимнее время обтиранием снегом). У него тончайшее чувство юмора, которое активно используется во время проведения различного рода торжеств, где чаще всего он выступает в роли тамады. Он является активным сторонником трезвого образа жизни, а потому освободился от употребления спиртных напитков и табачных изделий. Есть абсолютное осознание того, что, отправляя негатив в себя, человек в буквальном смысле отравляет свой организм. Только положительные эмоции, позитивный настрой по отношению к себе и другим, постоянное проявление любви и доброты способны творить чудеса здоровья и долголетия.

Александр Беталович апробировал свой ФОВС на представителях 28 иностранных государств, танцевальных групп, участников прошедших в 2013–2015 годах «танцев над Эльбрусом», общаясь с ними через посредников.

Александр Кочесоков и сегодня продолжает работу над совершенствованием этих систем упражнений, внося необходимые коррективы, пополняя изученный им перечень лекарственных растений и расширяя набор вербальных методов воздействия в своей концепции оздоровительно-воспитательной направленности.

Существенную помощь в углублении и возможном увеличении радиуса воздействия данной системы оказывают дочери Александра и его супруга Людмилы (супруга также закончила биологический факультет университета с отличием, и помимо своих профессиональных

достижений знает множество секретов воспитания хорошего врача). Их дочери Лаура и Эльмира тоже окончили с золотой медалью школу № 5 г. Нальчика, а потом и медицинский факультет КБГУ с отличием и идут по стопам родителей.

В настоящее время обе дочери, успешно завершив интернатуру и ординатуру в г. Москве, работают ведущими хирургами по ЛОР-болезням в столичных клиниках, являясь врачами высшей категории. Активно делятся со своим отцом всем новым, полезным, технологичным, с чем им удастся познакомиться в условиях культурного и научного центра столицы.

Старшая дочь Лаура сумела порадовать отца в придании ему статуса дедушки. То же самое ожидается от младшей дочери Эльмиры. Александр Беталович очень быстро освоился в роли внимательного, любящего дедушки. И все же, как мне кажется, основное предназначение, уготованное для него, – это неустанный исследователь, постоянно стремящийся к повышению эффективности жизни человека, который не устает повторять, что личный пример – это все!

От редакции

Познакомившись с этим очерком, мы заинтересовались и жизнью его матери, которая одна, без мужа, вырастила и воспитала в трудные военные и послевоенные годы такого замечательного человека, талантливого ученого, преданного друга и товарища. В разное время она работала на многих участках сельской жизни: завмагом, бухгалтером колхоза, заведующей избой-читальней (сельской библиотекой), начальником почтового отделения, учителем; избиралась депутатом райсовета, сельсовета, председателем родного сельского Совета. Являлась членом КПСС с 1957 по 1990 годы, своей трудовой жизнью она заслужила медаль «Ветеран труда». На любом посту, в любой жизненной ситуации она была примером для односельчан до конца своей беспокойной жизни...

Говорят, такие матери достойны самых прекрасных песен, и потому у нас слагают душевные песни о матерях и поют со слезами на глазах, кто – с радостью о живущих матерях, а кто – с воспоминаниями об ушедших в мир иной, с тоской и благодарностью за подаренную ими жизнь...

*Александр МУСУКАЕВ,
доктор исторических наук,
профессор КБГУ*

Осетинские фамилии в современном кабардинском мире

Статья посвящена одному из актуальных вопросов современной этнологии – миграции фамилий, их роли и месте в новом обществе. В ней анализируются причины миграции, сам процесс и его результаты. На примере историй конкретных семей, фамилий, рассматриваются сложные вопросы адаптации, «вживания» представителей одной национальности в новую среду другой национальности, дальнейшего устройства жизни. В итоге анализа делаются выводы о закономерностях процессов миграции, о необходимости бережного отношения к сбору и исследованию полевого материала, а также дальнейшего изучения данного сложного вопроса современного общества.

Проблемы миграции народов или отдельных семей вызывают постоянный интерес исследователей. Это связано как с поисками более удобных мест для проживания, так и с возникающими в обществе проблемами кровной мести, ссор внутри семей, конфликтами в сельских общинах, количественным увеличением членов семей, а также со многими другими факторами: политическими, социальными, экономическими и др.

С первых веков нашей эры, начала эпохи так называемого великого переселения народов территория Северного Кавказа в целом и Центрального Кавказа в особенности стала тем коридором из Азии в Европу, по которому прошли многочисленные армии кочевников (скифы, сарматы, аланы, гунны, авары, хазары, печенеги, болгары, половцы, монголы). Во время этих завоевательных походов ираноязычные и тюркоязычные кочевники приходили в соприкосновение с местными автохтонными народами, предками современных черкесов, вайнахов (чеченцев и ингушей), абазин, дагестанцев. Это взаимодействие сопровождалось сложными миграционными и ассимиляционными процессами и проходило на протяжении многих столетий. Часть местного автохтонного населения увлекалась ими с собой в их военных походах, часть пришлых кочевых народов оседала на Кавказе, ассимилировалась здесь местным населением, а в некоторых случаях смешиваясь с местным населением, передавала свой язык автохтонам, положив, таким образом, начало новым народам в лице современных кумыков, балкарцев, карачаевцев, осетин.

Центральный Кавказ, представляя собой часть Кавказской историко-культурной области, несмотря на этническое многообразие, отличается определенным единством культурных параметров, характерных для населяющих его народов. Оно явилось, скорее всего, результатом многовековых межэтнических контактов, происходивших на этой территории с позднеантичного времени и раннего средневековья. Начиная со скифо-сарматской эпохи, происходило интенсивное взаимодействие степного мира и автохтонных кавказских племен, взаимопроникновение и взаимодействие степных этнокультурных традиций и местной субстратной основы. На протяжении многих веков это взаимодействие происходило в пределах протогосударственных и государственных этнополитических образований, сменявших друг друга на этой территории. Обычно названия этих полиэтнических образований были связаны с этнонимами того или иного народа политически доминировавшего в них на тот исторический период. Сарматское, а затем аланское доминирование в степном Предкавказье постепенно сменилось хазаро-булгарским. После падения Хазарии в X в., на территории от верхней Лабы до нижнего Терека сложилась Кавказская Алания – этнополитическое образование, объединившее значительную часть северокавказского региона и народов, его населяющих. После разгрома монголами алано-кипчакского союза в 1237 году эти территории вошли в состав нового государственного образования – Золотой Орды, в котором социально-политическое и экономическое доминирование народов тюркского языкового круга продолжалось вплоть до конца XIV века. После поражения, нанесенного среднеазиатским правителем Тамерланом в 1395 году войскам золотоордынского хана Тохтамыша, начался процесс упадка и развала Золотой Орды. С XV века начинается возвышение Кабарды – феодального княжества, возникшего на развалинах Золотой Орды, наряду с такими политическими образованиями, как Казанское, Астраханское, Крымское ханство, Большой и Малый Ногай, Московское княжество. По материалам археологии и историческим источникам ареал формирования и распространения позднесредневековой кабардинской культуры XV–XVIII вв. фактически совпадает с контурами Кавказской Алании. Являясь крупнейшим феодальным социумом Северного Кавказа, связанная системой устойчивых социально-культурных отношений со всеми этническими общностями Северного Кавказа, Кабарда политически доминировала на Центральном Кавказе и объединяла разнородные этнические элементы, входившие в систему ее влияния, в единое социокультурное пространство. Занимая центрально-кавказскую равнину и непосредственно гранича со всеми этническими общностями Северного Кавказа: осетинами, чеченцами, ингушами, карачаевцами, балкарцами, ногайцами, абазинами, обладая значительным фондом плоскостных земель, необходимым для нормального функционирования земледелия и отгонного скотоводства,

Кабарда поставила значительную часть горских обществ Центрального Кавказа в экономическую и политическую зависимость. Политическое и экономическое могущество кабардинских князей определялось количеством их подданных. Используя такие традиционные институты, как аталычество, гостеприимство и покровительство для привлечения в свои владения новых подданных, они пополняли общественные слои крестьянства и служилого дворянства из числа переселявшихся в пределы Кабарды соседних народов. Для представителей последних переселение на кабардинскую равнину давало перспективы экономического и социального роста. Здесь довольно значительным был контингент выходцев из других регионов Северного Кавказа, которые в поисках земли, покровительства и устойчивого социального статуса оседали в среде кабардинцев и быстро ассимилировались. Кабардинские князья были в этом заинтересованы, о чем свидетельствует и существование специального неприкосновенного земельного фонда, предназначенного для таких переселенцев. Военно-политическая, экономическая мощь страны нуждалась в демографической подпитке, людских ресурсах, а абсорбируя значительный процент наиболее социально активной части населения соседних горских обществ, Кабарда обеспечивала себе длительную перспективу этнокультурного и социально-политического развития.

Вопросы этногенеза (происхождения народов) являются наиболее сложными в исторической науке в силу ряда объективных обстоятельств (прежде всего недостаточного количества письменных источников), и данная статья ставит предметом своего исследования только один из аспектов этого процесса, а именно – вопросы исторической генеалогии и образование в Кабарде черкесских патронимий иноэтничного (осетинского) происхождения.

Слова «фамилия», и «семья», как известно, равны по значению. Это родовое наименование закрепляется за новорожденным наследственно. Ученые относят возникновение фамилий в России к XV–XVI вв. Сначала они закрепились за феодалами, затем за их подвластными, купцами и т.д. Так обладателями фамилий становились все слои населения. Фамильные имена нередко менялись потомками тех или иных родов внутри одного этноса.

Обратимся к конкретным примерам. Кошеровы из Урожайного (Абаево) сохранили в памяти предание, свидетельствующее о том, что их пращур Хъэдин выделился из фамилии Елкановых. Дословный перевод фамильного имени Кошеровых – «братская линия» или «братская ветвь». И по сей день потомки Хъэдина в Урожайном, Морзохе и в других населенных пунктах Кабардино-Балкарии считают себя неразделенной основой корня Елкановых. Фамилия Кошеровых после сыновей Хъэдина разрослась многочисленными ветвями.

Значительный документальный материал имеется о переселившихся из осетинских сел представителях рода Бетрозовых. Из копии отзыва начальника Терской области начальнику осетинского округа читаем о переселении Бетрозовых в «три Анзоровских аула». В документе называются три брата Бетрозовых: Бачи, Гауш и Гасай. Они положили начало семьям кабардинских Бетрозовых, переселившихся из осетинского села Лезгор в кабардинский аул Хатуей (старый Урух). Кабардинская генеалогия Бетрозовых начинается с этих трех родных братьев: Бачира, Джауиша, Джашая. Их сыновья: Хажмат, Джаукуй, Хакяша, Анфоко, Хапити, Асланбек, Кушук, Дзагай, Бекмурза. И далее ветви расширились по боковым линиям. Наибольшую популярность получила ветвь Хасанби Даниловича Бетрозова, известного предпринимателя и мецената Кабардино-Балкарии. Его родные братья и сестры: Аслангери, Хаджимурат, Лиза, Елена. Его сыновья – Анзор, Мурат, внук – Али.

Первыми поселенцами Уруха были Гегировы, Бамбетовы, Шереужевы, Сруковы, Тежевы, Блиевы, Водаховы, Коготыжевы и др. В 1810 году в Коголкино поселились Абазовы, Хановы, Хаевы, Бларамыковы. В середине XIX века из Осетии были переселены Барсаговы, Макоевы, Цавкиловы, Цалиевы, Алцагировы, Эльджаровы, Иналовы. Пастбища и сенокосные угодья крестьян состояли из земель «Щу льягъуэ», «Ержыб и дыгъэ», «Анзорхэ я щы» и др.

Среди Ириговых первым в селение Баташево (Плановское) переехал Шхасуго. Каким было его осетинское имя, теперь трудно сказать. Его сын Таувеж, внук Шигуша и правнук Ильяс пустили крепкие корни в с. Плановском и прекрасно владели кабардинским языком. У Ильяса было трое сыновей: Батэ, Мысост, Алькъэс. Мы изучили одну ветвь: Батэ – Дулыхь – Пытэ и т.д. Представители рода Ириговых были известны в Северной Осетии как прекрасные земледельцы. Они сеяли ячмень и просо, собирали большие урожаи. Землю они обрабатывали, как и многие другие, на буйволах и волах.

В середине XIX века из бассейна реки Пседах в район Инаркоя переселился родоначальник Урумовых. Причиной была земельная нехватка. Первыми переселенцами был Заурбек и двое его сыновей: Болэт и Хьэть. У Болэта было пять сыновей: Мажид, Аджэкъуэ, Лыкъуэ, Блац, Цыинэ. У Хьэть: Тпыту, Хьамид, Гуц. Так из рода Урумовых сложились новые кабардинские семьи. В настоящий момент в с. Верхний Курп проживает семь семей Урумовых.

В с. Дейское в конце XIX в. из Осетии прибыл с семьей Шидаков. Его осетинское имя – Сидак. Двое его сыновей обзаводятся семьями. Фамилия растет и развивается. Со временем фамилия Сидаковых меняется на Шидаковых. В с. Дейском проживает сегодня восемь семей Шидаковых.

Пастбищные угодья кабардинцев, равно как пахотные и сенокосные, составляли сельско-общинную собственность. Это была важнейшая собственность кабардинцев, так как скотоводство в Кабарде было важнейшим составляющим в хозяйстве общинников. На 1877 год пастбищных земель в Кабарде насчитывалось около 240 тысяч десятин, чего вполне хватало для нужд животноводства. Жившие в Северной Осетии Кумеховы прекрасно знали о налаженном в Кабарде коневодстве и о кабардинских пастбищах. Родоначальник Кумеховых Докшуко знал о высоких качествах этих пастбищ, о тех прекрасных специалистах, которые выращивали лучшие породы лошадей. Докшуко со своими сыновьями Ибрагимом, Султаном, Мурзабеком, Цукой, Жамалдином, Али, Исмаилом, Билялом и Зубером переезжает во Второй Лескен. Отсюда род множится и распределяется по другим селам Кабарды.

В с. Боташево (Плановское) жители села принимают человека по прозвищу «Ду-ду» – «хороший». Его просили переехать в с. Боташево, поскольку он широко был известен как прекрасный специалист по лошадям: растил, лечил, оберегал. Уважуко Дудуев поселился в с. Боташево, но всегда поддерживал тесные отношения со своими родственниками в Осетии. Хозяйство Уважуко было преуспевающим, у него было четыре сына: Исмел, Акберд, Масхуд и Бердуло. От внуков стали появляться новые ветви. Семья стала одной из уважаемых в кабардинской среде.

Несколько позже во Втором Лескене поселился Сафкудз Мирзоев, родом из Южной Осетии. Сафкудз имел стада овец, коров, лошадей, и ему не хватало пастбищных участков. Все предки Сафкудза были скотоводами, и Второй Лескен был выбран местом жительства не случайно. У Сафкудза было двое сыновей: Емыз и Хажмурза, от которых в дальнейшем стала развиваться фамилия.

В Боташево выехали Ахаминовы, Замбатовы и Сабановы. Ахаминовы сначала переселились в Турцию, затем вернулись в Северную Осетию, а впоследствии все же уехали в Боташево. «Ахамин» означает «чабан». Пшимахо положил начало семьи Ахаминовых сыном Карачаем, внуком Шахбаном и правнуками Тутум, Эльбаздухо и Бекануко.

Замбатовы в основном занимались животноводством и пчеловодством, а также домашними ремеслами: выделыванием бурок, вязанием свитеров, носков. Родоначальником фамилии был Хажбатыр. Его сын Кантемир, внуки Хурзоко, Гузер и Борис пустили основную ветвь фамилии Замбатовых.

Из Чиколы прибыла фамилия Сабановых. Родоначальник – Наша, с сыновьями Нахо и Наибом. Семья выбрала своим основным занятием разведение скота. На Зольских пастбищах они выращивали лошадей особо выносливой породы, которых продавали по всему Северному Кавказу.

Батоко Мазоков переехал из Северной Осетии (сел. Берагзгант). Поселились Мазоковы около леса, поэтому и фамилия носит название «сын леса». Любимым занятием Мазоковых было изготовление изделий из древесины, кроме того они продавали саму древесину, ловили рыбу, охотились. Кроме того, Мазоковы выращивали просо, ячмень, кукурузу. Сын Батоко – Даут, и внук Жанали уже обосновались в с. Боташево.

Фамилия кахунских Кокоевых количественно значительно превосходит других родственников в Кабарде. Братья Али и Тазир имели более трех тысяч овец. Поселившись в с. Озрек, Кокоевы во многом оказывали помощь односельчанам. Сегодня фамилия Кокоевых – одна из самых значительных в Кабарде. Основатель кахунской линии Кокоевых – Кантемир. У него было трое сыновей: Мухамед, Ильяс и Таукен. Фамилия стала разрастаться при внуках Казире, Ауэсе, Али, Тазире и др.

Елей жил в Северной Осетии в Ирафском районе, с. Лесгор. Елеевы занимались скотоводством и платили высокую пошлину Тугановым. Но с пошлиной они не справлялись, поэтому переехали в Дигору. Но и там, к сожалению, не хватало пастбищных и сенокосных земель, и поэтому они обратились к кабардинскому знатному дворянину Анзореву Мураду и попросили землю в аренду. Они поселились в Анзорее (Лескен II), получив пахотные и сенокосные земли (60 га). Впоследствии Елеевы расселились по Кабарде: Озрек, Ерокко, Кахун, Нарткала и другие населенные пункты.

Фамилия кабардинцев Евазовых вышла из осетинской ветви Евазовых. Имени своего родоначальника Евазовы не знают. Семья владела несколькими земельными участками и значительной отарой овец. В настоящее время в с. Арик насчитывается двадцать четыре семьи Евазовых. Мужчины фамилии в основном занимаются строительством жилых домов и характеризуются как прекрасные мастера.

Фамилия Кагермазовых развивалась несколько иначе, чем другие фамилии осетинского происхождения. Родоначальником этой фамилии был Хажмурза. Семья была весьма состоятельна в имущественном отношении. Хажмурза решил поменять свое местожительство и обратился к старшине с. Лескен II. Он получил согласие: «къагъырмэс – къолгъымас» – «согласие». Так появились Кагермазовы – кабардинцы из Лескена II и балкарцы. Кубай имел сыновей Касая и Мурзакула. У Касая родилось пять сыновей: Аслан-мурза, Ельмурза, Джаги, Гетмажи, Хамби. У Мурзакула – Дули и Боле. Так развилось семейное дерево, которое стало впоследствии еще более разрастаться и расширяться.

Немало фамилий получили свои названия по имени старшего в семье брата. Родоначальником фамилии Браевых считается Али. Вначале его звали Билай, затем – Брай (Браев), то есть «храбрый», «бесстрашный».

Он стал широко известным в Кабарде человеком. Он обосновался в Герменчике в 1926 году. Первыми переселенцами из рода Браевых стали Дотмырза, его сыновья Хасан, Хусен и Машэ.

Фамилия Джибиловых восходит к тюркскому «джебель» – «воин», «всадник». Впервые мы встречаемся с этим наименованием в XIX веке в Кармово. Два брата, Тембулат и Ислам, находились в состоянии кровной вражды с одной из фамилий села. Со временем старший семьи Джибиловых был избран помощником старшины села Кармово. Джибиловы в настоящее время живут в Каменноостском (Кармово), Шордаково и других селах Кабарды. Тембулат и Ислам дали начало ветвям Хамбиля, Османа, Сараби, а также внуков – Анзора, Мухадина, Мухамеда, Хасена и Хусена.

В роду Макаевых имя старшего помнят почти все родственники. Но они скрывали это имя от посторонних, пока еще были живы помнящие события, связанные с убийством и положившие начало кровной мести между родами. У всех народов Кавказа имя кровника помнили долго, так как оно передавалось из поколения в поколение. Из трех родных братьев Макаевых особо можно выделить имя Дзырау. Он положил начало трем ветвям: Хажумара, Темболата и Дзыдзу.

Ошроевы из с. Арик помнят, что их фамилия имеет осетинские корни. Имя основоположника рода в памяти родственников не сохранилась. Причина переселения – кровная месть. Убийство было совершено топором: «бьющий топором» – «уэжрауа». Отсюда произошло и самоназвание – Ошроевы. В настоящее время в Арике проживает шесть семей Ошроевых, основная генеалогическая линия: Хатута – Кад-Горя – Хамиза – Мухарбек – Хасан и др.

Фамилия Савкуевых происходит от «Машыкъяу», выходца из Дигорского ущелья, который поселился в Лескене II. В роду Машыкъяу новорожденные мальчики часто умирали. Одна из старших женщин Лескена, следуя известной традиции, посоветовала им взять себе фамилию Савкуевых, так они и сделали. Род Савкуевых стал множиться, более того, от Савкуевых произошли новые кабардинские фамилии – Казанчевых и Темиркановых. Одним из сыновей Машыкъяу был Дафи, его сын – Татархан, внуки – Къайсын, Амерхан, Гудзо.

Проблема миграции целых народов или отдельных их представителей существовала всегда. Взаимосвязь и взаимовлияние народов обогащало их культуру, укрепляя экономические, социальные и родственные отношения. Мы рассмотрели один из видов таких связей на примере переселения представителей осетинского этноса в Кабарду.

Появление фамилии как общественной организации, как группы родственных семей, поддерживающих в разной степени родство, относится к периоду средневековья, началу нового времени. Появление фамилии связано с быстрым увеличением населения, распадом больших

патриархальных семей и с изменениями в социально-экономической жизни на Северном Кавказе.

До нас в основном дошли более поздние наименования многих фамилий. Народы Северного Кавказа и по сей день очень бережно относятся к генеалогиям и историям своих фамилий. Редко кто из мужчин рода не знает семь и более поколений своих предков и фамильное предание. И если что-либо утеряно исторической наукой или затерялось в толще веков, это надо искать в генеалогических преданиях и легендах, историях образования фамилий и их наименований.

К сожалению, со старшим поколением уходит из жизни и память об историях фамилий, об их происхождении, о значительных представителях того или иного рода. Наша задача – сохранить все ценное, чтобы передать это нашим детям и внукам.

В целом, миграционные процессы в жизни людей – явление закономерное, особенно для народов, живущих на сопредельных территориях и в одном регионе. Эта форма контактов была широко распространена у народов Северного Кавказа, регулировалась системой обычного права, была зафиксирована в генеалогических преданиях и объективно способствовала взаимному познанию, культурному взаимообогащению и сохранению традиций добрососедства, гостеприимства, взаимного уважения соседних народов.

От редакции

Действительно, народы Северного Кавказа всегда ревностно относились к своему прошлому, к изустным преданиям, в которых зафиксированы сведения генеалогического характера. Но многие свидетельства такого рода основаны на спорных или недостоверных данных, что по необходимости обусловлено политическими и социальными обстоятельствами, при которых происходило формирование современных фамилий. Были времена, когда историческая память людей искажалась под влиянием той или иной доминирующей идеологии, поэтому сегодня трудно с уверенностью говорить о достоверности некоторых сведений (зачастую легендарного или мифологического свойства), на которые ссылаются представители различных родовых групп и фамилий.

Таким образом, данная статья, при всех ее очевидных достоинствах, не может быть бесспорной в некоторых ее положениях. Если же кто-то из читателей журнала обладает информацией, объективно и аргументированно дополняющей заявленную тему, редакция готова предоставить ему возможность высказать свою точку зрения на страницах «ЛКБ».

Из учительской династии

Очерк

Аслан Сулейманович
Альборов

В старейшей школе селения Старый Черек (МКОУ СОШ № 1) в свое время учились ныне широко известные в Кабардино-Балкарии и за её пределами личности. Среди них – один из основоположников кабардинской советской поэзии, писатель и переводчик Бетал Ибрагимович Куашев, директор Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук академик Пётр Мацевич Иванов, верховный судья КБР Юрий Халидович Маиров, президент Международной черкесской ассоциации Хаути Хазритович Сохроков, главный редактор единственного в республике русскоязычного литературного журнала «Литературная Кабардино-

Балкария» Хасан Миседович Тхазеплов и многие другие.

Старочерекская школа и сегодня занимает одну из лидирующих позиций в рейтинге лучших сельских общеобразовательных учреждений. Не в последнюю очередь своей известностью и успехами она обязана нынешнему директору – Аслану Сулеймановичу Альборову, который руководит работой педагогического коллектива с 1995 года, то есть уже более двадцати лет.

– Сам я, будучи уроженцем Старого Черека, проучился здесь все десять лет. Помню свои первые ученические ощущения – ту внутреннюю торжественность, которую ощущал, собираясь на первый в своей жизни урок, своих первых учителей, любимые предметы – математику и литературу. Помню и щемящее чувство, с каким покидал ставшие за эти годы родными стены. Конечно, со школьными временами в моей жизни, как, наверное, в жизни большинства из нас, у меня связаны самые лучшие и светлые воспоминания.

Покинув школьную скамью, 17-летний Аслан Альборов поступил в 1979 году в Кабардино-Балкарский Государственный университет, на физико-математический факультет, на два года прервав учебу – с 1981 по 1983 годы служил в рядах советских вооруженных сил в ракетных войсках в далеком Казахстане, на легендарном космодроме Байконур. Вернувшись, защитил университетский диплом, после чего в течение года работал инженером в компьютерном центре, которым руководил его знаменитый односельчанин Пётр Мацевич Иванов.

В 1984 году Аслан Сулейманович вернулся в стены своей alma mater уже в качестве учителя математики и физики. В этой должности он проводил во взрослую жизнь одиннадцать выпусков. Педагогическая деятельность Аслана Альборова была высоко оценена руководством

РайОНО и коллегами, и в середине 1990-х годов он был назначен на должность директора.

– С тех пор, – говорит Аслан Сулейманович, – забот прибавилось в разы. Нужно было думать не только о своих предметах, которые я продолжал преподавать, не только об индивидуальном учебном плане и прочих рабочих документах, на составление и ведение которых у любого учителя уходит уйма времени, не только об успеваемости учеников, но и о массе других, жизненно важных для школы вещей – моральном климате в педагогическом коллективе, снабжении учебными пособиями, о необходимом для полноценного ведения учебного процесса оборудовании, различных конкурсах, олимпиадах, хозяйственных проблемах и еще о многом другом. В этой связи нужно сказать, что диапазон обязанностей директора школы намного шире учительских, а следовательно, выше и степень ответственности за всё, что творится в стенах школы.

Нужно сказать, что со всеми своими обязанностями Аслан Альборов справляется блестяще, в результате чего возглавляемая им школа занимает лидирующие позиции в Урванском районе и видное место в ряду других школ Кабардино-Балкарии.

Думается, что профессиональные успехи героя нашего очерка обусловлены и тем фактом, что Аслан Сулейманович является представителем династии учителей, продолжателем дела своих родителей. Его мать – Роза Хусеновна Альборова, всю свою жизнь посвятила обучению и воспитанию самых маленьких учеников. Более 35 лет проработала она учителем начальных – с 1-го по 4-й – классов, и до сих пор пользуется у односельчан большим уважением и авторитетом. Отец нынешнего директора МКОУ СОШ № 1 с.п. Старый Черек, Сулейман Машевич Альборов, преподавал в этой школе историю без малого полвека, едва ли не с первых лет ее существования. Свой богатейший педагогический опыт и свои профессиональные знания и отец, и мать старались передать своему сыну в полной мере, и сегодня можно сказать, что Аслан Сулейманович является достойным продолжателем дела своих родителей.

Следует сказать, что Альборовы – не единственная в этой школе «учительская» фамилия. Здесь работает много специалистов, представляющих профессиональные династии. Это учителя русского языка и литературы Лариса Антоновна Гончарук и Марина Борисовна Миронова, учителя истории Лариса Джабраиловна Бахунова и Лидия Петровна Егожева, учитель музыки Вера Петровна Кашежева. Кстати, Лидия Егожева и Вера Кашежева – сёстры.

Школа гордится своими ветеранами – учителями начальных классов Зулихан Амурбиевной Ивановой, Марией Бердовной Соховой, Риммой Хамидовной Тиевой. Много лет отдали работе с детьми учителя начальных классов Нина Хаматовна Сохова, учитель биологии Оксана Хачимовна Озрокова, учитель кабардинского языка Лёля Мухамедовна Гогутлова, супруги Аскерби Хазешевич Озроков и Зара Александровна Гасиева, учителя русского языка и литературы и ветераны труда Зинаида

Хажпаговна Семёнова (заслуженный учитель РФ) и Ольга Яковлевна Гогутлова. Не так давно ушёл из жизни один из старейших педагогов, учитель математики Абдул Алхасович Тиев. Такая концентрация высококвалифицированных педагогических кадров была обусловлена тем обстоятельством, что в свое время МКОУ СОШ № 1 объединила в себе две школы, действовавшие в селении ранее. О старых временах теперь напоминает лишь, расположенный на территории современного учебного заведения старый корпус бывшей 2-й сельской школы. После капитального ремонта в нем проходят занятия начальных классов.

– Реконструкция и объединение всех сельских школ в одну были осуществлены благодаря помощи нашего земляка Хаути Хазритовича Сохрокова, – говорит Аслан Сулейманович. – С тех пор наша школа считается в районе базовой. У нас функционируют предпрофильные и профильные классы. С момента объединения и реконструкции уровень обучения у нас заметно повысился.

На территории МКОУ СОШ № 1 с. п. Старый Черек сегодня в общей сложности находится четыре действующих корпуса. Два из них представляют собой дошкольные блоки, попросту говоря – детские сады, в которых воспитывается около 200 малышей. Численность ребят, проходящих обучение с 1-го по 11-й классы – 445 человек.

– Руководство школы, её ветераны стараются сохранить и приумножить лучшие традиции, формировавшиеся целой плеядой моих предшественников, – говорит Аслан Сулейманович. – Мы чтим и помним всех наших директоров: Фёдора Семёновича Печонова, Петра Хазешеви́ча Хапова, Залима Алиевича Налоева, Абдула Мугидовича Гогутлова, Аскерби Хазешеви́ча Озрокова. Их имена навсегда вписаны в историю 1-й Старочерекской школы, как и имена остальных ветеранов.

В 2008 году МКОУ СОШ № 1 выиграла грант министерства образования и науки РФ и на сегодняшний день является лучшим образовательным учреждением района по внедрению передовых технологий. Учебные классы компьютеризированы и оснащены современным оборудованием, что заметно облегчает процесс обучения и усвоения материала.

– Всё это делается для того, – говорит Аслан Сулейманович, – чтобы наше учебное заведение стало реально конкурентоспособным, чтобы родители, отдавая своих детей нам на обучение, были уверены в том, что они получают здесь качественные и разносторонние знания, приобретут необходимую базу, которая сослужит им добрую службу в дальнейшей жизни, независимо от того, будут они впоследствии поступать в вузы или сразу по окончании школьного обучения займутся общественно-полезной деятельностью. Хочу выразить надежду, что и государство не оставит без внимания наши благие устремления и в дальнейшем будет помогать нам в решении проблем. Мечтаю о том, что когда-нибудь и мои выпускники, следуя примеру своих предшественников, смогут представлять своё село, свой район и свою республику на самом высоком уровне.

Владимир БЕСЛАНЕЕВ

Жизнь и смерть узденя Бора Абеева

Рассказ

Кабарду раздирала междоусобная борьба князей. Сильные и гордые кабардинские владельцы никак не могли поделить власть. В итоге это привело к разделению Кабарды на удельные княжества, а к началу XVII века – к ее распаду на две большие самостоятельные территории и образованию Большой и Малой Кабарды.

Старший князь Кабарды Янсох Кайтукин, не сумевший усмирить их, был силой отстранен от верховной власти. Старшим князем попытался стать Мамстрюк Темрюков, которого русский царь пожаловал княжеством Кабардинским. Однако князья его не приняли. Это вызвало трагическую смерть Мамстрюка и его брата Даманука. Князь Кази Пшеапшоков из рода Кайтукина и его сторонники убили их, а затем со своими аулами и аулами убитых князей Темрюковичей ушли на Кубань, к бесланеевцам. Старшим князем Кабарды был избран умный и храбрый владелец Шолох Тапсаруков из рода Талостана, которого русский царь так и не утвердил на княжение. По этому поводу в его родословной сказано так: «Шолох, князь Кабардинской, а государева жалованья княженства не дано было ему, умер своею смертью...». Шолох Тапсаруков стал властвовать в Малой Кабарде, а потомки князя Кайтука Жанхотова, князя Тохтамыша и сыновья князя Идара остались в Большой Кабарде.

Турция и крымское ханство, не желая терять свои позиции на Северном Кавказе, используя княжеские междоусобицы, нередко вмешивались во внутренние дела Кабарды. Так, в 1616 году, якобы для поддержки враждующих группировок, крымский хан совершил поход в Кабарду. На речке Малка кабардинские дружины встретили татар. Произошло кровопролитное сражение. Однако под натиском превосходящих сил кабардинцы отступили. Вторая битва произошла на берегу речки Псыгансу. Кабардинские дружины вновь были вынуждены отступить. Несогласованность действий князей, вражда между ними не позволяли им объединить свои силы воедино. Не все князья выставили дружины против общего врага. Видя это, татары потребовали от князей большую дань, в том числе девушками. Князья отказались. В Кашхатауской долине противники вновь сошлись на битву. После долгой сечи татары стали одолевать кабардинцев. И в это время в гущу татарских войск врезался отряд из 500 всадников, прибывший с правобережья Терека – из Гиляхстаней и Талостаней. Ход сражения был переломлен. Татарское войско разбито наголову, а остатки его бежали в Крым. В этом сражении отличился уздень (уорк) из Гиляхстаней Бора Абеев. Высокого роста,

богатырского телосложения, он бесстрашно громил врага. Бора Абеев стал героем народной песни о Кашхатауской битве. В этой песне о нем говорится так:

*Тэтэрьицхьэхэр зи дэджэгуэгьу
– Абейм и кьуэкIэ ди Борэ,
Щытхьуэ ихэцыбгьуэр бгьэхьуцIаиц,
Джатэбгьуэ кIэцIыр бгьэбзытаиц...*

Князья со своими дружинами разъехались по домам, отправив на телегах раненых и тела убитых воинов. Бора Абеев с двумя боевыми соратниками остановился погостить в ауле Камбачоковых, который располагался недалеко от Татартупа, у подножия хребта. Три дня в доме братьев Камбачоковых – Асламурзы и Батмурзы – произносились тосты в честь победы над крымскими татарами, звучали песни о доблестных нартах. Немало здравиц прозвучало и в адрес героя Кашхатауской битвы Бору Абеева, о его богатырской силе и храбрости. Бора слушал их, а сам думал о той девушке, которую увидел здесь вчера. Как стало известно позже, она была сестрой братьев Камбачоковых. Зуратхан – так звали эту девушку, которая очаровала «неприступного» Абеева.

На четвертые сутки гилахстанеевцы отправились домой. Селение уорков Абеевых располагалось на правом берегу реки Сунжи рядом с аулами Индарова и Хапцева. Бора ехал молча. Все его мысли были о ней – о прелестной Зуратхан.

Абеев прожил более трех десятков лет, и впервые он впал в такое странное состояние, его стало одолевать непонятное ему доселе чувство, чувство, которое «обезоружило» его – бесстрашного воина-богатыря. Бора стал сознавать, что всей душой полюбил эту девушку... И вообще, ему пора уже жениться. На это недвусмысленно намекнули и друзья – Тенгизби и Камбот, понимая, в чем дело, хотя сами еще не были женаты.

– Пора тебе жениться, Бора. Сколько можно ходить в холостяках, – сказал Тенгизби.

– Конечно, пора. Я тоже так думаю, – поддержал его Камбот.

Бора молчал. Но в душе он был согласен с ними.

– А сами-то почему не женитесь? – заговорил, наконец, Бора.

– Мы еще не выбрали, на ком. Ты – другое дело. Ты уже выбрал, и можешь посылать сватов. Я прав, Камбот? – ответил ему Тенгизби.

– Да! Ты прав, Тенгизби, – снова поддержал его Камбот. Перейдя речку Кумбалей, а затем и Сунжу, друзья вернулись домой.

Проходили дни. Бора всерьез стал подумывать о женитьбе. «Женюсь на Зуратхан или вообще не женюсь», – твердо решил он. В семье Бора был единственным мужчиной. Отца давно уже не было в живых. Он умер от раны, полученной в Ногайских степях во время одной стычки кабардинцев с воинами Тарковского шамхала. Сестры Бору были заму-

жем. Состарившаяся мать не один раз намекала сыну, чтобы он женился, пока она жива. А старый слуга (унаут) Тру, на глазах которого рос Бора, осмелился высказаться более строго:

– Бора, женись, пока еще молод. Завтра может стать поздно, и ты будешь никому не нужен. Твоя мать все слезы выплакала, каждый день молит Аллаха, чтоб ты женился и подарил ей внука...

В ответ ему Бора улыбнулся и промолчал. «Да, – думал он, – все к тому, чтобы я женился... Ну что ж, так и быть – женюсь. Уберем урожай, завершим полевые работы и пошлю сватов к братьям Камбачоковым просить руки Зуратхан...» А на полях дозревал урожай. Просо нынче уродилось на славу, глаз радует. Абеевцы готовились к косовице. И когда настала пора уборки урожая, они вышли в поле. Сначала соорудили временные хижинки – шалаши, где собирались жить до окончания полевых работ. Затем, после совершения обычного культового обряда, связанного с началом уборки урожая, абеевцы приступили к косовице. Ловко орудуя, кто косой, а кто серпом, одни срезали золотистые колосья в валки, другие не менее ловко подбирали, связывали и складывали их в копны. Третьи же вывозили на телегах эти копны с поля к месту их обмолота. И так с раннего утра и до позднего вечера. Бора наблюдал за всем этим из своего шалаша, который был устроен на южном склоне Сунженского хребта. Отсюда хорошо просматривалось все поле, где трудились, не покладая рук, крестьяне. Абеев находился здесь и днем, и ночью, осуществляя охрану своих хлебов и надзор за крестьянами. Он верхом объезжал поля и готов был защитить жителей своего аула, занятых уборкой урожая, от абреков и от возможных набегов со стороны соседних правителей.

В конце лета завершились полевые работы. Бора позвал друзей и поведал им, что намерен жениться, потому хочет отправить сватов к Камбачоковым.

– Тенгизби, больше всех ты желал этого, – обратился к другу Бора. – Поэтому поезжай к братьям Камбачоковым и сообщи им о моем решении жениться на их сестре. С собой возьми нескольких парней на свое усмотрение.

На следующий день Тенгизби с двумя уорками отправился в Тало-станей, в аул Камбачоковых. Гостей с берегов Сунжи здесь приняли с почестями.

– Уважаемый Асламурза, – начал разговор Тенгизби, обращаясь к старшему из братьев Камбачоковых, – нас привело к вам очень важное дело, и мы хотели бы перейти к нему, немедля.

– Желание дорогих гостей для нас свято. Мы вас слушаем, Тенгизби, – не стал возражать ему Асламурза.

И Тенгизби рассказал Камбачоковым о причине их визита к ним.

– Мы хотели бы сегодня услышать ответ, – заключил он. Не ожидав такого поворота дел, братья замешкались.

– Вопрос непростой, сразу не ответишь. Мы должны подумать, посоветоваться. Дайте нам немного времени, – сказал Асламурза, поглядывая в сторону младшего брата.

– Да, конечно, – поддержал своего старшего брата Батмурза.

– Когда мы можем вернуться за ответом? – спросил Тенгизби.

– Вернемся к этому вопросу... через неделю, – немного подумав, ответил Камбачоков-старший.

Абеевцы уехали. Прошла неделя. Тенгизби с друзьями снова приехал в Талостаней.

– Мы посоветовались и решили, что она слишком молода, ей еще рано выходить замуж. Пусть уважаемый Бора подождет некоторое

время, хотя бы год – до следующей осени. Тогда вернемся к разговору, – был ответ Асламурзы Камбачокова.

Абеевцы уехали опять ни с чем. Бора был недоволен, не согласен с таким ответом.

– Я думаю... они ищут повод, чтоб отказать мне, – сказал он другу с досадой. – Прошу тебя, Тенгизби, поезжай к ним еще раз и не возвращайся без конкретного ответа «да» или «нет».

Абеев догадывался, почему Камбачоковы тянут с ответом. Он понимал: им не совсем по душе то, что он небогат, не нажил большого состояния, как они. Зато он имеет много друзей. О нем знает вся Кабарда. Даже соседние народы слышаны о нем, о его богатырской силе и храбрости. О его подвигах в битвах с крымскими татарами слагают легенды, песни...

Сидит Абеев на склоне Сунженского хребта, на том самом месте, где обычно держит свой «штаб» во время уборки урожая, и с грустью смотрит туда, откуда его друзья должны возвращаться из Талостаней. Он все же надеется, что Камбачоковы дадут положительный ответ и прелестная Зуратхан станет его женой. Если откажут – хуже для них.

Бора силой увезет ее. Он не отступит от своего решения. Не в его это характере. Тем более, весь аул уже знает, что он женится.

Похоже, и конь, верный друг Натох, понимает душевное состояние своего хозяина. Разделяя его тоску, он перестал щипать траву, стал рядом с ним и тоже смотрит вдаль. Иногда он поворачивал голову к нему, к хозяину, и своими шершавыми губами нежно дотрагивался то до плеча, то до его уха, желая утешить, поласкать боевого друга.

Наконец, к вечеру, вдалеке показались трое всадников. Это были они – сваты, возвращающиеся из Камбачоково. Вскоре они подъехали к «командному пункту» Абеева, который располагался на склоне хребта. Спешились. Сели рядом с Борой. Тишина, все молчат.

– Что молчишь, Тенгизби? – первым заговорил Бора. – Судя по вашему виду, вы мне ничего утешительного не привезли.

– Да, мой друг, – сказал Тенгизби. – Братья настаивают на своем. Говорят, что ей еще рано замуж идти. «Если, – говорят они, – Боре надо срочно жениться, мы ему найдем невесту. У нас в ауле много хороших девушек, красивых, работающих...»

– Ладно. Это мы решим по-другому. Они об этом еще пожалеют, – заключил Абеев.

На следующий день Бора отправился в Талостаней к аталыку братьев Камбачоковых. Стараясь быть незамеченным, Абеев отыскал в ауле дом Хаздина. Так звали аталыка, в доме которого получили воспитание Асламурза и Батмурза. Гостя из Гилахстаней здесь приняли радушно.

За обильным столом Бора рассказал хозяину дома о причине его визита к нему. Хаздин, конечно, знал, что Абеев сватался к Зуратхан. Он знал также, чем это кончилось. Но, сделав вид, что об этом ему неизвестно, Хаздин внимательно выслушал гостя. Хозяин с уважением отнесся к решению Абеева жениться на Зуратхан. Он много слышал о Боре Абееве, о его подвигах, и считал, что он будет ей самым достойным женихом. Более того, Хаздин пообещал помочь ему, и обговорили, как это сделать. Довольный результатом поездки Бора возвратился домой.

Проходили дни. Абеев ждал вестей из Камбачоково. И дождался. Прибывший от Хаздина человек сообщил Боре, что Асламурза и Батмурза уехали на Баксан к друзьям, и возможно, они побудут там несколько дней...

Медлить Бора не стал. Как только гость из Камбачоково уехал, Абеев собрал друзей. Он сообщил им, что завтра поедет в Талостаней за невестой.

– Я это делаю с согласия родственников и близких Зуратхан. Все обговорено с ними, – уточнил Бора.

– А как же ее братья? – спросил Тенгизби.

– Они уехали. Их не будет дома несколько дней, – ответил Бора.

На следующий день в сопровождении шести всадников Абеев отправился в Камбачоково. Была осень, сентябрь месяц. День выдался

теплым, солнечным. На деревьях листва была еще зеленая, и трава не успела подсохнуть... Всадники двигались вдоль речки Кумбалей, объезжая пасущиеся на ее берегу стада овец и коров, табуны лошадей. До самого Терека, куда справа впадал Кумбалей, их сопровождало звонкое пение жаворонка. А над ними высоко в небе парил орел. И вокруг было тихо и удивительно красиво...

Переправившись через Терек чуть выше места впадения в него Кумбалея, а затем перейдя реку Ардон, всадники въехали в аул Камбачоково. К их приезду здесь все уже было подготовлено. Зуратхан находилась в доме Хаздина. Он

позвал ее, чтобы она погостила день-другой у него дома. Зуратхан догадывалась, почему она здесь. Догадывалась, но делала вид, что ничего необычного не происходит. В глубине души она была равнодушна к Абееву, к этому богатырю-герою из Гилахстаней.

Вскоре Абеев с друзьями подъехал к дому Хаздина. Спешившись у ворот, они зашли во двор. Хозяин дома встретил гилахстанеевцев как дорогих гостей, пригласил их в дом и тут же распорядился, чтобы накрыли стол. Прислуга забегала, и вскоре стол был накрыт. Но Бора не собирался долго засиживаться. После нескольких тостов он дал понять Хаздину, что им пора ехать. Хозяин с пониманием отнесся к просьбе Абеева. Сегодня лучше поторопиться, а то неровен час братья Камбачоковы могут вернуться неожиданно, и тогда...

Бора поднялся. Встали и его друзья. Все вышли во двор. Хаздин позвал Зуратхан, взял ее за руку и вывел на крыльцо. Бора подошел к девушке, накинул на ее плечи бурку и, подхватив ее на руки, посадил на коня. Затем сел сам и покинул аул в окружении друзей.

Узнав, что Зуратхан увозят, аульчане бросились в погоню.

К ним присоединился и Хаздин. Он понимал, что аульчане сгоряча могут натворить беды. Ему придется удержать их от этого и уладить дело. Так и случилось.

Гилахстанеевцы были на берегу Терека, когда вдруг невдалеке показались всадники, с десятков человек, направляющихся к ним. Абеевцы поняли, что это за ними. Но, разглядев Хаздина, ехавшего впереди всадников, Бора успокоился. Раз он с ними, все уладится. Бора отправил навстречу камбачоковцам Тенгизби, которого они

знали. Хаздин сумел направить переговоры в нужное русло. В итоге стороны договорились, что Бора и Зуратхан достойны друг друга. На этом они и разъехались.

Прошло несколько дней. Гостившие в Большой Кабарде братья Камбачоковы воротились домой. Не успели они спешиться с коней, как прислуга доложила им о случившемся.

– Как это произошло, Гиса? – спросил Асламурза старшего из слуг, который, опустив голову, держал его коня за уздечку.

– Ваш аталык Хаздин лучше осведомлен об этом, Асламурза, – ответил Гиса.

– Едем к нему, – сказал Асламурза, обращаясь к брату.

И они поехали к своему аталыку. Хаздин был дома. Он знал, что его воспитанники вернулись, и был готов к разговору.

– С приездом, мои дорогие кунаки, – с радостью встретил их Хаздин. – Прошу в дом.

Асламурза и Батмурза, уставшие с дороги, зашли в дом. Сели за стол. Ели молча. Видно было, что они очень расстроены.

Тишину первым нарушил Хаздин.

– Как вы съездили на Баксан? Какие там новости? – спросил он их.

– Съездили-то мы хорошо. А вот здесь... Позволили Абееву увезти Зуратхан, – с досадой сказал Батмурза.

– Как это случилось, Хаздин? – спросил Асламурза. Хаздин рассказал им все, как было, и заключил:

– Я отдал ее за Абеева. И позволил себе это потому, что она мне не чужая. Бора достоин ее. Он известный во всей Кабарде уздень.

Камбачоковы промолчали. Возражать аталыку не дозволялось воспитанникам.

Вскоре в Абеево состоялась свадьба. На торжество к Абеевым приехали правители аулов Гилахстаней и Талостаней, многочисленные друзья. Три дня и три ночи в Абеево произносились тосты и здравицы в честь молодой четы, звучала кафа...

Пожалуй, больше всех радовалась старая Куляш – мать Боры. Наконец-то сбылось ее желание!

На четвертые сутки гости стали разъезжаться по домам, а молодые аульчане продолжали веселиться, и чудотворные мелодии адыгской кафы долго еще звучали над Абеево.

Прошел год. По традиции, через такой период времени после свадьбы невеста возвращалась в дом родителей погостить неделю-другую. Так и поступили Камбачоковы: родственники Зуратхан приехали в Абеево и забрали ее. Прошло две недели. Бора послал в Талостаней родственников и друзей за своей женой. Однако братья Камбачоковы не отдали Зуратхан.

– Сестру мы привезли домой и обратно не отдадим, – был ответ Асламурзы.

Абеев был очень огорчен. Но решил вернуть ее в свой дом любой ценой. Вновь помог Хаздин. Он пригласил к себе братьев и устроил им пир, предварительно известив об этом Абеева. И пока они беззаботно пили сладкую махсыму у аталыка, Бора с друзьями нагрязнул в дом Камбачоковых и увез Зуратхан.

Вскоре об этом известили братьев. Захмелевшие от крепкого напитка Камбачоковы не сразу сообразили, в чем дело. Но когда дошло до них, что Бора приехал и забрал Зуратхан, отрезвевшие братья бросились в погоню. На этот раз не послушались они своего аталыка не делать этого.

Мчавшиеся что есть мочи Камбачоковы догнали гилахстанеевцев. Переговоров между ними не получилось. Асламурза даже не захотел разговаривать с Абеевым. Подъехав к Боре, он схватил Зуратхан за руку и стал тянуть ее с седла. Бора тоже не отпускал ее. В результате этого «перетягивания» она получила травму, от которой скончалась через несколько дней. Похоронили Зуратхан в Абеево, на родовом кладбище.

Погибли и ее братья. Они были убиты в схватке с абеевцами. Тела убитых узденей (уорков) привезли и похоронили на родовом кладбище в Камбачоково.

Потеряв молодую жену, Бора загрустил, стал неразговорчив.

Чуть рассвет он седлал коня и выезжал из аула, бродил по полям, поднимался на Сунженский хребет, садился на бурку и печально смотрел на окружающее. Перед глазами невольно вставал образ нежной, прекрасной Зуратхан. Он любил ее. «Все! Не женюсь я больше. Видно, не судьба мне иметь жену», – решил он твердо.

Друзья видели, как он страдает, и старались утешить его. Абеев понимал: ему, знаменитому воину, не к лицу сникать, предаваться слабости. Он понимал это и старался быть внешне спокойным...

Пришла весна. Начались полевые работы. Объединившись в супруги, абеевцы приступили к пахоте.

Бора привел в порядок свою хижину-землянку на склоне хребта. Отсюда он наблюдал за своими аульчанами, охраняя их от абреков.

Земледельцы завершили пахоту, подготовили почву и приступили к севу проса – основной растениеводческой культуры у адыгов. В здешних краях оно давало значительный урожай. Поэтому абеевцы с большим усердием возделывали его.

...Сидит Бора возле своей землянки на склоне хребта, слушает пение жаворонка и поглядывает на обширные поля, где трудятся крестьяне. Рядом пасется его четвероногий друг Натох. Земля начала покрываться зеленой травой. Правда, она еще невысокая, но вполне доступна животным. Поэтому на склонах хребта, да и внизу пасутся в большом количестве овцы, коровы, лошади... На зеленом фоне травы удивительно красиво просматривались первые весенние полевые цветы – желтые,

малиновые... Вместе с ними появились и медоносные пчелки-трудяги с их непрерывным жужжанием. В полдень лучи солнца начали «кусаться». Сняв верхнюю одежду, Бора сидел в одной рубашке (каптал) с кинжалом на поясе. Любуясь красотой природы, он не заметил, как к его хижине подъехал всадник.

Натох, который стоял неподалеку, забеспокоился, стал фыркать. Наконец, Бора «очнулся» и увидел подъехавшего всадника. Абеев встал.

– Салам алейкум, – поздоровался незнакомец.

– Алейкум салам, – ответил Бора.

– Ты будешь Бора, сын Абеева? – спросил он.

– Да, это я. Заходи в хижину, будь гостем, – ответил Бора.

– Я много слышал о тебе. Говорят, ты непобедим. Приехал издалека, чтобы посмотреть на тебя, – сказал незнакомец и тут же с размаху ударил Абеева дубиной, которую он держал в правой руке.

Бора, не ожидавший такого поворота дела, не успел увернуться, и удар пришелся по спине – по левой лопатке. Превозмогая боль, Абеев схватил незнакомца и вместе с конем повалил на землю, а затем по рукоять вонзил в него кинжал. Сняв с убитого оружие, Бора предал его тело земле подальше от землянки.

Прошло несколько дней. Боль в спине не проходила, левая рука повисла. Похоже, лопатка раздроблена. О случившемся он никому не говорил. На вопросы друзей отвечал: «Ничего страшного, все нормально...» Прошла еще неделя. Спина сильно опухла, горело все тело, голова шла кругом...

Бора стал сознавать, что умирает. Он собрал друзей и поведал им о случае, происшедшем две недели назад.

Через два дня Бора скончался. Знаменитого воина-богатыря, известного в Кабарде узденя Абеева похоронили на родовом кладбище рядом с могилой отца.

Вскоре похоронили и его мать. Постаревшая за эти дни, убитая горем Куляш не прожила и месяца после смерти единственного сына.

Была весна, май. На склонах Сунженского хребта вокруг опустевшей землянки цвели алые маки...

Олеся ШЕРЕУЖЕВА

Коробка халвы

Рассказ

*Посвящается светлой памяти
моего любимого дедушки*

– Дедушка, я испекла твой любимый слоёный хлеб к чаю! – сказала Маржан, забежав к своему обожаемому деду с тарелкой ароматной выпечки.

– Что ж ты так долго? – пошутил он, как обычно.

Между ними всегда было то непосредственное и простое общение, которое бывает только у давно знакомых друзей. Именно как друзья они и относились друг к другу. Деду не нужно было напоминать внучке про её обязанности по дому, а внучке – бояться деда как строгого главы семьи. Дедушка мог быть суровым с другими домочадцами, но только не с Маржан, её он часто приводил в пример младшим внукам, из-за чего их маленькие сердечки начинали колотиться от зависти.

– Дедушка, я готова слушать дальше, – потребовала девочка.

Дед посмеялся про себя, но видно было, что он доволен. Он любил, когда другие слушали занимательные истории из его жизни. Если ещё учитывать, что и рассказчик он был отменный, то удивляться просьбе Маржан не приходилось. Дети, конечно, любят слушать всякие истории из жизни взрослых, но очень важно умение рассказчика красиво преподносить их.

– Ладно, так и быть, полчаса до намаза у меня ещё есть, – сказал дедушка, присаживаясь и охотно начиная свой рассказ.

Маржан весело заулыбалась – не только в предвкушении истории, но и от особой дедушкиной манеры подшучивать, которую понимали не все.

– Давно это было. Всех нас гоняли на сенокос. В том числе и четырнадцатилетних мальчуганов, как я. В день я мог накосить в два раза больше, чем твой отец сейчас (смеётся). Пот катился с меня градом. Работа фактически не прерывалась, была определенная норма, которую мы должны были выполнить за день.

Помню, сосед Хамид работал с нами. Ему было сорок лет. Странный был человек. Я бы сказал – в голове у него было всё, что угодно, только не мозги. Был такой случай, связанный с ним, который больше смахивает на анекдот. Так вот, принес он однажды с собой арбуз, да только ни с кем не поделился, как обычно. Съел всю вкусную мякоть, остальное выбросил, да ещё и почему-то справил нужду на остатках. Что сказать, чудак человек (улыбается)! Ни себе, ни людям.

Время уже было обеденное. Хамиду, видно, было неловко попросить у нас воды, как мы посчитали потом, застав его опять за остатками арбуза. Он объяснил это словами: «На эти куски, кажется, я не мочился...». По-

сле этого случая мы всей компанией ещё больше от него отгородились. Ну, что поделаешь, чудака человек...

Мораль истории такова – всегда делись едой с товарищами и никогда не выбрасывай то, что потом пригодится.

– И он опять ел этот арбуз? – с отвращением и смешком спросила Маржан.

– Да, от жажды и голода человек может опуститься и ниже, – произнес голосом знатока дедушка. Он помолчал и продолжил: – Было время, когда нам есть практически нечего было. В ту пору даже собаки ели одни лишь сливы в саду. Да, тяжело было. У моей бедной матери всегда была головная боль от одной мысли о том, чем нас накормить сегодня. А что было делать, если коров и кур у нас не было? Не положено было, – произнес дедушка с задумчивым видом и снова замолчал. По его глазам было видно, что воспоминания о лишениях прошлого проплывают перед его взором.

– Ну, пока довольно, мне пора намаз делать, – сказал дед, очнувшись, и поднялся. Он взял маленький тазик и кувшин с водой для омовения.

Были уже сумерки. Дедушка зашёл в дом с коробкой. Девочка сидела на полу, листая занимательную книжку с изображениями древних греческих богов. По словам деда Маржан поняла, что в коробке была халва. Как же она любила эту сладость! Дедушка вышел, наказав пока не открывать её, он сам всё поделит поровну. Маржан принялась читать дальше. Вскоре она настолько увлеклась книжкой, что не заметила мамы, которая умудрилась залезть в коробку и попробовать «запретной» халвы.

Маржан смотрела на картинки, раздумывая о древних богинях и их жизни. «Вот бы мне быть одной из них», – мечтала она. В её мыслях мелькали ещё картинки, связанные с волшебными садами, серебристыми напитками, когда в комнату вошел дедушка. Посмотрев на коробку, он естественно решил, что это внучка открыла. Маржан, посмотрев на деда, поняла его мысли, открыла было рот, чтобы сказать, что это не она сделала, но тут же закрыла, подумав про себя, что неправильно выдавать маму. Дед посмотрел на внучку так, что лучше бы наорал от души, как на всех остальных. Этот взгляд говорил: ты разочаровала меня! Любя его больше всех на свете, Маржан подумала, что если лишится дружбы дедушки, то этого не переживет.

Они смотрели друг на друга молча, посторонний не понял бы всей глубины этого немого диалога. Когда ситуация достигла высшей точки накала, в комнату вошла мама и созналась в «преступлении».

Дедушка посмотрел на внучку, подумал минуту и сказал:

– Я горд тем, как воспитал тебя.

Для маленькой Маржан эти слова были равносильны оливковой ветви победителей Олимпийских игр, но самое важное: она получила свою огромную долю халвы из коробки, которую дед купил, конечно же, для неё.

В наших семьях довольно часто бывает, что пока молодые родители не встали на ноги, их первых детей воспитывают бабушка с дедушкой. Взаимопомощь между поколениями в наших краях – обычное дело.

Маржан обожала практически ежедневные походы в лес с дедом. Они любили собирать орехи, ягоды, дикие яблоки и груши, рябину. Дедушка показывал внучке «домики» ёжиков, белок и другой мелкой живности.

– Посмотри в небо, там дикие утки улетают на юг, а построились они клином, видишь?

– Да, да! – хлопая в ладошки и вытаращив глазки, отвечала Маржан.

Единение с природой, общее восхищение при виде особенного цветка или дерева, любовь к животным – всё это особенно их объединяло. Они могли ходить по лесу по полдня, и никто не жаловался на усталость, но, приходя домой, счастливые от этой прогулки, они были оба довольны всегда.

Они сидели на краю живописной поляны. Ветер разносил смешанный аромат полевых цветов. Дедушка начал рассказывать ещё одну историю, которую вспомнил.

– Однажды вечером мы с соседскими мальчишками, как саранча, сидели на черешне и уничтожали все плоды. Смотрим, группа наших сельчан направляется к многодетной семье Карчаевых. Нас удивила эта процессия, мы посчитали, что забавно будет посмотреть на неё поближе, и сразу к ней присоединились. Эта группа привлекла не только наше внимание. Вскоре мы в количестве пятнадцати человек ввалились, как снежная лавина, во двор Карчаевых.

– Старейшина! – начала одна из наших соседок, она была женщиной упитанной и среднего роста, когда она смеялась, её второй подбородок дергался вместе с ней. – У нас одна неприятность случилась.

При этом она смеялась, да и вообще смеялась она всегда, по поводу и без повода. Затем достала грязный чугунок и поставила его на всеобщее обозрение на середину стола.

Старейшиной был дед в таком возрасте, какого и сам не помнил, некоторые говорили, что ему уже перевалило за сто десять лет. Раньше не было принято задаваться вопросом, какого числа и года ты родился (улыбается). Я помню, как в первый день в армии меня спросили о дате рождения. Я ничего не смог ответить. Капитан ухмыльнулся, почесал голову и назначил мне день рождения: «С сегодняшнего дня ты родился 8 марта».

Дедушка замолчал на некоторое время. В его глазах отражались воспоминания прошлого, но сейчас он вспоминал об этом случае с улыбкой. Маржан не мешала ему предаваться своим мыслям, сидя тихо и наслаждаясь свежим ветерком и ароматом цветов.

– Так, на чем мы остановились? – оживился дед, – ах да, старейшина...

Он выслушал историю нашей соседки о ее «злоключениях» с этим грязным чугуном – мол, раньше из него выходила паста на всех членов её многочисленной семьи, а теперь только для половины.

Старейшина подумал несколько минут, осмотрел чугунок. Во время этого процесса мы толпились вокруг него и с нетерпением ожидали разрешения этой блистательной головоломки.

Старик почесал свою бороду и выдал наконец:

– Помойте хорошенько свой чугунок и всё уладится.

По двору прокатился оглушительный взрыв хохота. Смеялись и мы, держась за свои тощие животы. Соседке можно было бы нас и пожалеть, такие перегрузки для тощих животов – это уголовное дело. И правда, соседка не чистила чугунок после готовки пасты, и слой за слоем там, конечно же, накапливался нагар. В итоге места для еды оставалось всё меньше и меньше.

Дед хохотал, а Маржан не могла смеяться, она не понимала, как можно было не мыть посуду, а потом ещё удивляться.

– Думаю, мораль этой истории ты поняла и сама, Маржан, – произнёс дедушка.

Маржан лишь кивнула в ответ.

– Ну, пока достаточно. Пошли домой ты, наверное, проголодалась, – вставая, сказал дед.

– Маржан, померь мне давление, – окликнул дед внуку, которая играла во дворе.

Маржан немедленно прибежала к деду и привычно, как опытная медсестра, провела процедуру.

– Дедушка, я сделаю тебе кофе, давление, как обычно, упало, – она побежала на кухню.

Дедушка выпил кофе и прилёг. Маржан не отходила от него.

– Благодаря тебе я снова вижу свет, Маржан, – с благодарностью в голосе сказал дед.

– Дедушка, пока я рядом с тобой, ты всегда будешь видеть белый свет, – полусерьезно, полушутя ответила внучка.

– Что правда, то правда, – сказал дед, ничуть не улыбаясь, и уснул.

Было обеденное время. Как обычно, в доме все уже поели, а Маржан и дед только собирались усесться за стол. Девочка не хотела, чтобы дедушка ел один, и всегда ждала, пока он поспит немного в полдень.

– Дедушка, корова родила теленочка час назад, представляешь? – восторженно сообщила Маржан, накладывая подогретый обед из вареной курицы с чесночным соусом, пастой и шипсом.

– Так, сейчас у нас какой месяц, май? Назовем ее Майя, – решил дедушка.

Внучка улыбнулась, так как любила привычку деда – давать всему происходящему имена.

– Как вкусно получилось, ты строго следовала моему рецепту, я вижу, – сказал дед, причмокивая.

– Конечно, – ответила Маржан, тоже с удовольствием принявшись за еду.

А рецепт деда состоял скорее из пошаговых инструкций, или назовем это пожеланиями при готовке курицы. Состоял он в таких простых вещах, как например: курицу варить только в кипяченой воде; чесночный соус развести в холодной воде с черным перцем, далее – обвалить каждый кусок курицы в соусе и отставить настояться, закрыв крышкой. Вот и весь рецепт, но итог, конечно же, потрясающий!

Уже приступив к чаепитию, дедушка начал новый рассказ.

– Моя сестра Гуля в молодости была просто неуловимой. Когда она отсутствовала несколько дней подряд, это считалось нормальным, и уже никто не спрашивал её, где она ходит, спит или ест (смеётся). Расскажу тебе про её проделки. Как-то мы работали в поле, собирали зёрна пшеницы, которые машины пропустили через себя, а мы должны были эти маленькие зёрнышки подбирать.

Так вот. Захожу я в хижину бригадира, смотрю – моя сестра со своей «бандой» сидят и поглощают варёные яйца. Наблюдая за их беседой, я стоял в сторонке и пил воду. Вода была всегда в хижине бригадира – там было не так жарко.

«Ну что, Гуля, может, пойдём пособираем зерна?» – спросил один из членов «банды». Тут командир высунул руку из хижины, поморщился и сказал: «Брррр, жарко очень, пойдём, когда солнце чуть сядет». – «Хорошо», – как ни в чем не бывало согласилась моя сестра.

– А почему она тебя не брала в свою банду? – выпучив глазки, спросила Маржан.

– Ей было бы стыдно таскать меня с собой, – ответил дед.

Маржан понимающе улыбнулась и задумалась о раннем взрослении своего дедушки, скорее вынужденном, но всё-таки осмысленном. Скорее всего, внучка унаследовала это качество от дедушки, так как они во многом соглашались друг с другом и без слов.

Прошло десять лет. Молодая девушка в длинном черном платье и в платке приблизилась к кладбищу. Она долго стояла и смотрела на устрашающее зрелище, которое не оставляет любому человеку иллюзий относительно того, что конец – один.

Вдруг кто-то кашлянул. Девушка обернулась и увидела старика, восседающего на скамейке возле кладбища. Он сидел с задумчивым видом, опершись одной подмышкой на свою палку. На девушку нахлынули приятные воспоминания. Чтобы не показать свои чувства в присутствии постороннего человека, она подошла к старику и поздоровалась.

– Добрый вечер, дедушка.

– Добрый, – со смешком ответил тот.

Девушка посмотрела на него непонимающе и обратила внимание на его озорные глазки, как щёлочки. Её это рассмешило. Она присела на край скамейки по молчаливому приглашению старика.

– Что же ты делаешь в этот «добрый вечер» возле кладбища? – поинтересовался он.

Девушка некоторое время собиралась с мыслями.

– Я пришла навестить одного дорогого друга, – задумчиво ответила она.

– Это хорошее дело, дочка. О мертвых мало кто вспоминает...

– А вам не страшно здесь сидеть? – как-то по-детски спросила девушка.

Старик расхохотался. Девушка засмеялась тоже.

– Я дочка, слишком стар, чтобы пугаться призраков, – отирая слезы от смеха, ответил он.

– Но вы выглядите очень молодо, – не сдавалась девушка.

На старика опять нахлынул приступ смеха. Отдышавшись, он посмотрел на неожиданную собеседницу и сказал:

– Ты очень добра, дочка. Это качество люди часто недооценивают.

Оба замолчали, думая каждый о своем. Перед взором девушки мелькали картинки из прошлого, дорогие сердцу воспоминания о прогулках по лесу, коробке халвы, занимательных рассказах и смехе родного человека.

Старик же думал о своих детях, которые разъехались по всей стране и не давали о себе знать. Он размышлял о том, где именно он ошибся в воспитании своих детей. Сильно скучая по ним, по своим внукам, он украдкой утер слезу, теперь уже – печали.

Оба собеседника украдкой утирали слезы. Посмотрев друг на друга, они снова рассмеялись.

– Я уверен, твой друг был счастливым человеком, раз знал тебя, – посмотрев на собеседницу, изрек старик.

Девушка посмотрела на него и снова удивилась.

– Вы мне его напоминаете, – сказала она.

– Ну, значит, он был прекрасным человеком, – серьезно ответил старик.

– Больше чем просто прекрасным.

После этой странной беседы они разошлись, попрощавшись друг с другом. Это была встреча двух незнакомых людей, но их разговор наложил неизгладимый отпечаток на обоих. На душе у обоих стало светлее. Иногда очень полезно поговорить с незнакомым человеком.

В центре кладбища стояла одинокая фигура. Платье развевалось от ветра, по щекам струились лучистые от заходящего солнца слёзы.

«Как много всего мне хочется тебе рассказать», – думала девушка.

Какое-то существо начало доверчиво тереться о её ноги. Девушка посмотрела вниз. Это был маленький растрепанный котёнок. Она вспомнила, что дедушка любил животных. Подняла котёнка, погладила. И снова представила лицо своего дорогого друга.

«Благодарю тебя за то, что ты был и всегда будешь со мной рядом».

Ветер опять зашевелил ее платье. Знакомый голос прошептал:

– Я горд тем, как воспитал тебя.

«Полковник Советского Союза»

Нет, друганы мои, не знаете вы, что это за звание такое – «полковник Советского Союза. Именно так, потому что в то время на всем пространстве СССР, хоть в Прибалтике, хоть в Средней Азии, – везде и всегда полковник оставался полковником.

Да и так легко это воинское звание никому не присваивалось. Это сейчас в неполные тридцать лет «полканами» становятся. А нам для того, чтобы посадить три большие звезды на погоны и получить каракулевую папаху, как у наших аксакалов, надо было служить и служить.

Расскажу-ка я героический – не боюсь этого слова – «эпизод» из своей армейской биографии. Работу работать я не боялся, к долгу своему воинскому относился добросовестно, можно сказать, даже с инициативой и творческим подходом, но при этом не был служакой-карьеристом. Любил сладко есть, крепко спать, нос всегда был в табаке, да и от «стаграмм» никогда не отказывался.

Так вот, служил я службу в Забайкалье заместителем командира полка ракетных войск стратегического назначения. Вызывает меня как-то командир части и объясняет обстановку:

– Во время учебного пуска ракеты расчёт радиолокационной службы соседней дивизии будет создавать нам помехи, для того чтобы сбить запускаемую ракету с верного курса. А «бандуру» свою на колёсах, ту самую, которая будет создавать помехи, поставили в расположении нашей части.

В военное время я бы взорвал их «шарабан на колёсах» вместе со всем личным составом, и дело с концом. А здесь передо мной «условный противник». Что делать?

В боевом уставе Вооруженных сил сказано, что командир должен проявлять инициативу и находчивость. Я так и решил действовать.

Почесал свой сократовский затылок, (в самом деле, если есть «сократовский лоб», значит, должен быть и «сократовский затылок», но это уже кому что дано), думу свою подумал и принял командирское решение. Взял ящик водки, соответствующей закуски и накрыл стол в бомбоубежище нашей части, загнал туда ребят из шарабана, тех самых, которые должны создавать помехи и сказал:

– Вот вам «закусь» и «выкусь». И из этой камеры нет вам ходу на волю. – Закрыл их на замок и для верности приставил к дверям часового.

Приближается время «Ч», начинается подготовка ракеты к старту, а помех, которые по идее наших отцов-командиров должны быть, почему-то нет. Ракета наша стала, как говорится в старинных летописях, спокойно

«сбираться, чтобы побить неразумных хазар». А «условный противник» в это время выполнял альтернативную «боевую задачу» – уничтожал поставленные мною продуктовые припасы и водку пьянствовал.

Собрался по итогам учебных пусков «узкий круг ограниченных лиц» наших отцов-командиров и учинил нам разборку полетов.

Быстро выяснилось, почему не было помех во время учебного пуска ракеты. Вызывает меня командир «на ковёр» и грозит всеми небесными и земными карами. А я, как и положено подчиненному, «ем глазами» начальство.

– Майор, – обращается он ко мне, – не делайте умную морду, ведь вы же офицер!

Затем объявляет о моём неполном служебном соответствии, и отправляет под домашний арест. Другой бы руки опустил, но я-то не только при погонах, но и джигит. Построил я себя в две шеренги, другими словами стал против зеркала, и команду себе: «Стоять, Казбек!» А на ум приходит «Чёрный квадрат» Малевича. Все знают, что это шедевр, а суть его понимают только искусствоведы. Может, думаю, найдётся такой «искусствовед» в РВСН, который оценит мой поступок. И он нашёлся в лице нашего командующего.

Оценив мою находчивость, он вкатил командиру нашей части выговор, а меня рекомендовал в военно-инженерную академию, окончив которую, я и дослужился до «полковника Советского Союза», получил каракулевую папаху, как у наших аксакалов, и три большие звезды на погоны. Вот так-то, друганы мои!

«Ква-ква»

Говорят, что человек, знающий один язык – это один человек. А тот, кто постиг нюансы двух языков, похож на рекламируемый по телевидению шампунь «два в одном». Особое значение этого рекламного тезиса начинаешь понимать за рубежом.

Был я как-то в Великобритании, в составе небольшой, но официальной делегации, состоящей из моих коллег – директоров образовательных учреждений республики, и высокого в прямом и переносном смысле чиновника их российского министерства.

Встречали нас хорошо. Ознакомили с системой образования объединённого королевства, не забыли и о так называемой культурной программе: показав исторические места и красоты Лондона, вечером отвезли в китайский ресторан.

В середине застолья гид-переводчик сильно захмелел, и гостеприимные хозяева отправили его спать. Наши познания в английском в рамках школьной программы позволили продолжить диалог за столом на смеси жестов, отдельных англо-русских слов и междометий. И всё шло просто

замечательно. Но вот на стол подали главное блюдо – противень с добрым десятком блестящих мисок, подогреваемых снизу сухим спиртом.

Особенность шедевров китайской кулинарии состояла в том, что это были кусочки мяса неизвестного происхождения под соусами различного цвета и консистенции. Поэтому определить на вид, из чего всё это приготовлено, было невозможно.

Мы поели мяса из первой миски, второй, третьей, доходим до четвертой, и один из наших хозяев объясняет, что очередное блюдо приготовлено из «ква-ква».

Пробовать «лягушатицу» мне не хотелось, но когда я увидел, как министерский чиновник и один из моих коллег-директоров с удовольствием стали уплетать блюдо, приготовленное из бывших болотных обитателей, решил последовать их примеру. Протянув руку к блюду, я услышал ядовитый шёпот другого директора:

– Анатолий, – предупреждая сказал он, – если ты съешь хоть один кусочек «лягушатицы», я тебе завтра руки не подам.

Убедившись в том, что мой коллега не шутит, я прекратил трапезу.

И вот в другой раз мы посетили такой же китайский ресторан, но уже в сопровождении трезвого переводчика. Сидим, наслаждаемся восточными яствами, а переводчик по ходу пиршества комментирует каждое блюдо. Доходим до злополучной четвертой миски, и он говорит:

– А это блюдо для простоты можно назвать «кря-кря».

– Как «кря-кря»? Это что же, утка в соусе?

– Да, – подтверждает переводчик.

– А как же «ква-ква»?

– Дело в том, – продолжил переводчик, – что англичане не едят лягушек, и вас не стали бы этим угощать. И не случайно они французов называют «лягушатниками».

Вот вам и разница между «ква-ква» и «кря-кря»!

Молодость и задор

Служил я службу в г. Ставрополе – помощником военного коменданта города. И вот поступает как-то в военную комендатуру сигнал от бдительных граждан о дебошире-военном, который в районе железнодорожного вокзала пристаёт к прохожим. Послали меня разобраться в этой ситуации.

Прибыл я к месту назначения. Смотрю, стоит на привокзальной площади в плаще с белоснежным шарфом, слегка подвыпивший, высоченный, пожилой и гладко выбритый полковник. Я смело подошел к нему и представился.

– Помощник военного коменданта лейтенант Мишенков. Разрешите ваши документы.

– Что ты сказал? – переспросил он меня.

Я бойко ему еще раз отрапортовал:

– Помощник военного коменданта лейтенант Мишенев.

Он уперся мне в грудь заостренными пальцами и сказал:

– Помощник, говоришь? Так вот иди и «помогай» своему коменданту, а мне здесь не мешай.

Мой доклад военному коменданту города о том, что сказал полковник-отставник, изрядно повеселил его, а меня заставил задуматься над фразой, которую я не раз слышал от старых вояк: «Опыт и алкоголь всегда возьмут вверх над молодостью и задором».

«Капитаниссимус»

Официально воинского звания «капитаниссимус» не существует. Такое сочетание воинских званий капитана и генералиссимуса бытует лишь неофициально, среди друзей-сослуживцев, в тех случаях, когда трижды проходит срок присвоения капитану очередного звания «майор».

Причин этой служебной несправедливости великое множество, но несмотря на это друзья-сослуживцы, во время очередной «крупной пьянки», присваивают несостоявшемуся майору шутовское воинское звание «капитаниссимус».

Так вот, один из «капитаниссимусов» должен был уйти в отставку, а его сверстники-сослуживцы полковники, решили помочь капитану стать майором. И как раз накануне демобилизации в часть, где служил «капитаниссимус» приехала аттестационная комиссия.

Из гуманных и дружеских соображений капитану на экзамене дают весь комплект воинских уставов, делают закладки в нужных местах, предоставляя абсолютную свободу.

Но не тут-то было! Наш удалой «капитаниссимус» сидит и ничего не пишет. К нему подходит один из членов комиссии и спрашивает:

– В чём дело? Что не понятно?

– Ты представляешь, Ё. К. Л. М. Н! – отвечает капитаниссимус, – я служу около тридцати лет и до сих пор не знал, что в воинских уставах все написано и есть все ответы на все вопросы. Здесь же всё написано! Здесь же всё написано! Здесь же всё написано! – как мантру повторяет он и со стоном закатывает глаза.

Два белых зайца

Мне позвонил друг.

– Слушай, Толяныч, у тебя есть белая краска?

– Да, – ответил я, – мне же нужно отремонтировать школу.

– Тогда, Толяныч, – продолжал мой друг, – ты подари моей жене банок пятнадцать белой краски, я тебе их компенсирую.

– Это что за фокус ты придумал? – спросил я, недоумевая. – В чем «прикол»?

– Все очень просто. Мы с тобой «убьем двух зайцев».

– Ты же знаешь, что моя жена – заведующая детским садом, и ей нужно делать ремонт, а денег на это, как всегда, не дали. Вся надежда на спонсоров и родителей. Она попросила меня найти ей спонсора. Мне что-то не хочется ни у кого ничего кланчить. А «прикол» в том, – продолжал друг, – что ты «безвозмездно» даришь краску моей жене. Потом я на свою «заначку» покупаю и возвращаю тебе такую же краску. И мы с тобой одним выстрелом «убьем двух зайцев». Договорились?

– Договорились!

Примерно через час к школе подъехала супруга друга. Я объяснил своему завхозу нашу с другом беззловбную аферу, и он, включившись в нашу игру, приготовил к погрузке несколько ящиков белой краски. Когда началась погрузка, завхоз громко сказал:

– Да что там «мелочиться», Анатолий Николаевич, давайте погрузим не пятнадцать, а двадцать банок краски для супруги нашего друга. Помогать так помогать!

У жены моего друга радостно заблестели глаза, и она нерешительно протянула мне скомканные в руке деньги.

– Да нет же, – картинно, но очень мягко возмутился я. Это же «безвозмездный подарок».

Переполненная светлыми чувствами признательности и восхищения уезжала с «подарком» жена моего друга.

Ну а мы с другом, как и планировали, одним выстрелом «убили двух зайцев». Он ни перед кем не унижался, ни у кого не кланчил краску, а я в глазах его жены поднялся на недосягаемый «пьедестал».

Дреле-коньяк

Я шел по делам. В руках была дрель, завернутая в пакет. Вспомнив, что мне надо зайти в поликлинику, взял талон в регистратуре и зашел в кабинет к доктору. Заметив пакет, который я держал в руке, эскулап стал картинно возмущаться:

– Ну, это уже лишнее! Зачем же к врачу с подарком? Наверное, это коньяк, и, видимо, недешевый? Вот вы сами ходите к нам с подарками, а потом критикуете! Где же ваша совесть? И не стыдно?

Я не успел ничего объяснить, как врач сжалился надо мной и продолжил:

– Ладно, ладно! Кладите пакет в шкаф и раздевайтесь для осмотра!

Пришлось после этого бежать в магазин за коньяком. С той поры я не хожу к докторам с пакетами и оттопыренными карманами. Ну зачем же смущать остроглазых и догадливых врачей еще и «конвертами с деньгами» в карманах?

Узнаю...

На день рождения уважаемого человека были приглашены сотрудники партийных органов и хозяйственные руководители республики. Тосты-здравицы в честь именинника лились бурным потоком.

Пили за виновника торжества, его родителей, детей, соседей, друзей и друзей его друзей, и даже за удачу в розыгрыше очередного тиража денежно-вещевой лотереи.

За столом сидел «красавец», который за долгие годы работы в партийных органах так и не достиг карьерных вершин. Но он был оптимистом и не унывал. Застой в карьере успешно компенсировал заботой о семье, в том числе за счет рабочего времени. Понимая, что он лишь винтик большой партийной машины, часто отлучался с работы под предлогом проверки «мелких партийных организаций».

На вопрос – почему он использует именно этот предлог, отвечал:

– Все очень просто, когда я говорю, что иду «по мелким партийным организациям», эта формулировка дает мне желанную свободу для занятий личными, семейными делами. Дело в том, – продолжал он обычно, – что в крупных партийных организациях работает от трех до пяти штатных сотрудников, и всегда кто-то из них на месте. Кроме того, крупные партийные организации имеют отдельный номер телефона, по которому можно легко выяснить был ли я там или нет. (Сотовых телефонов, понятно, тогда и в помине не было.) То ли дело «мелкие партийные организации». В них нет отдельного телефонного номера для партийных функционеров, секретарями партийных организации являются люди с производства – экспедиторы, снабженцы, заведующие цехами или гаражами и т.д. Найти их на производстве не так легко, они же не сидят на месте. Могут отлучиться за пределы предприятия, выехать на неделю-другую в командировку. Как говорится, ищи ветра в поле, а заодно и меня.

Железная аргументация в пользу недюжинной смекалки и практичности «красавца». Но на праздновании дня рождения уважаемого в республике человека он все таки сплеховал. Слыша поток здравиц в честь юбиляра, он решил перещеголять всех.

Заметив висевший на стене портрет бородатого мужика, а это был Эрнест Хемингуэй, решил сделать комплимент юбиляру.

– Наверное, это ваш предок. Узнаю фамильные черты юбиляра, – сказал он и торжественно-снихождительно оглядел сидящих.

Дружный хохот, как реакция на «глубокие познания» в мировой литературе «красавца-партократа», еще долго звучал за столом юбиляра.

*Ирина БЕЛОЦЕРКОВСКАЯ,
зав. сектором естественной истории ГКУК
«Национальный музей КБР»*

Рыжик

Кот жил в семье пенсионеров и был любимым хозяином и хозяйкой. Сытый, ухоженный, с красивым рыжим окрасом шерсти, он вызывал всеобщее восхищение у окружающих. В отличие от других домашних питомцев, закрытых в четырёх стенах «хрущёвок», Рыжика выпускали во двор. Маршрут прогулок был коротким – вокруг дома и до гаража, на пороге которого он любил лежать. В один из таких дней он, растянувшись на своём месте, коротал время, его хозяин был рядом и возился с машиной, выгнав её на площадку. Любимец семьи беззаботно нежился в лучах весеннего солнца, прищурив глаза и одновременно контролируя обзорную для него территорию. Вдруг он подскочил – на горизонте замаячил пес. Дворняжка с взлохмаченной шерстью, озабоченная поисками чего-либо съестного, была в три раза больше кота. Рыжик отреагировал, как и все кошки, – выгнул спину, замерев, как статуя, подвижными оставались только глаза, продолжая фиксировать происходящее. Собаке было не до него, не до его переживаний, она даже не взглянула в его сторону, занятая весьма полезным занятием – обглаживанием листьев пырея. Заботливые слова хозяина, обращённые к своему любимцу: «Чего ты испугался? Если боишься, иди спрячься в гараже!» – сняли напряжение с кота. И это природное изваяние ожило, стало топтаться на месте. Рыжик продолжал грациозно держать спину дугой, и хвост тоже еще был изогнут под определённым углом, но это уже было скорее по инерции, чем для защиты. Глаза же по-прежнему были устремлены на «нежеланный объект». Как долго стоял бы кот, позируя и выражая своё отношение к дворняжке, неизвестно, – пес не торопился покидать этот участок. Вопрос разрешился неожиданно – упала сухая ветка с дерева и сильно напугала пса. «Да он из породы трусливых», – вероятно, подумал кот, потому как сразу поменял тактику поведения. Выпрямил спину и стремительно двинулся вперед, чтобы прогнать пса. Реакцией собаки на такой агрессивный настрой было отступление вглубь пустыря, благо сорняк-пырей рос повсюду. Кот зевнул, вдохнул свежего воздуха и вернулся на «лежанку». Отдохнуть ему так и не пришлось, причиной опять была та же собака. Дружелюбно виляя хвостом, она неуверенно стала приближаться к хозяину, заинтересовавшись его ведром. Такого дерзкого поступка кот вынести не мог. Он подскочил, как ужаленный и, не снижая темпа, поспешил наказать пса. Как настоящий хищник,

выбрал удобную позицию, чтобы напасть со спины. Рывок, и его когти вонзились в бок пса. Дворняжка заскулила от боли и от обиды, и её подавленный вид вполне соответствовал крылатому выражению «как побитая собака». Было трудно понять, кто радовался больше, но слова хозяина, обращённые ко мне: «Вы видели, вы слышали! Как мой кот эту дворнягу!..» – звучали очень восторженно...

Я же в очередной раз убедилась, что обстоятельства и определённые условия вырабатывают свою систему поведения. Всё, как и у людей.

Прыгун

Этот забавный случай произошел много лет назад в Махачкале, куда мы приехали с подругой отдохнуть, но мне он запомнился хорошо.

В первый же вечер нас ждали друзья в одном из кафе на побережье Каспийского моря. Летний дождь, сопровождавший нас всю дорогу, закончился, и – как напоминание о нём – повсюду блестели лужи, отражая отсветы уходящего дня. У одной из луж сидел кот и протяжно мяукал. Как выяснилось позже, ему нужно было перебраться на противоположную сторону. Моё приближение обнадёжило его в исполнении этого желания. Он неторопливо вертел головой, глядя то мне в глаза, то на желанную точку суши, выбранной им по ту сторону лужи.

Параметры «водного препятствия»: шесть метров в длину и два в ширину, были вполне преодолимы для него. Но он с удивительной точностью расположился в центре продольной полосы и занял выжидательную позицию. Поощрять лень коту мне не хотелось, лужу можно было обойти, да и желание его было непонятным: в двадцати метрах штормило море, а жил и кормился он при кафе. Свою проблему кот решил сам. Он подпрыгнул, как мячик. Его прыжок по вертикали был соизмерим с ростом человека. По всей вероятности, он побил все кошачьи рекорды по прыжкам в высоту, но только не в ширину. Приземление произошло ровно в середине лужи. Вода едва доходила до его «щиколотки». Первые две секунды он стоял в оцепенении, затем справился с данной ситуацией и, развернувшись, внимательно посмотрел на меня. Мне показалось, что он торжествовал. Об этом говорил и его уже гордый взгляд, и высоко поднятый хвост, который он держал так ровно и так уверенно, что я невольно увидела в этом аналогию с флагом...

Так бывает и с человеком, когда маленькие победы придают ему силу и уверенность в себе!

Сколько же у нас общего с нашими меньшими братьями! Вспомним Бернарда Шоу, который сказал: «Человек культурен настолько, насколько он способен понять кошку».

Альберт ДЫШЕКОВ

САГА О МОНКОНТУРЕ

В историю отечественного и республиканского коневодства золотыми буквами вписано имя выдающегося жеребца-производителя Монконтура, приобретённого в 1979 году во Франции. Поступив на конезавод «Кабардинский» в восьмилетнем возрасте, он установил рекорд, который до сих пор не удалось побить никому. Почти десять лет, с 1980 по 1990 гг., Монконтур был бессменным чемпионом СССР (и два года Чехословакии) по сумме выигрыша детьми призовых сумм. Ни один другой конный завод СССР, дореволюционной и настоящей России (!) не смог обеспечить такие благоприятные условия для раскрытия потенциала своего производителя с таким впечатляющим результатом.

Тёмно-гнедой чистокровный верховой жеребец Монконтур (промеры: 163-192-20), рождённый в 1974 году от Лютье и Москвички, принадлежит к линии Турбильона. При отличном происхождении он обладал высоким скаковым классом. Мать Лютье – Флют Эншантэ – скакала отлично, выиграла Гран При Довиль, была второй в Гран При де Пари и третьей в призе Пуль д’Эссе де Пулишесс. Мать Монконтура – Москвичка – дочь Моссборо, одного из лучших сыновей Неарко. Моссборо – отец Балимосса, Крейгхауза и многих других известных лошадей. По материнской стороне Москвичка происходит из семейства Марчетты, давшего таких выдающихся лошадей, как Алисидон, Амбиорикс, Май Бэби, Альтес Роял, Клерон. Москвичка родилась в Англии, затем была продана во Францию. Скакала только в возрасте трёх лет. В ближайших рядах родословной Москвички такие известные производители и матки, как Неарко, Гейнсборо, Гиперион, Фэйр Трайл, Селена, Серениосима, Мумтаз Махал.

Монконтур скакал во Франции, Англии и ФРГ в возрасте двух, трёх и четырёх лет, принимая участие в крупных призах. Всего выступил 12 раз, выиграл трижды, занял одно второе и одно третье место. Двухлеткой он выступил только один раз и выиграл довольно крупный приз Сикамбр стоимостью 55 тысяч франков. Трёхлетним Монконтур скакал пять раз и выиграл приз Хокар второй группы на 2400 м, занял второе место в призе Де Курсель за дербистом Кристалл Паласом.

Он принимал участие в таких крупных скачках, как приз Консель де Пари, Гран при Сен-Клу. В четырёхлетнем возрасте Монконтур выиграл в Англии в Аскоте одну из главных скачек второй группы – приз Хардвик Стейк на 2414 м, опередив победительницу в Сент-Леджере Данфермляйн. После этого Монконтур дважды выступил в призах первой группы на 2400 м: Короля Георга VI и Королевы Елизаветы в Англии и Большом призе Бадена в ФРГ. В обоих скачках занял четвертое место, уступив таким известным скакунам, как Иль де Бурбон, Акамас (французский дербист) и Гавайан Саунд (английский дербист). В одной из самых престижных в мире скачек – призе Триумфальной арки Монконтур занял шестое место. Жеребец был гармонично сложен, плотной, сухой конституции, на прочных ногах.

Монконтур поступил в Кабардинский конный завод, один из лучших в то время, где начал продуцировать с 1980 года. С первых же ставок он выдвинулся в число ведущих производителей. В первой для Монконтура ставке (1981 г.) были получены 11 жеребчиков и девять кобылок. Эти лошади появились на ипподромах в 1983 году и успешно скакали на разных дистанциях. Монконтура использовали

в межзаводских подборах; отличные лошади были получены от него в разных конных заводах.

Бомон, от Богии, дочери Гэй Верриора – победитель в Пробном и Летнем призах, стал успешным производителем Бесланского конезавода. Бомбей, от Болоньи (от Гэй Верриора) выиграл в призах Пробном, Осеннем, Анилина, Большом Краснодарском, а также Вступительном и Главконупра; в Пятигорске был призером международных скачек. Прометей, от Прогалины (от Гэй Верриора) – победитель в призах им. РСФСР и Большом спринтерском в Пятигорске, а Форум (от Фонограммы) выиграл в призе Гранита-2.

Отлично скакал Мавр, полученный от бесланской Русы, дочери Статора. Мавр – победитель в призах им. РСФСР и им. СССР в Москве; он был вторым в международном призе Варшавы и занял шестое место в призе Европы. Впоследствии стал производителем Онуфриевского конного завода. Комплект от Кампанулы, дочери Пёрпл Перила Лабинского конезавода, выиграл Приз Закрытия, а Памир (от Пинты, дочери Аркада) Карачаевского завода – победитель в Призе Элиты в Пятигорске.

Среди кобыл выделилась Размашка от Регенерации, дочери Гэй Верриора. Она хорошо скакала в Пятигорске, где выиграла в Осеннем призе, а впоследствии стала отличной маткой в Кабардинском конном заводе. От Размашки получен высококлассный Резон (от Немана), многократный победитель в международных призах. Двух лет на Центральном московском ипподроме Резон выиграл в Большом призе, став лучшей двухлеткой страны, а трёх лет и старше выступал за рубежом, где выиграл в Старогайском Дерби (Словакия), Ст. Леджере в Чехии, Большом призе Кауфхофа в Кёльне.

Рамита (от Рубки) – мать Роны, победительницы в Пробном призе. В конезаводе «Восход» отличный приплод дала Смена от Стойкой (дочери Айвори Тауера). Смена хорошо скакала, выиграла в пяти скачках. От неё получены Стабильный (от Трипл Бака), победитель в призах Летнем, Анилина, в Кубке чемпионов, а также Сизиф, выигравший в призах Анилина, и Закрытия в Ростове. Дочь Смены – Словения (от Лео Кастелли) – также в маточном составе.

Магия (от Гамбии), выигравшая в пяти скачках, дала Мимику, призера московских призов, впоследствии ставшую маткой «Восхода». Аксиома (Монконтур – Асида от Дугласа) была в маточном составе Бесланского конезавода, где дала Альбулина, победителя в Летнем призе. Герма (Монконтур – Гиара от Анилина) хорошо скакала в Москве, заняла второе место в Оксе, призах Аналогичной и Арагвы за классной Гастролью. Практически все дочери Монконтура из первой ставки побеждали в скачках, а впоследствии стали матками в ведущих заводах. Уже в первой ставке Монконтур проявил широкую сочетаемость, что

и в дальнейшем позволило получать от него отличный приплод. Наибольшее же количество классно скакавших лошадей Монконтур дал от дочерей Гэй Верриора.

Вторая ставка Монконтура 1982 г. оказалась очень успешной, от него были получены три победителя в международных призах. Балтимор (от Безенги, дочери Гэй Верриора) выиграл в Призе имени города Москвы (2500 м). На его счету также победы в призах им. РСФСР, Элиты, Вступительном, СССР. Впоследствии Балтимор стал производителем Стрелецкого конного завода.

Румб (от Рудбекии, дочери Баччио Бандинелли) также выиграл в международном призе города Москвы и победил в Призе сравнения. Румб был производителем Лабинского конного завода. Отлично скакал жеребец Помпей от Прогалины, дочери Гэй Верриора. Помпей выиграл в Большом Пятигорском призе, а также призах Элиты, Вступительном, Главконупра. Помпей – производитель конного завода «Ростовский». Вам-2 от Берты, дочери Эффекта, успешно выступал в Москве, где выиграл в призе Осеннем и Закрытия. Гимн (от Гамбии, дочери Бальто) – победитель в Призах закрытия в Пятигорске.

Лучшей среди дочерей Монконтура 1982 г. р. была, несомненно, оксистка Фемина (от Фелюги, дочери Гэй Верриора). Фемина блестяще скакала в возрасте двух и трёх лет. Она выиграла в Большом призе для лошадей двух лет, опередив лучших двухлетних жеребцов. Трёх лет Фемина стала лучшей среди сверстниц, выиграв в Оксе-85 и Международном призе им. города Праги. Резвая Бумага (от Белены, дочери Анилина) – победительница в призах Пробном, Большом для кобыл двух лет, Спринтерском, призёр Международного приза г. Софии. В Кабардинском заводе Бумага дала Баварию (от Витстеда), которая выиграла в призе Арагвы. Римгорка (Монконтур – Растра) – победительница в призе Арагвы в Пятигорске. Многочисленные дочери Монконтура из этой ставки стали успешными матками в разных конных заводах.

В третьей ставке Монконтура 1983 г. также были победители международных призов и оксистка. И вновь наиболее удачным оказалось сочетание с дочерьми Гэй Верриора. Лучшим среди жеребцов стал Разгром (от Райгнерии, дочери Гэй Верриора). Разгром – победитель в Международном призе города Москвы, Призе Открытия, второй призер Дерби. Был производителем в Кабардинском и Онуфриевском заводах. Ром (от Регенерации, дочери Гэй Верриора) выиграл в призе Сравнения, РСФСР, Вступительном. Беломор от Безенги, родной брат Балтимора – победитель в призах Закрытия и Элиты в Пятигорске и Львове. Успешно скакал Бам (от Бемоны, дочери Мурманска), который выиграл в Большом призе для лошадей двух лет и Осеннем в Пятигор-

ске. Феномен, родной брат Фемины, победитель в Прощальном призе, был затем производителем.

Отлично проявили себя и дочери Монконтур из третьей ставки. Лучшей среди кобыл 1983 г. р. стала высококлассная Романтика (Монконтур – Румыния от Мурманска). Романтика выиграла в Большом призе для кобыл двух лет и блестяще выступала три года, став победительницей в Оксе, Призе Аналогичной и Международном призе города Праги. Романтика поступила в маточный состав Кабардинского конного завода, дала Реставрацию. Регата (от Разведки, дочери Эффекта) – мать Рогнеды, победительницы в Осеннем призе. От Рифмы получен Реликт, победитель в Летнем, Осеннем и Большом летнем призах. Одной из лучших маток конного завода имени А. И. Майстренко стала Магистраль (Монконтур – Рута от Раунда). От Магистрالی получены резвые Гардемарин, победитель в Пробном, Летнем, Спринтерском призах, а также Дагомыс, выигравший в Критериуме и дважды в призе Гранита-2.

Монконтур проявил широкую сочетаемость, давая отличный приплод от дочерей как импортных, так и отечественных производителей (Гэй Верриора, Лангета, Геликона, Мурманска, Анилина, Статора и других). Дети его, наряду с резвостью, обладали дистанционной выносливостью. В первых пяти ставках от Монконтур получены тридцать победителей в традиционных призах, в их числе дербист Рим и три оксистки: Фемина, Романтика, Тема. Победителями в международных призах стали семь лошадей: Балтимор, Румб, Разгром, Рим, Фемина, Романтика, Диорама.

Как производитель Монконтур имел замечательный успех, став лучшим, когда его дети скакали еще только второй год. С 1984 по 1990 год он бессменно занимал первое место в списке чистокровных жеребцов-производителей.

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
2017 год

Календарь знаменательных и памятных дат

1	Бейтуганов Сафарби Ногманович	75	7 ноября
2	Биттирова Тамара Шамсудиновна	65	1 сентября
3	Галачиев Таймураз Казбулатович	75	5 мая
4	Геккиев Магомед Батталович	70	15 марта
5	Гергов Арсен Ханахович	70	26 сентября
6	Глашев Борис Ахияевич	50	8 июня
7	Гулиев Мажит Саматович	85	
8	Кармоков Хамид Гузерович	80	14 марта
9	Кошубаев Джамбулат Пшимафович	55	16 июня
10	Котляров Виктор Николаевич	65	17 октября
11	Кулиев Хусей Магомедович	70	15 августа
12	Мусукаева Сакинат Азноровна	60	15 января
13	Сонэ Абдучерим Кадирович	75	28 февраля
14	Тхагазитов Юрий Мухамедович	70	9 апреля
15	Хаупшев Муаед Талович	65	20 декабря
16	Шаваев Хасан Исмаилович	80	19 ноября
17	Шокуев Кадир Баталович	75	3 июля

Памятные даты (дни рождения)

1	Ахматов Ахия Кайсынович	90	2 сентября
2	Балкарова Фаусат Гузеровна	85	27 марта
3	Болтыханов Фёдор Васильевич	95	15 февраля
4	Губжоков Лиуан Мухамедович	80	23 февраля
5	Журтов Биберд Кумыкович	80	19 апреля
6	Залиханов Жанаканит Жунусович	100	8 ноября
7	Каракетов Юсуф Джанболатович	85	15 мая

8	Карданов Буба Мацикович	100	16 октября
9	Керефов Мухамед Жанхотович	95	16 июля
10	Кештов Мугаз Хусинович	80	25 декабря
11	Кудаев Маштай Хамитович	90	18 мая
12	Кулиев Кайсын Шуваевич	100	1 ноября
13	Кушхаунов Алексей Шагирович	75	12 апреля
14	Макитов Сафар Исхакович	100	7 ноября
15	Оразаев Афлик Пшимахович	70	23 ноября
16	Отаров Керим Сарамурзаевич	105	3 мая
17	Теунов Хачим Исхакович	105	23 апреля
18	Хавпачев Амирхан Асхадович	135	8 ноября
19	Хацуков Хасан Мухамедович	80	10 мая
20	Шевлоков Пётр Жабагиевич	90	25 ноября
21	Яропольский Георгий Борисович	60	17 декабря

Дни памяти

1	Бекмурза Пачев	(1854–1936)
2	Кязим Мечиев	(1859–1945) перезах. на Родине (11.11.1999)
3	Али Шогенцуков	(28.10.1900– 29.11.1941)
4	Кайсын Кулиев	(01.11.1917– 04.06.1989)
5	Алим Кешоков	(22.07.1914– 29.01.2001)
6	Керим Отаров	(03.05.1912– 13.10.1974)

В номере:

О проблемах перевода	2
<i>Лариса Маремкулова. Что позволено переводчику? Статья</i>	4
<i>Адам Шогенцуков. Стихи (перевод А. Парнары)</i>	8
<i>Танзиля Зумакулова. Стихи (перевод А. Парнары)</i>	8
<i>Кайсын Кулиев. Стихи (перевод А. Парнары)</i>	9
<i>Аскерби Шортанов. Горцы. Гл. из романа (перевод Л. Маремкуловой)</i> . .	10
<i>Зейтун Толгуров. Бег по синей траве. Гл. из романа (пер. Т. Толгурова)</i> .	26
<i>Бэла Аброкова. Стихи (перевод Л. Местича)</i>	45
<i>Зарема Куготова. Стихи (перевод А. Пряжникова)</i>	47
<i>Исмаил Семенов. Стихи (перевод Х. Джуртубаева)</i>	49
<i>Мурадин Ольмезов. Стихи (перевод Х. Джуртубаева)</i>	50
<i>Любовь Ахматова. Стихи (перевод Х. Джуртубаева)</i>	51
<i>Кертис Билл Пеппер. Детство Леонардо. Главы из книги</i>	52
<i>Анатолий Конин. Искусство</i>	79
<i>Валерий Краснопольский. Стихи</i>	80
<i>Елена Пачева. Медведица. ... Рассказы</i>	85
<i>Пишкан Таов. Наука должна быть выгодна государству и тем, кто ее создает. Статья</i>	97
<i>Людмила Хавжокова. Грани таланта профессора Хангери Бакова. Очерк</i>	108
<i>Самара Саральпова. «Будущее – в настоящем». Интервью</i>	115
<i>Александра Гиренко. Стихи</i>	121
<i>Валерий Крушельницкий. Верность. Рассказ</i>	125
<i>Саладин Жилетежев. На подборе колосков. Рассказ</i>	131
Основные вехи жизненного пути, научной и общественной деятельности В. А. Захарова. <i>Книжные новинки.</i>	140
<i>Маржан Мокаева. Личный пример в действии. Очерк</i>	146
<i>Александр Мусукаев. Осетинские фамилии в современном кабардин- ском мире. Статья</i>	150
<i>Ибрагим Гукемух. Из учительской династии. Очерк</i>	158
<i>Владимир Беспланеев. Жизнь и смерть узденя Боры Абеева. Рассказ</i> . .	161
<i>Олеся Шереужева. Коробка халвы. Рассказ</i>	170
<i>Анатолий Шарданов. «Полковник Советского Союза»... Рассказы</i> . . .	176
<i>Ирина Белоцерковская. Рыжик. ... Рассказы</i>	182
<i>Альберт Дышеков. Сага о Монконтуре. Очерк</i>	184
Календарь знаменательных и памятных дат	189

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов

*В номере использованы фотографии
Артура Елканова*

ЛИТЕРАТУРНАЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

*Литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

Свидетельство о регистрации средства массовой информации.
Управление Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
по Кабардино-Балкарской Республике
ПИ № ТУ 07-00101 от 24.12.2014 г.
Подписной индекс 78452

Компьютерная верстка *Е. Г. Бит-Сава*
Дизайн первой страницы обложки *Юрия Сабанчиева*

Сдано в набор 10.01.17. Подписано к печати 17.02.17.

Выход в свет 28. 02.17. Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная. Усл. п. л. 13,0.
Тираж 2000 экз. Заказ № 45. Стоимость одного номера по подписке
через ФГУП «Почта России» – 32,04 руб., за 6 мес. – 96,12 руб.

В розницу – цена свободная.

Адрес редакции, издателя: 360000, КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 5.
Тел.: главный редактор – 40-03-24,
редакторы, бухгалтерия – 42-75-22,
сайт: pressa.smikbr.ru,
e-mail: literaturnayakb@mail.ru

Отпечатано в типографии ООО «Тетраграф»,
г. Нальчик, пр. Ленина, 33

Материалы для журнала принимаются в распечатанном виде с электронной версией.

Редакция не вступает в переписку с авторами. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Мнение авторов публицистических статей может не совпадать с точкой зрения редколлегии. Авторы сами несут ответственность за достоверность своих материалов. Редакция не принимает рукописи ранее опубликованных материалов на русском языке. При перепечатке материалов ссылка на «Литературную Кабардино-Балкарию» обязательна. Статьи принимаются в объеме, не превышающем 5-ти стандартных страниц (А4), с приложением личных данных (ИНН, страховое пенсионное свидетельство, паспортные данные, номер контактного телефона).